

СТОЛИЦА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

№ 28 (190) 1994 г.

Сразилъ Искандер
«О, мой Покровитель!»
рассказ с.56

Удпн 46878

А/О «ТРАНСТУРСЕРВИС»

– крупнейшее автобусное предприятие Москвы

К Вашим услугам – комфортабельные автобусы, оборудованные для международных перевозок.

Приглашаем туристские фирмы и все заинтересованные организации к взаимовыгодному сотрудничеству.

115583,
Россия, Москва,
ул. Елецкая, 26.
тел. (095) 393-85-82
(095) 393-89-23
факс:(095) 393-84-55

А/О «ТРАНСТУРСЕРВИС»

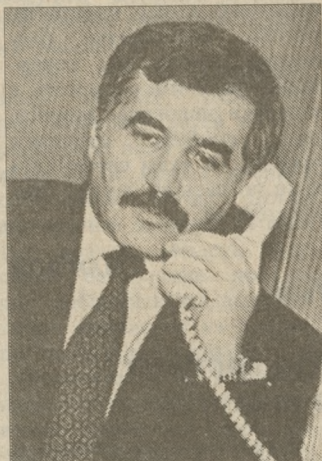
В НОМЕРЕ

4 Николай ТРОИЦКИЙ:
Чеченская «свободная зона» ни дня бы не протянула без покровительства в Ставрополе, Краснодаре и Москве.

20 Леонид БОЧИН:

Строить рыночную экономику при высоких заградительных таможенных пошлинах — задача бессмысленная. При такой таможенной политике ни одно международное сообщество не пустит нас ни на один рынок.

34 Сеймур М.ХЕРЕШ:

Проблема роста преступности в России не ограничивается рамками личной безопасности и экономики — она вырастает до масштабов национальной и международной угрозы.

Политика

«Остров свободы» на карте России **4**
Николай Троицкий
Чеченский кинжал в российских ножах
Экспертиза Института гуманитарно-политических исследований **7**
«Дудаев нас не обманул»
Интервью с Казбеком Дулаевым **10**
О, этот Юг...
Денис Драгунский **11**
Духовидцы
Зоя Крахмальникова **12**
Опять — партийное строительство?
Интервью с Геннадием Бурбулисом **16**
Свобода слова по-сердобски
Альберт Землянский,
Нина Андреева,
Владимир Коновалов **17**

Экономика

Монополизм — это не всегда плохо, но антимонополизм — всегда хорошо
Интервью с Леонидом Бочиным **20**
Отнесите Фаберже «частнику»
Юлия Марьяшкина **23**

Жизнь

Призрачный инспектор Борис Россинский **29**
Ее величество пуговица
Наталья Алякринская,
Эдуард Кудрявицкий (фото) **31**
Дикий Восток
Сеймур М.Хереш **34**
Сап-Марино
Екатерина Гончаренко **37**
Еще все впереди
Виктор Пугачев **39**

Культура

Женщина дня
Интервью с Аликой Смаховой **45**
Мистер поет блюз
Наталья Логинова **50**
Жажда жизни
Дмитрий Быков **52**
Сделавший шаг от смешного к великому
Николай Малинин **55**
О, мой Покровитель!
Фазиль Искандер **56**
Дикие животные сказки
Людмила Петрушевская
Собрание сочинений
Игорь Иртеньев **63**
Эстет Михаил Молочников
Вильям Мейланд **64**

Письма **2**
Цитатник **19**
Прогулки по Москве **42**
Дневник И. **48**

На первой странице обложки фото Э.Кудрявицкого, дизайн С.Стыриковича

12 Зоя КРАХМАЛЬНИКОВА:

Конец затянувшейся нынешней зимы был тяжелым для Патриарха всея Руси. Кроме мелких неприятностей, случающихся с каждым из нас, на Патриарха обрушилось два события, непосредственным участником которых он стал...

45 Алика СМЕХОВА:

Роковых женщин больше играть не могу — надоело. Так надоело, что с удовольствием сыграла бы какую-нибудь уродину. А если серьезно, то жду настоящей трагической роли...

Общественно-политический иллюстрированный еженедельник

Москва, 101425, ГСП-4, Петровка, 22

Телефоны: 928-23-49, 921-67-45

Телефакс: 921-29-85

Телекс: 413739 autp

Журнал «Столица» выходит еженедельно с августа 1990 г. Зарегистрирован Комитетом Российской Федерации по печати 25 октября 1993 г. (№ 0110344). Учредитель: редакция журнала «Столица».

Главный редактор:

Андрей Мальгин

Заместители главного редактора:

Консуэло Сегура, Петр Смирнов,

Владислав Старчевский

Коммерческий директор:

Юрий Бычков

Директор издательства:

Борис Рабкин

Ответственный секретарь:

Анатолий Остроухов

Отдел общественно-политической жизни:

Александр Касатов

Отдел экономики и науки:

Елена Эрикссен

Отдел правовых и морально-этических проблем:

Николай Бахрошин

Международный отдел

Андрей Голубов

Отдел искусств:

Татьяна Савицкая

Отдел литературы:

Дмитрий Быков

Отдел репортажа:

Владимир Грибанов

Отдел писем: Наталья Туровская

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан»

Номер подписан в печать 08.07.1994 г.
Тираж 87 000
Цена договорная

Над номером работали:
В.Старчевский, Н.Ударцева,
И.Цыцарева

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 923-19-71

По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 928-27-69

© «Столица», 1994

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул.1905 г., д.7.
Зак. 1837

«Я бы в слесари пошел...»

Раз в неделю выходят две специальные объемистые газеты с предложениями для ищущих работу. Объявления о найме передают по радио, публикуют почти во всех изданиях, вешают на дверях магазинов и предприятий...

Разве это можно сравнивать с безработицей за рубежом? И разве в подобной ситуации стоит предвещать катастрофу?

Надо только одно: доступно и популярно объяснить людям, что есть нужда в неквалифицированной, но почти всегда хорошо оплачиваемой работе, поэтому, если вам грозит увольнение, стоит попробовать найти себе другое занятие, возможно, попроще, но зато устойчивее.

На Западе вопрос переподготовки прост, у нас почему-то превращен в мировую трагедию.

Думаю, что проистекает это оттого, что миллионы наших чиновников и бюрократов, годами просидевших на одном и том же стуле, исписавших горы бесполезных бумаг, пользовавшихся постоянными и приятными льготами в виде пайков и спецполиклиник, найти себе другого применения не хотят, уходить на пенсию не желают, а желают поведать всем, как ужасно вдруг остаться без работы.

Непонятно только, почему у этих чиновников, и поныне оплакивающих бывший Госплан СССР, идут на поводу наше телевидение и некоторые издания?

К.ЛУГОВОЙ

Москва

«Хам советикус»

В поликлинике мне понадобилось завести стоматологическую карту. У меня потребовали паспорт. Я его с собой не взял и поэтому попросил в регистратуре поднять мою терапевтическую карту и удостоверить, что я здесь живу

и лечусь.

В ответ услышал буквально следующее: «Ты что там твякаешь?» Это сказала высокая, седая, немолодая регистраторша моего же возраста.

Я ушел, не записавшись к стоматологу. Нет, не просто ушел — пишу в «Столицу».

Что делать с этим повсеместно расцветающим пыльным цветом, укоревающимся хамством, с этой почти уже автоматической грубостью? За рубежом — увольняют. Может быть, и нам ввести эту меру?

Конечно, пока подобное предложение иллюзорно. Но давно неиллюзорна грубость, с которой жалобами бороться бесполезно, а грубить в ответ — простите, не выучен. Вот молодежь этому прекрасно учится, результаты блестящие. Скоро мы совершенно разучимся уважать в человеке человека, возраст, пол, вообще отучимся уважать. А «хам советикус» даже по-латыни звучит отвратительно.

М.ОРЛОВ

Тула

Кто поступит в институт

Когда моя дочь училась в одиннадцатом классе московской гимназии, классная руководительница честно объявила нам на первом в году родительском собрании: «Кто хочет, чтобы ребенок поступил в институт, немедленно берите репетиторов! По всем предметам вступительных экзаменов!»

И брали. Ограничивали себя в самом необходимом. И сейчас берут, хотя теперь даже страшно представить, сколько это стоит.

Действительно, «натасканные» репетиторами дети довольно легко преодолевают экзаменационные испытания. Вопрос в другом: для чего тогда школа? Для выдачи аттестата? И почему сами педагоги спокойно признаются в своем неумении и бессилии че-

му-нибудь научить детей?

Появление частных школ, развитие новых экономических отношений — многое вынуждает нас переходить к всеобщему платному образованию. Об этом упорно говорят, почему-то не учитывая самое главное — крайне низкий школьно-образовательный уровень.

Очень сомнительно, что плата за обучение изменит наших педагогов и уровень их подготовки. Они останутся прежними, может быть, только будут уже не столь откровенными.

И.ВОРОНИН

Москва

«Ни земли, ни погоста...»

Моя подруга, немало лет отработавшая редактором в техническом журнале, осталась недавно без работы и устроилась... на кладбище оформлять документы. Сначала было тяжело, но человек ко всему привыкает, и к этим печальным бумагам тоже.

Но вот недавно у нее умер отец, и здесь такая невеселая служба оказалась ей подлинную услугу: все было сделано быстро и недорого...

Ох, как же все это дорого для нас! И как невыносимо тяжело говорить, и писать, и просто думать об этом. А ведь всем это нужно, всем предстоит...

И никакой бабушке теперь необходимой суммы в чулке не накопить, а службы, предлагающие свои услуги по страхованию, чтобы потом оплатить все ритуальные расходы, более чем сомнительны.

Выхода напрашивается всего два: или нам всем жить вечно, или, как советовал поэт, всем дружно идти умирать «на Васильевский остров». Боюсь только, что острова для нас всех не хватит, а вечной жизни никто из нас заслужить не сможет.

И.ТАРАСЕВИЧ

Санкт-Петербург

Женщина на один час

В «Столице» № 22, частное объявление: Вывожу молодых мужчин на тропу житейской мудрости». Теперь уже никого не смущают такие объявления с предложениями определенного рода услуг. Да и положила руку на сердце разве они нам не нужны? В последнее время мы стали честнее, откровеннее и искреннее, стали свободнее смотреть на многие вопросы, в том числе и на первоочередной важности вопросы физиологии.

Надо ли закрывать глаза на саму природу? Вот недавно мне рассказали случай: маленькую речушку в Подмоскovie несколько лет назад перегородили плотиной. Воду, конечно, загрязнили, рыбу уничтожили, кругом — запустение. Смотрела на это безобразное речка, смотрела и не выдержала. «А пошли бы вы все !..» — сказала речушка и потекла себе в обход плотины метров за пять. Теперь сухая плотина стоит сама по себе, речка течет сама по себе, дети плещутся в ней, чистой и ласковой, и думают: «Умница, речка!»

Природа сильна, и не искоренить ее, не уничтожить. А будешь давить — отомстит за насилие. Поэтому, когда год назад у моего сына на пороге совершеннолетия начались серьезные осложнения в отношениях с девушками, я посоветовалась с мудрыми подругами и решила... Мне нашли молодую женщину, которую я никогда не видела и не увижу, но благодарность к которой сохраню на всю жизнь. Она оказалась умницей, как та речка, и буквально спасла моего ребенка от беды, научила его верить в себя и свои силы... Естественно, за деньги. Сумма солидная, я собирала ее не один день.

Конечно, письмо мое выглядит спорным. Это что же, я призываю открыть публичные дома? Считаю это разумным и необходимым? Разумна и необходима сама жизнь, ее зако-

ны, инстинкты и принципы. И ни к чему я не призываю. Просто поделилась прошедшим и еще раз выразила — уже на бумаге — благодарность неизвестной мне Наташе.

Г.К.

Мытищи

Нам патриоты нужны

Говорят, что американцы создали свое свободное и сильное государство лишь после того, как осознали себя великой нацией. Не пора ли и нам понять, что, несмотря ни на что, мы — великий народ?

Думаю, этому новому понятию патриотизма нужно учить детей в школе, иначе получим молодое поколение юрких торгашей и ловких маклеров.

Как учить? Очевидно, здесь особых трудностей нет. Повезите детей на Бородинское поле — это недалеко. И не нужно никаких особенных слов. Детям достаточно вдохнуть в себя тот воздух, увидеть поистине бескрайние просторы, побродить по высокой траве, подняться на холмы, постоять у памятников...

Повезите детей в Переславль-Залесский, где на водах Плещеева озера качался когда-то ботик Петра, где жива память об Александре Невском, а неподалеку стоят сказочные Берендеевские леса.

Дайте детям послушать последних сохранившихся в Суздале мастеров колокольного звона. Юность должна слышать, как поют на заре колокола, перекликаясь в незабываемом музыкальном ритме.

Вот и все. Это совсем немного и нетрудно. А патриоты нам нужны, именно сегодня они во сто крат нужнее, чем вчера, потому что именно сегодня нам действительно есть за что бороться и что защищать.

И.ЛОБАНОВСКАЯ

Москва

Льготная подписка

Уважаемые московские читатели

«Столицы»!

Если вы имеете возможность приехать за нашим журналом в редакцию, мы подпишем вас на второе полугодие 1994 года по льготной цене:

стоимость подписки
на один месяц
1000 рублей.

Подписку можно оформить
в редакции по адресу:
Петровка, 22, вход со двора,
комн. № 610.

Справки по телефону:
928-10-34

«Остров свободы» на карте России

РИА-НОВОСТИ

Николай ТРОИЦКИЙ

Чеченский вопрос занимает в российской политике место, не соизмеримое с масштабами Чечни на карте Российской Федерации. Маленькая республика срывает все планы по возрождению единой и неделимой России и не дает покоя всем институтам и ветвям федеральной власти.

Чеченскую проблему не спишешь на родимые пятна социализма и на проклятое тоталитарное прошлое. Этот узел завязал уже нынешний ре-

жим, в пору наивысшего своего торжества. В августе 1991 года в Грозном, вслед за Москвой, случилось нечто вроде революции. Последнего секретаря Чечено-Ингушского обкома КПСС Доку Завгаева дружно, в едином порыве свергли многие — Александр Рудкой, Руслан Хасбулатов, Геннадий Бурбулис и восставшие «народные массы», снабженные стрелковым оружием и БТРами. Повод для «вооруженного гнева» был серьезный: Завгаев запятнал себя поддержкой ГКЧП. Пришедший ему на смену ставленник демократов генерал Джохар Дудаев, однако, повел себя «неправильно». Вместо благодарности московским соратникам за подмогу он

незапланированно объявил полную независимость Чеченской Республики.

С тех пор прошло почти три года. Дудаев дерзко стоит на своем. А Москва извлекла уроки из первого опыта непосредственной демократии. Во всех северокавказских республиках (кроме Ингушетии, возникшей после 1991 года) до сих пор правят бывшие первые секретари обкомов. Им не поминают старых грехов — связи с ГКЧП, антиельцинскую агитацию, а они в ответ не создают Центру новых проблем, всегда в нужный момент поддерживают президента. Мало того, сам свергнутый Завгаев пристроился в кремлевской администрации.

АЛЕКСЕЙ САЗОНОВ

Здравый смысл и покой на южных границах оказались сильнее идеологических догм. Вот только на взаимоотношения Москвы и Грозного не хватило прагматизма. Обе стороны ведут себя непоследовательно и экстравагантно.

Дудаев то поддерживает Ельцина в его «решительных действиях» (есть что-то общее между двумя крутыми президентами), то обвиняет Россию в империализме, то объявляет себя единственным наследником СССР и зовет на царство Горбачева с Лукьяновым. Россия в ответ то угрожает, то игнорирует упрямого генерала, то отрицает его как политический факт, то привлекает в свои объятия. А узел остается нетронутым. Не ругается и не развязывается.

За прошедшие годы обитатели московских коридоров власти так и не сумели выработать единой политики в отношении Чечни. Нет ни внятной тактики, ни последовательной стратегии. Каждый, кто пытается заняться чеченской проблемой, действует в одиночку, на свой страх и риск.

Существует подробный план, разработанный вице-премьером Сергеем Шахраем. Он отличается комплексным подходом и некоторым реализмом. Шахрай исходит из того, что Чечня — это не один только Джохар Дудаев и подвластное ему правительство. В республике имею-

тся оппозиционные партии и движения, загнанные или в глубокое подполье, или в непокорный северный Надтеречный район, хронически не подчиняющийся генералу Дудаеву. Так вот, Москва, согласно разработкам Шахрая, должна вступить в контакты со всеми политическими силами Чечни, провести с ними консультации, добиться проведения там новых выборов высших органов власти по российским законам, а с избранной народной властью подписать договор по типу российско-татарстанского, при том условии, что Чечня признает себя субъектом Федерации.

Этот план крайне невыгоден Дудаеву. Генерал не хочет и слышать о новых выборах, так как не имеет на них никаких шансов. Да, три года назад народ единодушно его избрал, но теперь, по экономическим причинам, успел передумать. Зато оппозиционеры ухватились за шахраевский план обеими руками. Они готовы на все необходимые уступки: и признать себя частью России, и подписать договор. Однако — услуга за услугу: чеченская оппозиция просит правительство РФ помочь ей прийти к власти.

Придумано просто, хитро и элегантно: Москва слегка прикармливает чеченских повстанцев, нервнрует Дудаева, играет на их противоречиях и добивается своих целей.

Но вместо спокойной поэтапной реализации этого плана, зафиксированного и в послании президента РФ, и в постановлении Госдумы, Москва неожиданно выдвинула другой план, перечеркивающий официальные документы, только что принятые высшими органами государственной власти. Председатель Совета Федерации Владимир Шумейко и шеф администрации президента Сергей Филатов вдруг срочно пожелали вступить в прямой диалог с Джохаром Дудаевым и даже начали было организовывать ему встречу на высшем уровне с Борисом Ельциным. Заодно Филатов, под суфлирование своего подчиненного Доку Завгаева, делает все, чтобы отстранить Шахрая от российско-чеченских переговоров — видимо, учли, что Дудаев недавно заявил, что с Шахраем он общаться не желает.

Генерал сразу оживился, почувствовал значимость своей персоны, заважничал, начал диктовать условия, покрикивать на Кремль. Он не возражает против randevу с Борисом Николаевичем, но желает провести его на нейтральной территории и в присутствии министров иностранных дел. И речь на этом саммите может идти только о признании чеченской независимости, никаких шагов в сторону, никаких компромиссов.

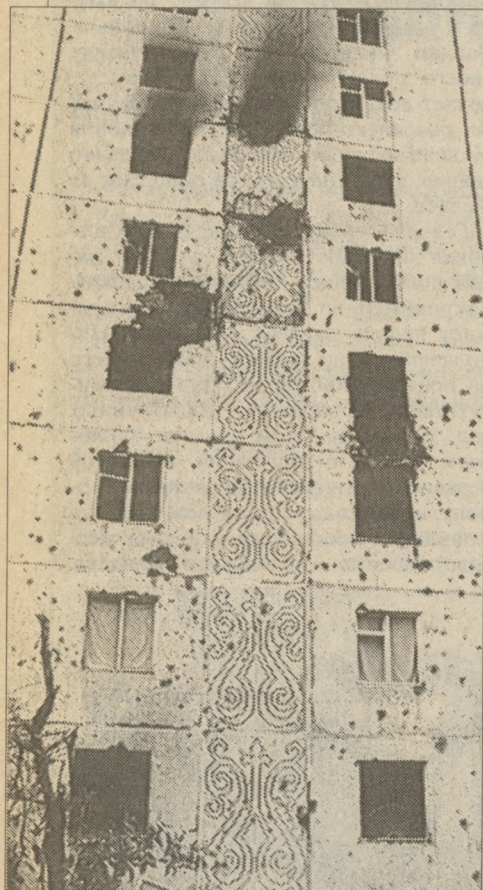
Филатов несказанно удивился неговорчивости чеченского лидера.

АЛЕКСЕЙ САЗОНОВ

Кремль впал в полное недоумение, граничащее с протрацией. Но почему вообще на свет появился этот авантюрный проект? О чем могут договориться Ельцин с Дудаевым? Неужели в Кремле всерьез полагали, что генерал покается, примет себя под руку Москвы и откажется от независимости?

По одной из версий, Шумейко с Филатовым попутал неожиданно возникший на политической сцене Руслан Хасбулатов. Некие аналитики высчитали, что именно экс-спикер

АЛЕКСЕЙ САЗОНОВ

вот-вот возглавит чеченскую оппозицию и придет к власти в Грозном. А подписывать договор с Русланом Имановичем до того не захотелось, что похерили все предварительные консультации и композиции и вцепились в упрямого генерала — только бы он не потерял власть!

Но кто такой Джохар Дудаев с точки зрения российских законов? Всенародно избранный президент? Так ведь эти выборы давно уже отменил съезд народных депутатов — и никто в России этого решения экс-законодателей ни разу не оспорил. В Конституции РФ Чечня числится как обычный субъект Федерации. Дудаев российской Конституции не признает и ей не подчиняется. Следовательно, в Чеченской Республике

никакой законной власти нет.

Оппозиция — такая же незаконная. Правда, она в начале июня легализовалась. В Надтеречном районе прошел «съезд народов Чечни», 2065 делегатов со всех концов республики избрали Временный совет, наделили его полномочиями высшего органа власти. Председатель Времсовета Умар Автурханов теперь именуется законным, хотя и временным, главой республики вплоть до проведения демократических выборов. Строго говоря, тут тоже с легитимностью не все в порядке. Но оппозиция по крайней мере готова провести выборы, вернуться в Россию, возратить республику в конституционное поле. За чем же дело стало?

Юридическая сторона вопроса, похоже, никого в Москве не волнует. Тем более что споры о легитимности властей на просторах бывшего СССР бессмысленны по определению. Кто сильнее, тот и легитимнее. Так и в Чечне. Если Дудаев контролирует ситуацию в республике, то можно считать его законным и единственным партнером. Если же за оппозицией стоит реальная сила, то можно пойти и с ней на контакты. Цинично, но не более цинично, чем вся большая политика. Главный вопрос в другом: желают ли российские руководители урегулировать чеченскую проблему или они предпочитают сохранить статус-кво?

Ответ на этот вопрос лежит не в сфере политики, а в области конкретной экономики.

На одной из своих пресс-конференций Борис Ельцин, вспомнив свой давний призыв к «глотанию суверенитетов», заявил, что «Чечня проглотила слишком много — и надорвалась». Борис Николаевич явно погорячился. Надрыва не случилось. В Чеченской республике стихийно образовалась «свободная экономическая зона». Сначала сырье и товары свободно перемещаются туда, затем так же свободно отправляются оттуда, в дальнее зарубежье. Параллельным курсом свободно текут валютные капиталы. И нет никаких помех: ни налогов на экспорт, ни законодательных ограничений, ни государственного контроля. Зато весомый процент оседает в Грозном, хотя подавляющее большинство населения только облизывается и ничего с этого не имеет.

Пока работали нефтеперерабатывающие заводы, правящая верхушка наживалась на экспорте нефтепродуктов. Миллионные долларové состояния были сделаны, но промышленность замерла. Тогда начали

эксплуатировать аэропорт. Самолеты, туго набитые бизнесменами, таварами и валютой, совершают до 150 рейсов в месяц в страны Ближнего Востока и обратно, с хорошей прибылью для Чечни. Таким образом, дудаевский режим, несмотря на разрушенную экономику и полную криминализацию всех сфер жизни, превосходно держится на плаву.

А как же с независимостью? Бизнесменам удобно — они ни от кого не зависят. Но нефтепроводы проходят по территориям Краснодарского и Ставропольского краев. Грозненские заводы почему-то всегда имели лицензии из Москвы. «Независимые» терминалы с нефтью находились в «имперском» Новороссийске. Наконец, воздушные коридоры для самолетов контролируются российскими военными, до сих пор держащими в руках всю систему ПВО в Закавказье. Вот только российский бюджет не получил от этих суверенных коммерческих операций ни копейки, ни цента. Перекрыть же «свободные» экспортно-импортные каналы до сих пор никому не удалось. Один высокопоставленный российский чиновник рассказывал автору этих строк: как только он пытался завернуть кран на нефтепроводе или навести порядок в небесах, так сразу вмешивались неведомые могущественные силы и восстанавливали прежний беспредел. Ясно, что чеченская «свободная зона» ни дня бы не протянула без покровительства в Ставрополе, Краснодаре и Москве.

Видимо, появление бывшего главы Краснодарского края Николая Егорова в кресле министра по делам национальностей и куратора российско-чеченских связей — это случайное совпадение. Очевидно, точно такое же случайное совпадение — внезапно проснувшийся интерес другого выходца с Кубани, Владимира Шумейко, — в стабильности дудаевского режима (именно Шумейко первым предложил срочно организовать прямые и равные переговоры с грозненским президентом). Но дело сделано.

Шахраевский план сорван. Хасбулатов, едва помаячив, уже ушел в тень, на кафедру, к студентам и диссертациям. Чечня остается независимой от российской прокуратуры и Конституции. Свободная экономическая зона на южных границах федерации живет и процветает. Политика не мешает успешному бизнесу.

Чеченская проблема, скорее всего, так и не будет решена, пока не сменится власть. В Грозном. Или в Москве.

Чеченский кинжал в российских ножнах

АЛЕКСЕЙ САФОНОВ

Экспертиза Института гуманитарно-политических исследований

Военный потенциал Чечни и система управления

После развала Советской Армии в результате нерешительных действий России почти вся дислоцировавшаяся на территории Чечни боевая техника и вооружение, как и весьма развитая инфраструктура в практически нетронутом виде, в 1992 году достались Чечне. Это — учебная танковая дивизия (преобразованная впоследствии в окружной учебный центр — ОУЦ); учебный полигон Северо-Кавказского военного округа; учебный авиационный полк Ставропольского авиационного училища; полк ПВО и части обеспечения отдельной армии ПВО, командование которой было дислоцировано в Тбилиси; конвойный полк МВД России; полк гражданской обороны; милицейский полк; части и обеспечение военного аэродрома в Ханкале; авиабаза Калиновская.

По данным газеты «Красная звезда», после вывода (точнее, депортации) офицеров-славян в Россию в распоряжении вооруженных сил Чечни осталось: 42 танка, 38 БМП, по 14 БРДМ и БТР, более 30 тысяч АКМ,

более 12 тыс. пистолетов, 460 винтовок, более 1000 пулеметов и столько же гранатометов, 565 ПТУРСов, 13874 ручных гранат.

На сегодняшний день силовые структуры Чечни выглядят следующим образом:

президент — Верховный главнокомандующий, исполняющий обязанности министра обороны.

Ему подчинены Генеральный штаб (ГШ), Департамент государственной безопасности (ДГБ), Министерство внутренних дел.

Основными боевыми вооруженными формированиями являются: президентский полк национальной гвардии; полк специального назначения; танковый полк; полупартизанские «абхазские» и «афганские» батальоны (переведенные Дудаевым под контроль ГШ для придания им статуса законных военных формирований; прежде они были лояльны президенту); отдельный авиационный отряд и учебный центр; военно-транспортная авиация.

Кроме этого, в республике действуют: военный колледж, который готовит офицеров для различных си-

ловых министерств; подразделения обеспечения; подразделения гражданской обороны, военкоматы и другие структуры, занимающиеся решением задач на стыке армия — общество.

Участие силовых структур Чечни в политике

Пока созданная система недееспособна. Войска политизированы. Трудно определить, какие из выше-названных официальных военных частей и подразделений ориентированы на поддержку Дудаева, а какие — оппозиции.

Основная масса военных конкретно не ориентирована на те или иные политические силы. Здесь все довольно ситуативно и зависит от социально-экономических факторов. А они заключаются в том, что, по сути, многие воинские формирования в Чечне существуют автономно, как бы на самовыживании. Именно это обстоятельство дало некоторым СМИ основания называть командиров регулярных воинских подразделений Чечни полевыми командирами.

Сегодня чеченский лидер понимает, что многие военные представляют для его режима определенную опасность. Поэтому он проводит весьма сложные внутривнутриполитические маневры.

Во-первых, он стремится сформировать в силовых структурах руководящее ядро из своих единомышленников. Так, ДГБ возглавляет Султан Гелисханов, который в мае спешно формировал президентский полк национальной гвардии из преданных Дудаеву людей.

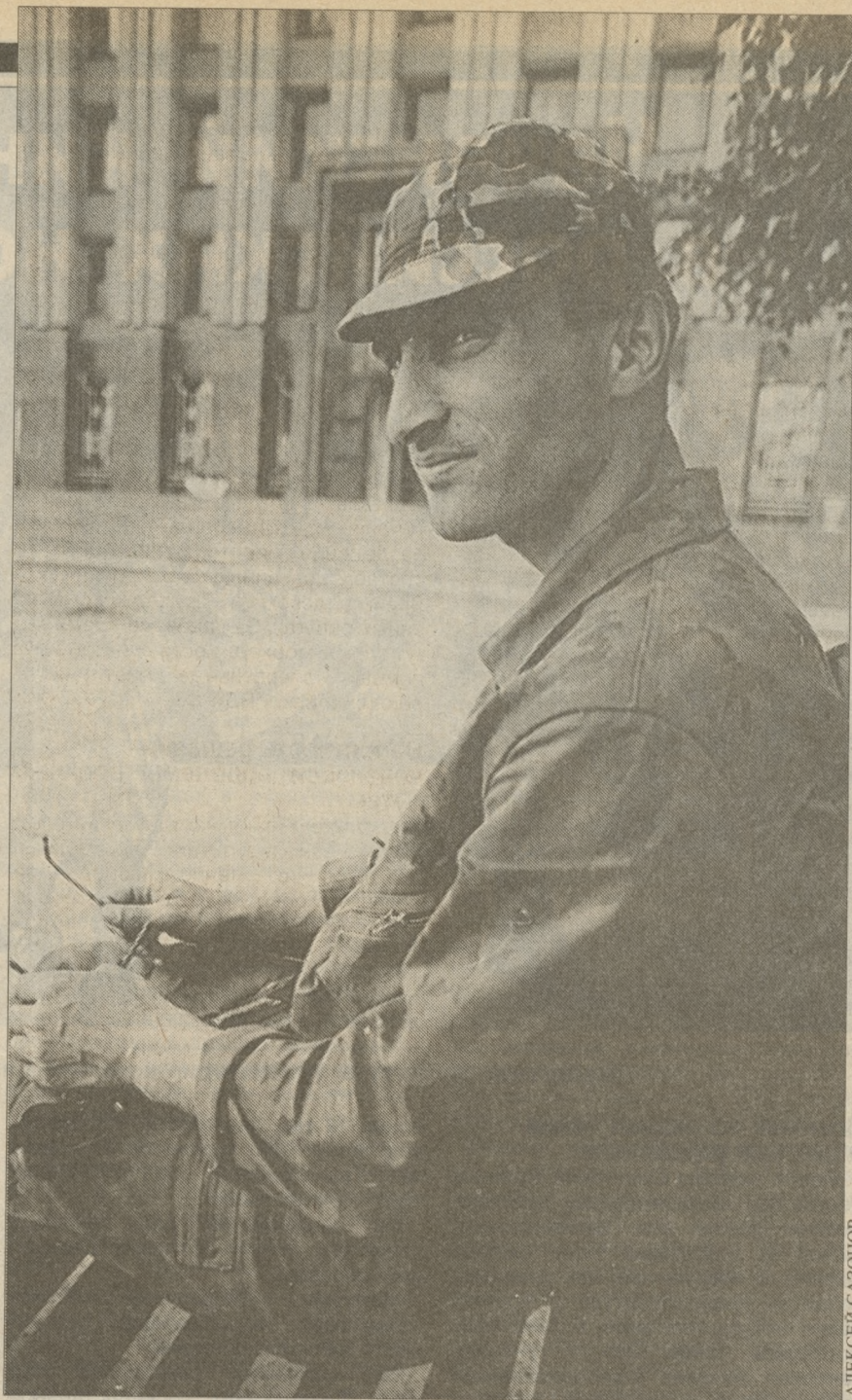
Во-вторых, в Генеральном штабе у Дудаева также имеется свой «комиссар», это — его официальная должность — представитель президента в Генеральном штабе.

В-третьих, Дудаев провел чистку в армии, свидетельством чего стала переаттестация офицеров и прапорщиков.

В-четвертых, Дудаев умеет расправляться и с оппозицией, несмотря даже на сильные клановые традиции в Чечне.

Несмотря на запрещение, в Чечне существуют незаконные и полузаконные вооруженные формирования, объединенные тейпами (кланами), действующие под эгидой Конфедерации народов Кавказа (КНК), различных религиозных организаций. Скажем, в Грозном в 1992 году был открыт филиал организации Международное исламское братство, в котором осуществляется подготовка 150 чеченцев, готовых воевать за идеи ислама в любой точке мира. Подготовку «исламистов» осуществляют добровольцы из Афганистана, Пакистана, Ливии и Алжира. По имеющимся сведениям, в горах Чечни готовятся боевики для помощи мусульманам Боснии. В Чечне, по некоторым подсчетам, на руках у населения находится не менее 30 000 единиц оружия, в основном стрелкового.

Статус вооруженных религиозных формирований — чуть ли не официальный. Это обусловлено тем фактом, что в военной доктрине Чечни определено, что республика может оказывать народам и странам, ведущим освободительную борьбу, морально-политическую, экономическую, а при необходимости и соответствующую военную помощь. Так, с этой целью под эгидой КНК в Чечне планируется создать «силы быстрого реагирования» и «голубые каски» Организации Объединенных наций Кавказа (ООНК). Предполагается смешанное финансирование за счет привлечения других кавказских республик и «исламских» спонсоров. Эти подразделения в основном должны иметь горнострелковую специализацию.

АЛЕКСЕЙ САЗОНОВ

Надо отметить, что чеченцы — один из самых подготовленных в военном отношении народов в России. В послевоенное время (после реабилитации народа в 50-х годах) чеченцы становились отличными офицерами и прапорщиками, специалистами на уровне сержантского состава.

Состояние российских войск, расположенных вокруг Чечни

Самая мощная по плотности войск группировка создана у России на Северном Кавказе.

По Договору об обычных вооруженных силах в Европе Россия может иметь здесь 165 танков и деся-

ток бронетранспортеров. Это соответствует примерно одной дивизии. Однако только «отколовшаяся» от России Чечня имеет на своей территории 42 танка, 38 БМП и способна вооружить целую армию.

Поэтому, как отмечают военные эксперты, для обеспечения безопасности и стабильности России имеющегося у нее в данном регионе оружия и боевой техники явно недостаточно. Министерство обороны РФ, в целом не меняя суммарный уровень боевой техники и вооружения в европейской части Федерации, «усиливает» боевую мощь войск в Северо-Кавказском военном округе. Дивизия ВДВ, выведенная из Прибал-

тики, размещается в Новороссийске. Из Германии в Дагестан также выводится мотострелковая дивизия. В целом в регионе вокруг Чечни развернута целая армия (командующий — генерал-майор Ю.Неткачев, командовал 14-й армией, расположенной в Приднестровье, до генерала А.Лебедея).

Плотность военных подразделений достигается и за счет развертывания здесь по полному штату округа внутренних войск. Эта новая структура для внутренних войск в России; характерно, что развернута она в первую очередь именно на Северном Кавказе. Суть ее в том, что если раньше внутренние войска присутствовали в «горячих точках» вахтовым методом, то теперь КПП, заставы, комендатуры и другие подразделения внутренних войск существуют в регионе как стационарные.

Несмотря на то что в декабре 1993 года президент РФ на встрече в Нальчике дал указание российским министерствам обороны и безопасности по усилению блокирования Чечни, пограничного присутствия на границе с республикой не наблюдается. Российские же войска стоят по периметру Чечни со стороны Северной Осетии, Ингушетии (Малгобекский район) и Хасавюртовского района Дагестана. Со стороны Чечни на отдельных рубежах оборудуются чеченские погранпосты, КПП из состава сформированной пограничной бригады. Как отмечают в республике, блокада Россией Чечни довольно эффективна.

Помимо периферийной блокады, российские войска эшелонированы и в глубину от границы с Чечней. Кро-

ме этого, во многих населенных пунктах развернуты стационарные посты, КПП, комендатуры, заставы из подразделений внутренних войск. Особенно велика плотность войск в Пригородном районе Северной Осетии и в Ингушетии в поселках Чермен, Донгарон, Куртат, Дачное и других местах совместного проживания осетин и ингушей.

Кроме этого, в случае внезапного обострения ситуации на границе с Чечней или в какой-либо другой «горячей точке» в течение 5—6 часов на помощь могут прийти подразделения воздушно-десантных войск и в течение 12—24 часов — части и подразделения миротворческих сил из состава дивизий, дислоцированных в Ленинградском и Приволжском военных округах. За такое же время могут при необходимости прибыть на помощь оперативные части внутренних войск МВД РФ.

Вероятность решения чеченской проблемы военным путем

С точки зрения чисто военной захват основных стратегически важных объектов в Чечне (аэродромов, крупных оборонных частей, заводов, нефтегазразработок и нефтепроводов, а также железных дорог, станций и т.п.) не представляется для российской армии каким-то сложным делом. Однако какие результаты могли бы принести России такие попытки? Прежде всего, долгое удержание этих объектов и мероприятия по адаптации войск к местным условиям и взаимоотношения с населением могут привести к отрицательным

последствиям.

К решению чеченской проблемы военным путем политическое и военное руководство России относится отрицательно. Об этом, в частности, заявлял премьер-министр России Виктор Черномырдин на встрече в феврале 1994 года с вице-премьером Чечни Майрбеком Мугадаевым. При вручении российскому премьеру кинжала было сказано, что обычай вайнахов — дареное оружие никогда не применять против дарителя. Черномырдин ответил: «Можете быть спокойны, пока я здесь, вашему народу ничего не угрожает».

Поскольку в Чечне расположено всего три густонаселенных города (Грозный, Гудермес, Аргун), а селения находятся в долинах рек, на склонах Терского, Сунженского и Скалистого хребтов, густо поросших растительностью и труднопроходимых для боевой техники, то практически война на территории Чеченской Республики может быть бесконечной. В городах, где проживает большинство русскоязычного населения, из его числа могут быть взяты заложники, которых при невыполнении требований боевикам или мародерам ничего не стоит и пристрелить; в горах любой аул или селение могут стать неприступными крепостями.

При дальнейшей эскалации конфликта мужское население может просто уйти в горы в партизаны, в борьбе с которыми регулярные части окажутся бессильны.

Таким образом, Россия не имеет шансов на успех в военном конфликте с Чечней, но рискует надолго «увязнуть» в горах республики.

«Дудаев нас не обманул»

На вопросы «Столицы», отвечает полномочный представитель Республики Северная Осетия при президенте РФ, заместитель председателя правительства республики Казбек ДУЛАЕВ.

— Казбек Мулдарович, почему, на ваш взгляд, столь трудны переговоры президентов Северной Осетии и Ингушетии об урегулировании конфликта между двумя вашими народами?

— Все упирается в территориальную проблему: наш сосед — Ингушская Республика — претендует на часть Пригородного района Северной Осетии и на часть ее столицы — Владикавказ. Хотя если посмотреть чуть назад, в историю... Впрочем, это сегодня проблема политиков. А историки должны еще здесь хорошо поработать.

— Вы правы: увлекшись историческими изысками, можно очень далеко зайти, а проблема запутается еще больше. Поэтому давайте ответим на вопрос, волнующий россиян: почему до сего дня в зоне ЧП идут боевые действия, льется кровь осетин и ингушей и что же надо сделать, чтобы это прекратилось?

— Такая озабоченность понятна, хотя... Сегодня жить в зоне ЧП не более опасно, чем, скажем, в Москве. По крайней мере, в Москве мы то и дело узнаем о кровавых бандитских разборках — с автоматами и гранатометами, в то время как у нас, в зоне ЧП, такого все-таки давно нет. «Война», о которой все говорят, длилась пять дней. Но, конечно, этим я не хочу сказать, что у нас все нормально и спокойно: нет, вопрос не решен, и хотя официальные делегации ведут переговоры, дело движется слабо. И после кисловодских соглашений, и после Указа Бориса Ельцина о возвращении беженцев-ингушей в Северную Осетию мы твердо заявляли: республика готова выполнить Указ, но — выполнить его надо целиком, то есть от первого до последнего пункта. А в первом пункте записано, что часть территории Пригородного района, на которую сегодня претендует ингушская сторона, входит в состав Северной Осетии. Этот-то пункт и не признается до сих

пор нашими соседями-ингушами. Сегодня никакие территориальные притязания невозможны. Не зря же в новой Конституции сказано, что территория республик, входящих в состав Российской Федерации, не подлежит пересмотру.

— Напряженная ситуация в вашем регионе, однако, вызвана не только состоянием ингушско-осетинских отношений. Ее усугубляет, похоже, двусмысленное политическое положение соседней Чеченской Республики. По-вашему, каково влияние Чечни на конфликт между Северной Осетией и Ингушетией, вообще на жизнь соседей?

— Все, по-моему, теперь признают, что проблему нашу не решить, пока не будет урегулирован вопрос о взаимоотношениях Москвы и Грозного, прояснена политическая ситуация с Чеченской Республикой. Такой пример. Сейчас часто поднимается вопрос о необходимости разоружения незаконных вооруженных формирований в зоне осетино-ингушского противостояния. В частности, о разоружении так называемого Управления охраны объектов народного хозяйства Северной Осетии. И у всех, кто наблюдает за ситуацией в нашем регионе, складывается впечатление, что разоружаются такие формирования только в Северной Осетии, а на ингушской территории, значит, подобных формирований и вообще никакого незаконного оружия просто нет.

И впечатление это не случайно. Потому что мы, как законопослушные граждане, все оружие, которое имеем на территории республики, сдаем, не прячем. А вот что касается оружия, незаконно используемого другой стороной, то его... не могут найти! Почему? Все очень просто: и боевики ингушские, и их оружие и боеприпасы находятся на территории Чечни, куда Временной администрации зоны ЧП доступа нет. Более того, из уст ответственных

сотрудников «силовых» структур РФ часто можно слышать, что именно на территории Чечни, а также на территории Грузии готовятся боевики-ингуши для проведения диверсионной деятельности в зоне конфликта. Вот вам что такое Чечня сегодня и как она влияет, в частности, на нашу ситуацию.

— Есть сегодня какие-то контакты между Северной Осетией и Чеченской Республикой?

— Официальных — нет. Ни экономических, ни политических. Однако неофициальные взаимоотношения нашего и их руководства, конечно, существуют. Например, в острой ситуации вооруженного противостояния в те самые пять дней, о которых я говорил выше, мы обращались — и не один раз — к президенту Джохару Дудаеву, который, надо отдать ему должное, нас не обманул, выполнил свое обещание не вмешиваться в войну, не поддерживать никакую из сторон. Но регулярных, ежедневных контактов с руководством Чечни нет.

— В чем конкретно вы видите пользу для Северной Осетии от урегулирования взаимоотношений Москвы и Грозного?

— Если Чеченская Республика официально станет частью Российской Федерации, то в вопросах вооружения наших соседей их, чеченская, территория точно так же, как и любая другая в составе РФ, автоматически становится подконтрольной центральной российской власти. И тогда сами собой исключаются подготовка боевиков, незаконное хранение оружия на территории Чечни и т.д.

А сейчас — поскольку Чечня заявляет, что она не находится в составе России, если не определен ее статус как государственного образования, то каковыми же могут быть ее официальные отношения с другими образованиями, являющимися субъектами в составе Российской Федерации? Как с иностранными государствами? Но мы-то — всего лишь субъекты РФ, а значит, собственных дипломатических и политических взаимоотношений с иностранным государством у нас Конституцией России не предусмотрено.

— Насколько опасна для вашей республики формирующаяся сегодня армия генерала Дудаева?

— Мы не считаем армию Чеченской Республики опасной для Северной Осетии, пока она сохраняет нейтралитет. Но будет ли эта армия держаться такого же нейтралитета и впредь — 100-процентной гарантии дать, по-моему, нельзя...

Григорий КРОШИН

О, этот Юг...

Долгожданный ввод российских миротворческих сил в зону грузино-абхазского конфликта наконец состоялся. По многим параметрам эта акция кажется необходимой, и на первом месте здесь чисто гуманитарные соображения. Во-вторых, это возможность поддерживать необходимый тонус в вооруженных силах, переживающих период разброда и шатания. В-третьих, мировое сообщество фактически признало роль России как силового гаранта стабильности еще на одном участке зоны своего традиционного присутствия (первый участок — Таджикистан). Тем самым очерчиваются контуры стратегических интересов России на южных флангах постсоветского пространства.

Но каковы они, эти интересы? Попробуем трезво ответить на вопрос, который более ста лет назад задал Достоевский в статье «Геок-Тепе. Что такое для нас Азия?». И, в частности, Кавказ, хотя с точки зрения географии он принадлежит Европе. Поэтому спросим короче — что такое для нас Юг?

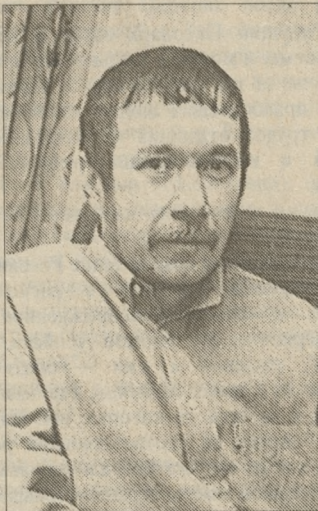
Боюсь, что в рассуждениях о российских интересах на постсоветском Юге мы все еще пребываем в плену представлений, относящихся к эпохе трехлинейных винтовок. К той эпохе, когда политическое, экономическое и военное влияние, или контроль, достигалось мощным непосредственным присутствием в зоне интересов. Думается, что ныне ситуация в принципе иная.

С одной стороны, современные военные технологии, а также система международного права и международной торговли позволяют держать под зонтиком стратегического контроля весьма обширные регионы, не ввязываясь при этом в местные разборки и не пуская корни в почву иной цивилизации. Кстати, именно попытка переварить куски южных цивилизаций, проглоченные в ходе российских колониальных войн, явилась одной из главных причин распада СССР.

С другой стороны, в «зонах интереса» жизнь тоже не стоит на месте. Бывшие «инородцы» и «нацмены» давно уже осознали собственные национальные интересы.

Кажется, они это сделали раньше нас. Если для России постсоветский Юг все еще остается предметом пустых геополитических фантазий, то для Юга северный сосед — это прежде всего зона экономических интересов.

Россия является полем деловой активности бизнесменов постсоветского Юга (вероятно, связанных с политическими элитами своих государств). Капиталы, устремившиеся в Россию, во многом сложились благодаря имперской политике льгот и дотаций так называемым «национальным окраинам». Немалую роль сыграл и экспорт субтропической сельскохозяйственной продукции из Закавказья. Однако миф о «благодатной природе» Кавказа мог существовать лишь в контексте СССР — страны в целом не-

Денис
ДРАГУНСКИЙ

Россия находится в самом начале сложного и драматичного периода — формирования национальной государственности. Сразу уточню — не националистической, а общенациональной. Но чрезмерная включенность России в южные дела, а тем более попытки «интегрировать Юг», лишь тормозит этот процесс.

сомненно северной. Но Кавказ сам является северной зоной для своего исконного ареала и как сельскохозяйственный район вряд ли может всерьез соревноваться со странами Ближнего Востока и Южного Средиземноморья и в качестве продукции, и в ее цене.

По прогнозам, именно Кавказ и Средняя Азия в обозримом будущем станут местом опасной концентрации безработных. Россия для Юга — это спасительный амортизатор катастрофы на рынке труда. Легко представить себе ее последствия, если Россия вдруг начнет вести недружественную или хотя бы строгую погранично-визовую политику.

Выход у постсоветского Юга один — втянуть Россию в свои политические дела. Используя неизжитое имперство и застарелые представления о контроле как масштабном присутствии, сделать Россию гарантом стабильности, а российскую армию — инструментом поддержки слабых режимов и части местных экономических элит.

Ожесточенность грузино-абхазского противостояния, негибкость президента Дудаева, конфликты между народами Северного Кавказа, внутритаджикская война — все это заставляет опасаться, что российские миротворцы, а вслед за ними и сама Россия, будут вовлечены в нескончаемую южную усобицу. На улицах российских городов появятся новые парни в выцветшем камуфляже, с безумным отблеском войны в глазах — уже не «афганцы», а «абхазцы»...

Я не упомянул в этом ряду карабахско-азербайджанский и армяно-нахичеванский конфликты, и вот почему. Соглашение о военных базах в Армении — это явление принципиально иного порядка, чем миротворчество в Грузии или Таджикистане. Армения является оазисом военно-политической стабильности в Закавказье, поскольку ее правительство полностью контролирует свою территорию, чего нельзя сказать о соседних с ней государствах.

Армения может стать форпостом стратегических интересов России в Закавказье, а в перспективе — и во всем переднеазиатском регионе. На повестке дня — поиск подобного форпоста в Центральной Азии. При этом роль такого стратегического союзника надо тщательно прописать, чтобы не было двусмысленностей и недомолвок.

Итак, постсоветский Юг — это прежде всего иная цивилизация, по самым существенным признакам не совместимая с российской (северной). Поэтому главный российский интерес — это контроль за миграционными потоками и импортом капиталов и товаров. Речь идет всего лишь о нормальном погранично-визовом и таможенном контроле, который обычен в отношениях между независимыми государствами, каждое из которых соблюдает свой национальный интерес.

Духовидцы

Зоя КРАХМАЛЬНИКОВА
Кавалер ордена «Дружбы народов»

Конец затянувшейся нынешней зимы был тяжелым для Патриарха всея Руси. Кроме мелких неприятностей, случающихся с каждым из нас, на Патриарха обрушились два события, непосредственным участником которых он стал.

Первое — лишение священного сана о. Глеба Якунина, бывшего узника ГУЛАГа, боровшегося во времена «застоя» и в перестроечные времена за свободу священников и прихожан Московской Патриархии, принимавшего горячее участие в создании нового Закона о свободе совести. И оповестившего общество о найденных им в архивах КГБ документах, подтверждающих сотрудничество с карательными органами высших иерархов Церкви.

Второй поступок Патриарха — изгнание из храма Сретения Владимирской иконы Божией Матери общины и Средненского братства (настоятель — священник Георгий Кочетков).

И то и другое событие взбудоражило церковную общественность, на голову Патриарха, носящего куколь как символ печалования о народе, посыпался град писем, посланий от верующих, интеллигенции, от собратьев по вере из-за рубежа.

Вероятно, Патриарх был обескуражен такой бурной реакцией: с одной стороны, письма вчерашних защитников и поклонников, содержащие прошения об отмене жестокого и несправедливого решения, с другой — нажим «церковных национал-патриотов», требующих расправы с ересью «необновленчества». И пришлось Патриарху в который раз просить поддержки у властей. Митрополит Смоленский Кирилл, ведающий Отделом внешних церковных сношений (церковным министерством иностранных дел), не скрывает, что у Патриарха есть прямая связь то ли с президентом, то ли с его аппаратом, а у самого владыки Кирилла — такая же прямая, но с правительством. Большому кораблю — большое плавание.

Словом, не успел иссякнуть поток возмущенных и вразумляющих Патриарха писем, как он был утешен указом президента о награждении его орденом «Дружбы народов». Награждение последовало, конечно же, не за то, что он лишил сана священника Глеба Якунина, брошенного в Лефортовскую тюрьму КГБ, а затем в лагерь и якутскую ссылку, в то время

как будущий Патриарх ездил в Кремль на приемы и получал награды от Брежнева. И не за то, что Алексей II изгнал общину православных людей, много времени и трудов отдавших на созидание общины и восстановление разрушенного храма.

Нет, не за это получил орден Его Святейшество.

А за «духовное возрождение России». И «дружба народов» в расколотой стране, и «духовное возрождение» при все нарастающем шквале убийств, злодеяний, хищений и лжи — опять-таки оттуда, из Страны Советов, где названия наград и заслуги, за которые они выдавались, никогда не соответствовали реальности, как не соответствовало ей наименование главной газеты страны «Правда».

Меня не интересуют имена «ревнителей духовного возрождения» из аппарата президента, решивших облагодетельствовать Алексея II. Некомпетентность — норма нашей жизни. Было бы наивностью считать, что, объявив Патриарха кавалером несуществующей дружбы народов, борцом за несуществующее духовное возрождение, сочинители указа хотели всего лишь смягчить удары, посыпавшиеся на его Святейшество. Нет, речь в данном случае не идет о милосердии чинов-

Патриарх Алексей II

ников, решивших приурочить награждение Патриарха ко дню его рождения.

Речь идет о политической борьбе за церковь.

Ради поощрения Московской Патриархии стоящие у власти «демократы» нарушили грубейшим образом принципы демократии. Пренебрегая статьей Конституции об отделении Церкви от государства, предпochли Московскую Патриархию всем другим деноминациям России. И без всяких на то правовых оснований признали Патриархию правопреемницей — после 1917 года — всех храмов и всего церковного имущества.

Так новые власти открыли возможность новых гонений и преследований верующих граждан России, «не причисленных» к Московской Патриархии. Так в России началась религиозная война.

Увы, для чиновников, занимающихся церковными организациями, не имеет никакого значения то, что Московская Патриархия не может быть и фактически не является правопреемницей Русской Православной Церкви. Церковное имущество, так же как храмы, принадлежало в дореволюционной России не церковной администрации, не Священному Синоду, не иерархии или духовенству (за исключением тех храмовых зданий, которые строились на их личные средства), а православным общинам, то есть верующим. Народу. Именно они, верующие граждане Российской империи, строили храмы, соборы, монастыри, заказывали иконы, церковную утварь и священные сосуды на свои сбережения и на пожертвования доброхотов.

Однако политическая борьба за Церковь диктует свои понятия о нравственности и праве. Особенно тогда, когда благоволение деятелей Московской Патриархии оказалось необходимо в равной мере Жириновскому и Рущкому, Баркашову и Станкевичу, Зюганову и Лужкову...

Всем противоборствующим друг с другом политическим деятелям Церковь как таковая не нужна. Им нужна идея Церкви. Политическая идея.

И в этом нет ничего удивительного.

«Надо было спасти структуру»

С утратой большевистской идеологии потребовалась ее замена. Политические круги различных ориентаций начали поиски новой идеологии.

Что могла бы предложить истинная Церковь ищущим у нее поддержки? Жажду веры, покаяния, жертвенного служения ближнему, самоограничение, терпение, смирение перед бедами России и, наконец, самый совершенный Дар Христа — единство в любви.

Но все это не политические, а духовные реальности, требующие личной работы, многолетнего духовного подвига,

а не митингов, демонстраций и проклятий политическим противникам. Политиков же, прибегающих к поддержке церковных властей, влекут чисто земные цели: им нужна помощь не в борьбе за души россиян, но за политическую власть над ними.

Те, кто сами именуют себя демократами, проявляют некое подобострастие к служителям Церкви, считая, что это входит в «кодекс демократии». Оппозиционеры ищут в пастырях Церкви (сама по себе Церковь как мистический организм к их посягательствам явно неприложима) «социально-близких», своих. На ш и х.

Термин «социально-близкие», если вспомнить, пришел к нам из «Архипелага ГУЛАГа». «Социально-близкими» для чекистов были уголовники, которых они использовали для борьбы с «политическими». Я вспоминаю об этом совсем не для того, чтобы сравнить церковных деятелей Московской Патриархии с уголовниками, упаси Боже. «Социально-близкими» для «непримиримых» церковные деятели являются благодаря их «номенклатурному братству», ведь в столь недавнее время и те и другие проходили «во власть» — церковную ли, мирскую ли — через одну и ту же дверь.

И сегодняшние «демократы», а вчерашние большевики тоже входили и выходили из той же двери. Только теперь они числятся в «демократах» и в отличие от «непримиримых», лишенных «пирюга власти», не намерены искать в Церкви оправдание своим доктринам о «православности» имперского сознания, о пользе для Державы антисемитизма, нацизма и даже фашизма, если с его помощью процветает Держава. Им достаточно поощрять церковных администраторов, творить культ личности Патриарха, дабы свидетельствовать таким образом о своей приверженности к «национальным святыням».

Но есть одна более тонкая вещь, чем «номенклатурное братство», влекущая коммунобольшевиков к «симфонии» с Церковью. Это — тайная страсть к расколу, ностальгия по расколу, ибо только раскол способствует утолению жажды власти.

«Первым припадком русской беспочвенности, отрывом от соборности, исходом из истории» — назвал священник Георгий Флоровский Церковный Раскол, случившийся во второй половине XVII века при патриархе Никоне. Солженицын в одной из своих статей точно заметил, что тот русский раскол стал причиной Октябрьского переворота.

Раскол возник как следствие духовного изнеможения и, непреодоленный, стал опасным признаком русской ментальности, а в духовной культуре России призрак Антихриста занял одно из существенных мест.

В XX веке раскол, как явление русского духа, достиг своего апогея. После рево-

люционная Россия оказалась свергнутой в бездну мятежной революционной стихии, где должны были сначала быть переплавленными, а затем сожженными все накопленные русским гением в течение веков нравственные сокровища.

По меньшей мере на четыре части разделилась Русская Церковь после революции. На официально узаконенную Сталиным Московскую Патриархию, на каткомбную часть Церкви (и поныне существующую и считающую себя единственной хранительницей в России неповрежденного сотрудничества с боготорческой властью Православия), на зарубежную часть, оказавшуюся в эмиграции (уже в свою очередь разделившуюся за рубежом на три части), и на мученическую и исповедническую Церковь, погубленную в лагерях, тюрьмах, ссылках.

Что же разделило их, застигнутых общей бедой?

Отношение к большевикам и к их новой религии?

Не только.

«Надо было спасать структуру» — так объясняет нынешний глава Московской Патриархии Алексей II суть того явления, которое носит название «сергианства», по имени митрополита Сергия (Страгородского), узурпировавшего с помощью чекистов власть в Церкви после кончины Патриарха Тихона. В 1943 году митрополит Сергий был назначен Сталиным первым советским Патриархом.

Священномученик Дамаскин, епископ Глуховской, погибший после долгих тюремных страданий в тридцатые годы, называл это иначе. Изменой. Великой Апостасией (апостасия в точном переводе с греческого — отступление).

Это свидетельство епископа, принявшего мученическую кончину, опровергнуть невозможно. Мученики за веру с перво-христианских времен почитались святыми, а их свидетельства становились преданием Церкви. Тем более что епископ Дамаскин отнюдь не единственный священномученик, предупреждавший о страшных последствиях гибельной для церкви измены.

Измена всегда порождает раскол, так же как ересь. Исцеляются измены и разрывы только покаянием, других путей Церковь не знает.

Раскол не только дробит Церковь, он обессиливает каждую из Ее частей и поражает «болезнью разделений» общество, прививая ему психологию разобщенности. Посмотрите, как быстро раскалываются партии, «фронты», «союзы» и «соборы!» Это действует «энергия раскола», рождающая жажду власти, столь чуждую духу Христианства. Именно эта «энергия раскола» разделила Страну Советов на эзков, реальных и потенциальных, на партийных чиновников различного ранга и рабов, на русских и нерусских, на чекистов, стукачей и на «объектов» их наблюдений и изучений.

Московская Патриархия молчала с конца 20-х годов и молчанием благословляла геноцид. Она выступала тогда и выступает сегодня в роли Церкви. Но была и остается лишь структурой, отколовшейся от Русской Церкви в период кровавых гонений на Православие. Структурой в свою очередь разделенной: на «клерикальную аристократию», на «жрецов», которые ездят и едут в Кремль на приемы, за орденами и грамотами, и на немую, безмолвную толпу священников-чернорабочих и прихожан.

Понятно, что Московская Патриархия после долгих лет сотрудничества с коммунистами и чекистами, после долгих лет страха перед ними не в силах отказаться от почета, оказываемого ей политиками, рвущимися к власти. А вдруг они добьются этой власти и реставрируют тоталитаризм?

Тем более что сама «патриархальная структура», преданная сталинизму, легализовавшему ее в разгар войны и репрессий, не избежала, по выражению крупнейшего религиозного мыслителя XX века И.А.Ильина, «церковного тоталитаризма».

«Человек, исполненный светоносных знаний»

Декларируя свою непричастность к политике, сегодняшняя «клерикальная аристократия» не только считает для себя возможным вмешиваться в политическую борьбу в роли «миротворцев», но и не препятствует пастырям участвовать в создании и пропаганде коммуноправославной идеологии раскола, ее нацистских и фашистских вариантов. Церковные и монастырские книжные лавки в довольно короткий срок, в последние два-три года, заполнились брошюрами, книгами, журналами и газетами, посвященными страшным злодеяниям евреев, мифам о «богоносности» русского народа, рассказу о русофобских учениях, ритуальщине и об опасности для России ее врагов, в первых рядах которых идут, конечно, те же евреи, а также масоны, демократы, католики, протестанты, американцы и прочие «инородцы».

У спонсоров и авторов этой «мифологической письменности» есть свой «живой классик». Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн. Большая часть этих статей подписана его именем, немалая часть издана по его благословению.

«Вы воспринимаетесь как духовный лидер, — заявляет митрополиту Иоанну редактор газеты «Завтра» А.Проханов, — человек, исполненный светоносных знаний, как духовидец, у которого есть промыслительный взгляд на сегодняшнюю Россию».

Чем же просвещает своих читателей новоявленный «духовидец»? Поток его

графоманских сочинений, наводнивший коммунистическую и фашистскую прессу, обозреть в статье невозможно. Да и вряд ли это кому-либо, кроме Иоанна и «иоаннитов», интересно. Важно другое: перед нами некий «катехизис» псевдоправославного мессианизма, черносотенства и нацизма.

А как же глава Московской Патриархии Алексей II относится к «светоносным» идеям нового «духовидца»? Поддерживает ли Патриарх своих собратьев, отвращающих ядом ненависти воздух России? Смею сказать: да, конечно.

Каждый раз, когда ему задают вопрос об антисемитизме и нацизме, которые

ства, недопустим. Если бы было иначе, Церковь давно прекратила свое существование. Поэтому Апостол Павел в одном из своих посланий Церкви говорит: «Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема» (1,8).

«Нам даже каяться не нужно»

Митрополит Иоанн не одинок, есть у нас и еще «духовидцы». Одним из активных идеологических сторонников его является Дмитрий Дудко — «духовник» газеты «День»-«Завтра».

К моему глубочайшему огорчению, я не могу не только называть Дудко священником, но и считать его таковым.

Вероятно, немногие из читателей моей статьи помнят бесстрашного отца Дмитрия, который в конце семидесятых годов единственный из пастырей Московской Патриархии решился на церковную проповедь, в которой обличал богоборцев и их тяжкую вину перед Россией.

Он был удостоен за свою смелость мировой славы, гордился ею и заботился о том, чтобы она не иссякала, чтобы каждый «укус» советской власти тут же становился известным по всему миру через «враждебные голоса». Он считал себя писателем, выпускал книги за рубежом, становился крупным деятелем «религиозного ренессанса», писал стихи о русской природе и статьи об Илье Глазунове, поощряя его и даже сравнивая его выставку в Манеже чуть ли не с Божественной Литургией. Он надеялся, что его слава защитит его от ареста, которого боялся, никогда не решаясь ходить без сопровождающих.

Его арестовали в 1980 году и посадили в Лефортовскую тюрьму КГБ.

Многочисленная паства Дмитрия Сергеевича была убеждена, что их батюшка — исповедник, мученик, и усердно молилась о нем. Через шесть месяцев, однако, Дмитрий Сергеевич выступил по телевидению и в газете «Известия» (статья называлась «Запад ищет сенсаций»), где заявил, что клеветал на советскую власть, что в СССР никогда не было ни исповедников, ни мучеников за веру, ни гонений, что его проповеди и книги, вышедшие за рубежом, преследовали клеветнические цели и что он отрекается от них. Попутно он назвал имена людей, которые перевозили его рукописи за границу, ничуть не смущаясь тем, что его признание может принести беду этим людям.

Сразу после его возвращения (его привезли домой чекисты, как только закончилось телевизионное выступление) один из его духовных детей написал письмо в КГБ: «Что вы сделали с моим пастырем? Почему вы надели на него шутовской наряд (Дудко выступал по телевидению в костюме и при галстуке. — З.К.), перекроили на свой лад и заставили отречься

от себя?!»

Чекисты не обратили внимание на этот вызов. Дело было сделано. Они внимательно следили за Дудко, чтобы он не посмел и подумать о возвращении на прежний путь. Но духовные дети, естественно, не оставляли своего пастыря. Они усердно занялись его «реанимацией», уговаривая отказаться от лжесвидетельства и принести покаяние: «Мы все пойдем за тобой в тюрьму!»

Это было бесполезно. Лефортовская тюрьма «перемолола» бедную душу Дмитрия Сергеевича. Не стало того пастыря, который своими проповедями зажигал сердца людей и пробуждал в их душах веру и надежду.

Его, конечно, нужно было лечить, так, как лечила первохристианская Церковь во времена гонений своих заблудших детей. Она отлучала их на определенное время, чтобы не заразить других, и для того, чтобы падшие (так она называла тех, кто согласился кадить идолам гонителей) прошли мучительный путь исцеления покаянием и очищением. Это было проявлением любви к заблудшим. Церковь ждала их, обновленных покаянием.

Московская Патриархия, которая долгие годы формировалась в «послушании» и в прислужничестве богоборческой власти, естественно, забыла об этой традиции. Понятно, что ее архипастыри, получавшие санкцию на обречение сана от чекистов и коммунистов, даже не заметили, что их собрат вернулся из тюрьмы со сломанной душой. Или сделали вид, что не заметили, к своей выгоде. Ни у кого из них и доньне не хватило чувства христианской любви и жалости, чтобы остановить Дмитрия Сергеевича в его непомерных стремлениях доказать свою любовь к чекистам, позволившим ему после того, как он стал им послушен, причаститься в тюрьме Страшных Тайн Христовых. Ни у кого из его собратьев не хватило ума и совести, чтобы сказать: «Лучше уж ты, брат, помолчи, отмалчивайся. Бог милостив к кающимся».

Нам не дано знать тех путей, по которым ведет Господь душу для того, чтобы она познала любовь Бога. И тем не менее многие из свидетелей падения Дмитрия Сергеевича не раз пытались разгадать тайну его поражения, которое он выдает за победу, то признаваясь в любви к чекистам и коммунистам, то сокрушаясь от жалости к ним, гонимым, и даже уверяя, что они, дескать, сегодня находятся «у Голгофского Креста». Непонятно только, что их привело к Голгофе: то ли Дудко боится, что их распнут, то ли они снова будут распинать других.

Считая себя христианским писателем, Дмитрий Сергеевич довольно волноно обращается с евангельскими реальностями. Распивая чай в церковном домике после службы, он и раньше любил поговаривать, что все мы, мол, на Голгофе, а если

ИТАР-ТАСС

Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн

проповедаются некоторыми церковными деятелями, Алексей II отвечает, что он сам не поощряет антисемитизм, но выступления митрополита Иоанна или других священников и епископов являются их личным делом, и говорят они, дескать, лишь от своего имени. Подобными заявлениями глава Московской Патриархии свидетельствует о своем личном понимании Церкви и христианской любви.

В «структуре», которую неустанно «спасали» сначала митрополит Сергей, а затем его преемники, такое вполне возможно. Возможно высказывать еретические мысли, сеять ненависть, проповедовать лжеучения.

В «структуре» — возможно. В Христовой Церкви — невозможно. Ибо Церковь — единый организм, в которой плюрализм мнений, касающийся истины Христиан-

выражаться посуровее, то «Россия на Голгофе». Теперь вот коммунисты и чекисты оказались у Голгофского Креста... А чтобы ему поверили, Дудко по праву сочинителя рассказал в опубликованном недавно в «Независимой газете» «Письме о любви» душещипательную историю о том, как, придя домой, увидел двух чекистов, стоящих пред ним на коленях и просящих у него прощения... Вот потешаются, видно, чекисты, столь возлюбленные их бывшим узником!

К слову сказать, это «Письмо о любви» по жанру напоминает скорее разоблачительный памфлет в духе Смердякова (герой Достоевского тоже ненависть и мстительность мог предложить в виде любви). Дмитрий Сергеевич, обличая и поучая о. Глеба Якунина, видно, напрочь забыл, что давал показания на него в суде. Но сегодня он решил вспомнить другое, а именно, что о. Глеб — увлекающаяся натура и даже, будучи увлеченным, якобы сказал ему однажды: «О, эти жидомасоны». Замечание хитрое, и Дмитрий Сергеевич не случайно его приводит. Сам он, как один из «прохановских духовидцев», давно грешит антисемитизмом, это было видно и в те годы, когда он знакомил нас со своими сочинениями. «Все было хорошо и пристойно, но пришли евреи и все испортили». Но это мелочи для «духовидцев». Не о них речь.

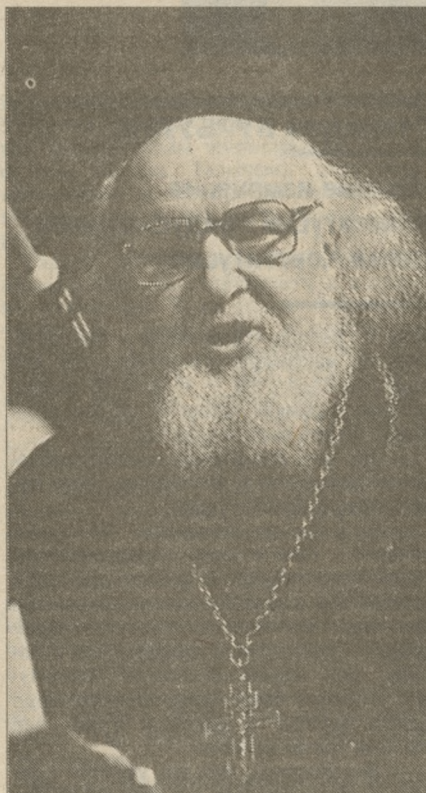
Речь о драме, сокрытой в простеньком, казалось бы, письмишке «о любви». Вот, дескать, смотри, Глеб (я тебя священником не считаю, поскольку ты «парламент любишь больше, чем Церковь»): я и в тюрьме не сидел столько, сколько ты, и якутской ссылки избежал, полюбив еще на следствии чекистов, а вот сана меня не лишили, а ты, Глеб, и сидел, и депутатом стал, и слава у тебя теперь такая, как когда-то у меня была, а сан священник утратил. Вот и поучись у меня теперь! Поклонись архиереям, попроси у них прощения, видишь, как они маются у Голгофского Креста, и воспой, как это сделал я, Декларацию Митрополита Сергея. Ту самую Декларацию, которая превратила Церковь в «структуру», а архиереев и священников научила воспевать хвалу сначала Сталину, а затем всем его преемникам...

Здесь я намерена справедливости ради заметить, что не разделяю некоторые из взглядов о. Глеба Якунина (для меня он, безусловно, остается священником, иереем Божиим, которому Бог дал благодать выстоять в Лефортовской тюрьме, лагере и ссылке). Речь идет о нашем разном отношении к христианской политике и к методам, с помощью которых следует заниматься строительством христианской демократии. Споры нет, о. Глеб — натура увлекающаяся, и, случалось, что увлечения бросали его в объятия людей, которые наносили тяжелый урон и демократии, и христианству. Я имею в виду В.Полосина и В.Аксючица, тоже подвизавшихся на ниве христианской демокра-

тии и дискредитировавших ее идеи.

Не застрахован о. Глеб и сегодня от подобных ошибок, начав строительство новой христианско-демократической партии с людьми, которые весьма туманно, судя по их деятельности, представляют себе не только, что такое демократия, но и что такое Христианство...

Все смешалось в нашей несчастной России! И кружат над ней, как воронье, бесы. И шепчут все то же, что там, в пустыне, шептал дьявол Христу: Поклонись мне! И дам тебе «все царства мира и славу их» (Мф. 4,8). Дмитрию Сергеевичу не нужны царства мира, ему хватает славы.

Священник Дмитрий Дудко

Славы духовника в прохановской «духовной оппозиции». Обуреваемые духом зла, «духовидцы» собирают где только можно свою паству. «Мы признаем на территории России, — пишет в газете «Воля России» никому не известный еще, кроме читателей газеты, «национальный диктатор России», — право быть одной конфессии — Русской Православной Церкви. Всем остальным: иудеям, католикам, протестантам, иеговистам, адвентистам и проч. — предписываю прекратить свою деятельность. Лицам кавказских и азиатских кровей, проживающим в России в период с апреля 1985 года, покинуть Россию; всем лицам с жидовской кровью покинуть Россию навсегда». Паства «духовидцев» объявляет «священную войну во имя Русских Национальных интересов, за Святую Черносотенную

Русь. С Богом в сердце и с мечом в руке! Русь, к топору! Господи благослови!»

«С благословения Отца Дмитрия (Дудко) г. Москва» — читаем в выходных данных этой газеты.

«Нам (русским) даже каяться не нужно», — уверяет нас Д.Дудко в газете «Русь Державная» (№ 3, 1993). В последнем своем сочинении о любви он говорит обратное: надо каяться. Но не тем, кто гнал и мучил верующих и неверующих семьдесят лет в нашем веке, а диссидентам и антикоммунистам, к которым причисляет и себя уже наряду с Солженицыным и Сахаровым (забыл, видимо, Дмитрий Сергеевич, что Сахаров встать с ним рядом на колени не сможет...).

Что это, бред большого сознания? Скорее — одержание. Есть такой термин в духовной жизни.

Одержанием называют пленение души «бесовской оппозицией» Богу. Исцелить этот тяжкий недуг может только Церковь. Такая Церковь, пастыри Которой никогда не посмеют проповедовать мнимую и бесплодную любовь к духовным и идейным наследникам тех, кто превратил нашу землю в погост, уничтожил цвет Православия, возвел в священный сан гонителей Христа и зверски расправился с Помазанником Божиим, последним императором России, с его семьей и его подданными.

Между тем часы коммунизма пробили, повторю я слова Солженицына, будучи уверенной в том, что он никогда не отречется от них.

Да, «подвести часы» не удастся. И Дмитрия Сергеевича вместе с его паствой, «духовной оппозицией», просят не беспокоиться. Не стоит писать и «Писем о любви». А лучше учиться у Святых Отцов Христианству и читать книги тех, кто не изменил Христу в нашем столетии, не предал Его. Таких, к примеру, как И.А.Ильин.

«Национальный дух исцеляется покаянием и очищением, — напоминает он в статье «Возрождение России», — десятки лет суще-диавольского большевизма уже очистили одних и затоптали в грязь других. И вот, очистившиеся должны помочь неочистившимся восстановить в себе живую христианскую совесть, веру в силу добра, верное чутье к злу, чувство чести и способность к верности. Без этого — Россию не возродить и величия ее не воссоздать. Без этого русское государство, после неминуемого падения большевизма, расплзется в хлябь и в грязь».

ИТАР-ТАСС

Опять — партийное строительство?

— Геннадий Эдуардович, как вы, депутат Госдумы, отнеслись к идее спикера Совета Федерации Владимира Шумейко о продлении полномочий нынешних избранников еще на два года?

— Спокойно отнесся. И идея, кстати, не нова: Шумейко озвучил то, что давно уже обдумывается. И не только в профессиональных кругах, но, так сказать, и в политической «глубинке». В самом деле — почему бы не продлить действия наших мандатов? Более полугода мы в парламенте, а многие из депутатов только-только разобрались в сути законодательной деятельности, но... вот-вот, всего через год — новые выборы. И вместе того чтобы нормально работать, мы уже начинаем копить деньги для будущей выборной кампании, мордовать друг друга разными избирательными ужасами. Так что мандаты можно продлить. Но во главу угла я все же ставлю не само по себе их продление, а ответ на ключевой вопрос: как обеспечить стабильность в стране и дать возможность поработать без политического дергания правительства, без политических шабашей в Госдуме и без опасности за президентское кресло Ельцина...

— То есть вы согласны и со вторым предложением Шумейко — о продлении полномочий президента Ельцина?

— Да, я считаю, это было бы уместным, но — с условием, что Ельцин не будет баллотироваться в президенты на следующих выборах. Это дает, во-первых, Борису Николаевичу возможность в течение ближайших четырех лет засучив рукава продемонстрировать в очередной раз свой потенциал президента — лидера реформ, обеспечивая становление новой российской государственности как основы всех других преобразований. Во-вторых, это избавляет многих сегодняшних явных и тайных претендентов на президентский пост от суеты, от политических судорог в изображении из себя любимцев народа. Они, эти потенциальные претенденты, получают для себя тот же четырехлетний интервал — шанс состояться в качестве полноценных политиков, способных предложить стране обещания перемен, а практический результат своей работы. И тогда, по результату, уже можно будет с открытыми глазами голосовать «за» них или «против».

— По-вашему, у президента Ельцина есть потенциал?

— Этот вопрос, пожалуй, самый важный. Да, у Бориса Николаевича есть серьезные трудности: и с точки зрения той социальной базы, на которую он сегодня опирается, и с точки зрения той стратегии, которую он мог бы предложить стране в ясной и конкретной форме. Но! Я думаю, что избавиться сегодня Ельцина от за-

Депутат Государственной Думы
Геннадий БУРБУЛИС:

«Всякие изменения Конституции предусмотрены самой Конституцией»

боты о президентском месте и предоставить ему максимально легитимно еще два года президентства — и есть то первое условие, в рамках которого эта стратегия может начать выработываться.

— Но для продления сроков полномочий депутатов и президента надо менять новую Конституцию.

— Ну и что тут страшного? Всякие изменения Конституции предусмотрены самой Конституцией. А именно: две трети голосов той и другой палат парламента и две трети же голосов субъектов Федерации — достаточное юридическое основание для изменения статей Конституции. И ничего сверхъестественного! Надо просто хорошо поработать, чтобы все эти «две трети» набрать.

— Вы уверены, что это удастся сделать в обеих палатах и в субъектах Федерации?

— Совсем не уверен. Особенно что касается регионов. Я вообще считаю самым главным мнение именно регионов. Я заинтересован в том, чтобы это решение — о продлении депутатских полномочий — прежде всего опиралось на позицию регионов страны. Потому что, боюсь, федеральные власти могут воспринять это продление без должной ответственности. А она необходима. Ради чего эти дополнительные два года даются? Какие правила поведения при этом необходимо соблюдать? Какие результаты должны быть достигнуты? Во всем этом надо четко отдавать себе отчет и депутатам, и президенту, и правительству. Если о такой ясности целей мы не сумеем договориться, я буду решительно против какого-либо формального продления депутатского срока.

— Как все-таки практически можно учесть мнение регионов?

— Во-первых, субъекты Федерации представлены главами администраций и руководителями представительных органов. Они должны выработать, а затем и высказать свою точку зрения. Во-вторых, я убежден, что четырехлетний срок обеспечения нормального демократического структурирования российского общества. Я вижу эту структуру как некую пятипартийную систему: три ниши у нас уже определились (коммунистическая, национал-патриотическая и либерал-радикальная в лице только что учрежденной партии «Демократический выбор России»). А сейчас нужна кропотливая работа, чтобы состоялся стабильный российский политический «центр» в виде двухпартийной системы, состоящей из социал-демократической и правоконсервативной (или, как я ее называю, конституционно-прагматической) партии.

Левый центр — российская социал-демократия, возрожденная из доблестной шевинской своей основы, но без наивности начала XX века, вбирающая в себя весь опыт европейской социал-демократии и вместе с тем учитывающая специфику сегодняшней России (и прежде всего — наше семидесятилетнее коммунистическое существование). Но как бы ни было привлекательно социал-демократическое мировоззрение, оно не может быть устойчивым прежде всего потому, что стабильная социал-демократия возможна лишь при здоровой экономике, при развитой демократической системе.

Поэтому нам очень понадобятся те сторонники либеральных реформ, которым чужда откровенная идеологическая и политическая деятельность, но они являются классными профессионалами в своем деле. Прагматиками, с одной стороны, и убежденными либералами — с другой.

— Вы вышли из фракции «Выбор России». Где вы теперь?

— Ни в какой фракции не состою. Независимый депутат.

— Значит, будете создавать ту самую правоконсервативную партию прагматиков?

— Видимо, да.

— Как к этой вашей идее отнесутся бывшие коллеги по «Выбору России», члены партии «Демвыбор России»?

— Я думаю, что «Демократическому выбору России» крайне необходимо сегодня поддерживать коалиционную политическую работу. Пора догадаться, что «тянуть одеяло на себя» в условиях изменившейся страны — ошибочно. В том числе и во имя тех самых реформ и той самой демократии, от имени которой сегодня все охотно говорят.

Григорий КРОШИН

Свобода слова по-сердобски

История о наступлении на независимую прессу

Альберт ЗЕМЛЯНСКИЙ,
Нина АНДРЕЕВА,
Владимир КОНОВАЛОВ

Темное прошлое. Совсем недавнее

Почти четыре года назад, после принятия Закона о печати, город Сердобск Пензенской области взбудоражился не на шутку: из рук в руки передавалась непривычная газета, у которой не было начальников. Даже вождь местных большевиков Г.Буров был газете не указ. И обком тоже. Только Горбачев мог как-то повлиять, да и то лишь советом и рекомендацией. А вот приказать — ни-ни! Говорили, якобы выход «Сердобского вестника» одобрил Ельцин, подтверждение тому — его книга, которую печатала новая газета. А в пятом номере необычного издания была опубликована телеграмма Ельцина отцу одного из учредителей.

Под цветным заголовком газеты вместо привычного в то время призыва соединяться пролетариям было напечатано: «Не издается в Москве, Токио, Нью-Йорке, Париже. Издается только в Сердобске». Первый номер выпустили на деньги учредителей: двенадцать разгневанных граждан Сердобска скинулись по двадцатке. Определили и размер дивидендов — по 50 копеек с каждого номера. Больше номеров — выше дивиденды.

Печатали газету в городе Ртищеве, соседней — Саратовской — области. Директор ртищевской типографии Никитич (Токарев) охотно пошел навстречу. Заказы в конце 90-го резко упали, типография потихоньку сокращала рабочих. Мы хоть и небогатые заказчики, но кто знает — что будет завтра?

Растерявшиеся сначала коммунистические вожаки Сердобска вскоре приняли тайное постановление — парторганизациям не пропагандировать «Вестник». А в местной партийной газете «Ленинский путь» появилась и установочная статья

лидера сердобских коммунистов. Уездный вождь Буров растолковывал независимым журналистам как и о чем писать. Пожурил редакцию «Вестника» за «непрофессионализм», правда, так и не растолковав, что имел в виду.

Газета приняла вызов и в каждом номере отвечала оппоненту в колонке редактора. В результате киоскам запретили продавать «Сердобский вестник». Даже деликатнейший Никитич, смущаясь, развел руками: дескать, и над ним начальство. Из Сердобска звонили в горком Ртищева, и хоть разные области, да круговая партийная порука сработала. Поэтому типография с нами договор вынуждена разорвать, а формальный повод — «производственные мощности не позволяют».

Делать нечего, пошли в цех попрощаться с типографскими рабочими. И вдруг — о, чудо! — линотипистка и печатник готовы делать нашу газету в нерабочее время. Момент же был исторический — на каждом углу тогда трубили о роли трудовых коллективов. Так продолжилось печатание «Вестника».

Вышел очередной номер, где на целый разворот читателям было поведаано, как партийная элита Сердобска уже в хрущевскую «оттепель» посадила фрезеровщика Воеводина «за антисоветскую пропаганду» — он на рабочих собраниях критиковал сердобских руководителей-коммунистов.

Редактора «Сердобского вестника» уволили. Нет, не с редакторской должности — здесь большевики были уже бессильны. Но кормила его не газета — ею он занимался для души. А уволили его с государственной службы.

...Вот так, преодолевая всякие сложности, редакция выпустила пять номеров. «Один страшнее другого!» — как выразилась некая партийная дама, неприятная во всех отношениях. В шестой номер подготовили политический портрет местного персека. Нетрудно вообразить, какую деятельность развил герой по «недопущению» этого материала.

Теперь вспомним, какое время

было на дворе. Лето 1991-го!.. Было отчего испугаться даже учредителям газеты. И редакция раскололась — рискованные материалы шестого номера отклонили. Партийное начальство, говорят, по этому поводу устроило даже загородный пикник. Но тризну по независимой печати они справляли преждевременно: политический портрет уездного вождя был опубликован в новой газете «Вести Сердобска». Созвучное название с прежним изданием было выбрано специально. Печатать новую газету стал все тот же Никитич.

Итак, вышел в свет материал о сердобском персеке Бурове, рисующий его общественный и политический портрет: «Делу Сталина верен!». Думали, вождь будет с нами судиться. Но побоялся — в очерке информация, как он за счет казны выстроил комфортабельные подземные «сарай» — подобных и в Москве не найти. Для одного себя возводить нелевко, так он для всего дома, где живет, сделал. Ухлопал на это половину средств, что были отпущены на год для ремонта всего городского жилого фонда. Двор в своем доме осветил так, что ночью можно на улице свободно газету читать. А остальной город погружен во тьму. Один из материалов мы так и озаглавили: «Сердобск во мгле».

Забегая несколько вперед, сообщим — после августовского путча 1991-го, когда запретили компартию, Буров остался в должности председателя районного совета. В этой должности он и скончался в прошлом году.

И поднялся прокурор...

Первая прокурорская атака на независимую прессу состоялась еще в пору «Сердобского вестника». В пятом номере газеты местный писатель Олег Розанов опубликовал новеллу «Вечер у телевизора», где в гротескной форме рассказал, как случайно поймал на свой телеэкран неизвестную станцию, диктор которой читал указ президента о переливании из пустого в порожнее. Прези-

дент безымянный, как и страна, которой он управляет. Но прокуроры Сердобска усмотрели в этом литературном произведении оскорбление М. Горбачева и с грустью встали на защиту его чести и достоинства — потянули на допросы редактора, автора.

Сердобского прокурора Кокленкова и его заместителя Елякина интересовали черновики новеллы. Этакий сыск в тайнах писательской лаборатории. У автора О. Розанова «отобрали» подписку, что он больше не будет... сочинять ничего подобного. Да, родись наши прокуроры на пару десятков лет раньше — далеко бы шагнули.

А в эти же дни — выборов первого российского президента — сердобские почталовны разнесли по квартирам листовки, в которых Ельцин был аттестован как форменный злодей. В день выборов его портреты самолично срывал по городу персек Буров. И прокуратуру не затрясло от политической провокации против Председателя Верховного Совета, кандидата в президенты Ельцина и грубого нарушения избирательных законов.

Надо сказать, что, как ни странно, рождение демократической прессы поддерживал директорский корпус Сердобска — оплачивал наши типографские счета, не оговаривая каких-либо условий. В кассе газеты скопился приличный по тем временам капитал — больше тысячи рублей. У нас зрели наполеоновские планы: купим пишущую машинку, арендуем комнату для редакции, обзаведемся штатным сотрудником... Как вдруг получаем кучу судебных исков. На десять тысяч рублей от прокуроров Кокленкова и Елякина, на восемь тысяч — от начальника агропрома Овчинникова и директора совхоза Тюрина. После трех месяцев со дня публикации «обидевших» их материалов. Готовились к нападению основательно — все иски помечены одним днем.

А в газете «Ленинский путь» тот же Елякин наклеил ярлыки и обругал нас без всяких аргументов. Утверждал, например, что сам язык газеты наносит моральный ущерб персонажам публикаций. Это будет сильнее, чем дискуссия о языкознании товарища Сталина!

Адвокатов нанимать — чем платить? И на штрафы денег у редакции нет, следом будет второй иск о признании нас банкротами, а затем — закрытие газеты. Выход у нас был один — увеличить частоту номеров и поднять цену. Газету покупают охотно, весь тираж уходит в розницу, единственный возврат был — 50 экземпляров, да и то по болезням киоскера.

Едем к Никитичу, он встретил нас хмуро. Приезжали двое из прокуратуры Сердобска: зачем печатает белогвардейщину и антисоветчину? Короче говоря, отказался Никитич выпускать очередной номер газеты. Мы не обиделись — его мужества и

так хватает на десяток человек. Кстати сказать, директоров городских предприятий тоже вызывали в прокуратуру. И крепко припугнули тех, кто оплачивал наши типографские счета.

Отпечатали очередной номер в Пензе, посвятили разворот нашим прокурорам под шапкой: «Синдром Вышинского». Результат — еще два иска.

Местные адвокаты консультировали нас в гаражах, при закрытых дверях. Страх, страх — чем его вытравить? С трудом нашли в Пензе адвоката, которая согласилась отстаивать наши интересы в борьбе с высокопоставленными истцами.

На слушание дела в суде приехал московский писатель Александр Васильев, а областная газета «Пензенские вести» напечатала фельетон «Диссидент... в прокурорской тоге?!». Перед началом заседания судья вслух прочитала фельетон.

И вот сердобские истцы стали каждый день наезжать в областную прокуратуру. Видимо, там им дали указание — прекратить бодягу! Мы тоже пошли на разумный компромисс — согласились извиниться за неосведомленность в некоторых тонкостях юридических терминов. Вот и все. А ведь редакция дважды предлагала до суда — давайте миром решим, зачем тратить силы и время по пустякам? В итоге же прокуроры Сердобска, вместо того чтобы ловить преступников, полгода вели тяжбу с газетой, жгли казенный бензин, разъезжая между городом и областным центром.

Между тем статистику преступности по району даже не публикуют. Обращались за данными к областному прокурору — тоже скрывает.

Тут вам не столица, тут климат иной!

Мы так часто упоминаем наших законников, чтобы показать: большевистский бронепоезд все еще под парами и машинисты на нем те же.

Провинциальная номенклатура была в шоке, когда Ельцина избрали президентом России. Августовский путч 91-го сердобские явевцы поддержали не колеблясь. Правда, через неделю, когда все было конечно, прокуратура Сердобска доложила номенклатуре города, дескать, была верна законной власти.

Ну а что теперь, после октября 93-го, после выборов? Пензенский губернатор А. Ковлягин — бывший секретарь обкома. Как только он сел в губернаторское кресло, со страниц областных газет тут же исчезла «антибольшевистская» фразеология. Сам губернатор-обкомовец команды, мы думаем, не давал. Но вкусы его известны, политические привязанности тоже. Не угодит редактор — лишат газету дотации.

Издания, живущие на подаяние государства, обречены прозябать в

тине небольшевистского болота. Мы же отказались даже от частных спонсоров — у них тоже возникает тяга покомандовать. Окунулись с головой в рынок: год выпускали к нашей газете еженедельное приложение с программой телевидения. Поправили финансы. Заплатили налоги, пополнили пенсионный фонд.

Тут пора сказать, что позарез нужна приватизация провинциальных типографий. Нынче они в руках прокоммунистической номенклатуры и останутся таковыми, пока будут в госсекторе. Упомянутая ртищевская типография — приятное исключение. Выручает она не только нас: за двести верст, например, ездит к Никитичу печататься из Шемышейки (нашей же, Пензенской, области) редактор местной независимой газеты. Боевая, должно быть, газета, раз не пускают ее в местную типографию коммунисты Шемышейки. И Никитич — молодец! Дрогнул всего один раз, не стал наш номер печатать. Но затем переборол страх: «Вас еще не посадили? Меня тоже. Приезжайте!»

Бывший второй секретарь сердобского горкома партии А. Корочков теперь глава районной администрации. Больше года судилась с ним деревня Орловка за справедливый имущественный пай при выходе из совхоза. Корочков отказался выполнять решение арбитражного суда, его даже оштрафовали. Но ему хоть бы хны. Сам он — глава администрации, а трудовые права сельчан защищает профсоюзный вождь Николай Корочков — брат. Городской землей распоряжается Сергей Корочков — племянник Александру и сын Николаю. Их и зовут как особ царствующего дома: Корочков Первый, Корочков Второй, Корочков Третий.

Еще одна династия — Зюзины. Мама и жена — реформирует колхозы и совхозы. А также собственноручно выращивает небывалые урожаи свеклы на 50 гектарах арендуемой земли. Мы провели скромное расследование: у Татьяны Зюзиной в личном хозяйстве, кроме лопаты и граблей, нет иной техники. Вот и думайте, как городская и хрупкая дама может ставить рекорды? И очень она строга на страницах печати к крестьянам той же Орловки за их желание выйти из совхоза. А в одном с ней кабинете трудится чиновником сын Андрей. А через шесть дверей по коридору страхует от стихий и бедствий Михаил Зюзин — муж и папа.

Город стоит за незыблемость сталинского уклада на селе. На суде мы спросили, например, одного из наших истцов — начальника агропрома Овчинникова: где он берет мясо? Ответил чистосердечно: в «Большевике». Логично: большевик кормится в «Большевике». Даже название совхоза не поменяли. А в конторе соседнего хозяйства до сих пор сохраняется табличка на двери: «Партком».

Сердобск

Цитатник

Алексей ИЛЮШЕНКО, и.о. генерального прокурора РФ: «К сожалению, Генеральная прокуратура РФ сохранила захолустный менталитет, который был прежде свойственен Прокуратуре РСФСР».

«Известия», № 117, июнь 1994

Изнутри виднее. Да и почему, собственно говоря, прокуратура должна в чем-то отличаться от других ведомств нашей переименованной Родины?..

Алексей АРБАТОВ, доктор исторических наук: «Теоретически союз, конечно, может быть навязан Киеву силой, но подобный альянс будет конфликтен...»

«Независимая газета», № 117, 1994

На утверждение такого неординарного тезиса всего полполосы газеты! Вот что значит настоящий ученый! К слову сказать, мы посмотрели в справочнике: союз, навязанный силой, называется изнасилованием.

Дэвид ПАУЭЛЛ, сотрудник Центра русских исследований при Гарвардском университете: «Я только что вернулся из своей 29-й поездки в Москву. Хотя там стоит отвратительная и гнетущая погода, по сравнению с почти всеобщим отчаянием граждан, с которым я столкнулся в этом городе, она кажется просто замечательной. Москва всегда была унылым местом, но на этот раз она выглядела гораздо более мрачной, чем когда-либо прежде».

«Вашингтон таймс», 22 июня (ИТАР—ТАСС)

ВИКТОР ЧУМАЧЕВ

Григорий ЯВЛИНСКИЙ:

«...В России делать прогнозы может только дурак».

«Век», № 23, 1994

Интересно, подаст ли Гидрометеоцентр на Григория Алексеевича иск в суд «О защите чести и достоинства...»?..

Джек МЭТЛОК, бывший посол США в СССР:

«Если Запад захлопнет свою дверь, скажет, что Россия была и остается угрозой, и поставит эту страну на карантин, то мы получим именно то, чего хотим избежать».

Газета «Штандарт», Вена, 24 июня 1994 г. (ИТАР—ТАСС)

Борис НЕМЦОВ, губернатор Нижегородской области:

«Женщины рожают, потому что их любят. Я очень рад, что у мужчин в Новгородской области хватает сил на это...»

«Вести», Российское ТВ, 26.06.94

За мужчин Новгородской области мы спокойны, а вот г-ну Немцову сочувствуем. Вот уж воистину — положение хуже губернаторского: ну решительно за все отвечаешь, за все радуешься!..

Лоуренс ФРИДМАН, руководитель программы военных исследований Кингсколледжа в Лондоне: «Любые соглашения с Россией неизбежно носят краткосрочный характер, поскольку никому не известно, какой она будет через пять лет».

«Вашингтон таймс», 24 июня 1994 г. (ИТАР—ТАСС)

Елена КОНДУЛАЙНЕН, актриса, создательница «Партии любви»:

«Я считаю, что при приеме в партию приоритет надо отдавать детям. За ними как-никак будущее... Я уже придумала Орден первого поцелуя и еще кое-что, но это пока секрет».

«Новый взгляд», № 24, 1994

А как же с утверждением УК РФ о том, что нехорошо совращать малолетних?.. Некрасиво, если крупных политических деятелей будут сажать за явную уголовщину!

К/ф «Лола» — «В центре сюжета эротические взаимоотношения шестнадцатилетней девушки и автора порнографических романов».

«ТВ ПАРК», № 6, 1994 г.

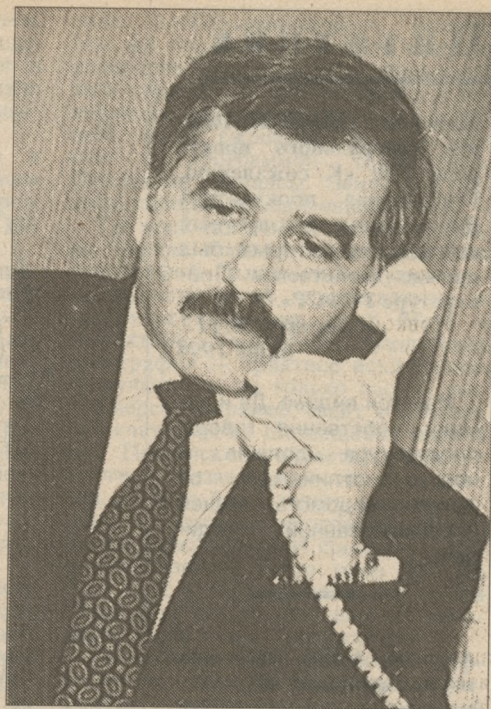
К/ф «Лола» — «Фильм для детей о захватывающих приключениях маленькой девочки, оказавшейся в волшебном лесу».

«ТВ ПАРК», № 6, 1994 г.

Предлагаем третий вариант: «Лола» — эротический фильм для детей о захватывающих приключениях маленькой девочки, оказавшейся с автором порнографических романов в волшебном лесу.

Поправка. В № 26 «Столицы» на 38-й странице в третьей колонке в третьем абзаце следует читать: «Оноовцы решили использовать находящийся там бывший военный аэродром для переброски гуманитарной помощи» и далее по тексту.

Монополизм — это не всегда плохо, но антимонополизм — всегда хорошо

На вопросы «Столицы» отвечает председатель Государственного Комитета РФ по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур **Леонид БОЧИН.**

— **Леонид Арнольдович, чем сегодняшнее понятие «монополия» отличается от того, которое мы помним по учебникам политэкономии капитализма?**

— Монополия, в принципе, это некая ситуация на товарном или финансовом рынке, где имеется либо один поставщик, либо один покупатель (в последнем случае она носит название «монопсония»). В действующем сегодня законе о конкуренции нет жесткого определения монополии, а есть характеристика доминирующего положения хозяйствующего субъекта на товарном рынке. И задача закона — пресекать злоупотребления этим положением в ущерб потребителю.

— **Нас учили, что монополия — это всегда плохо. Вы с этим согласны?**

— Это диалектическое понятие. Если вспомнить Ленина, то он говорил, что любая монополия ведет к загниванию. А если учесть все экономические характеристики, то это просто некая концентрация производства, которая ведет к снижению издержек, к интеграции, в свою очередь, интеллектуальных, финансовых и технологических ресурсов, что, по сути дела, может быть и благом. В мире есть достаточно много монопольных структур, которые чтят антitrustовское законодательство США, например, или антикартельное законодательство Германии и прекрасно себя чувствуют — не злоупотребляют своим монопольным положением, вовремя обновляют ассортимент, гарантируют высокое качество продукции и т.д.

— **А если взять пример из российской практики? Вот не так давно мы сначала ушли от государственной монополии на производство и реализацию вино-водочных изделий, а затем опять к ней вернулись. Как вы это оцениваете?**

— К сожалению, здесь проблема введением монополии не решается. Это может быть разумным шагом с точки зрения обеспечения безопасности потребителя, если такой механизм существует. А если нет, то мы просто лишаем частных предпринимателей права заниматься данным видом деятельности. Последняя статистика показала, что именно на рынке алкогольной продукции наиболее часты массовые случаи фальсификации товара, ведущие порой к смертельным отравлениям. Значит, введение монополии себя не оправдало. Мало принять закон, важно сделать действенным механизм его реализации. У нас это пока не получилось.

— **Каковы, по-вашему, реальные перспективы демополизации российской экономики?**

— Это очень непростой и достаточно длительный процесс именно потому, что вся наша экономика не одно десятилетие строилась на принципе монополизации. Если вы помните, у нас был «курс партии и правительства» на всемерную концентрацию и специализацию производства. Многие страны позволяли себе вывести такой лозунг. Поэтому попытки разукрупнить предприятия с наскока приводят, как правило, к увеличению числа технологических монополи-

стов. Условно говоря, когда конверторный цех выделяют из сталеплавильного комбината-монополиста, это так и не приводит к конкуренции на товарном рынке. Поэтому мы разрабатываем федеральную программу демополизации с учетом целого ряда обстоятельств, характерных для российской экономики.

— **В чем же заключается эта специфика?**

— Именно в сверхмонополизме, в сознательном построении жестких технологических, кооперационных связей, от разрыва которых сейчас страдают предприятия и России, и СНГ. Это выражается не только в падении производства, но и в переспециализации многих предприятий. Поэтому необходим точечный и селективный подход.

При демополизации должен быть проведен очень подробный перспективный анализ действий, которые должны привести к развитию конкуренции, а не к новому увеличению числа монополистов. То же самое — и в непроизводственной сфере. У нас ведь и она строилась сугубо по монопольному принципу: одна баня, одна парикмахерская, больница — на такое-то количество жителей. Так что можно сказать, и бани были у нас своего рода монополистами.

— **Если исходить из анализа наших экономических реформ, да и вообще управленческой политики, можно заметить, что у нас, как правило, не подходят селективно ни к одной проблеме. Большею частью — с наскока. Очень хочется сразу увидеть**

результат.

— Я не могу с вами согласиться — если говорить об Антимонопольном комитете, то мы довольно быстро осознали, что принцип танковой атаки с эффектом Курской дуги не приведет ни к чему, кроме разрушения экономики.

— **Это вы плохой пример привели. Перед танковой атакой на Курской дуге шла длительная артподготовка.**

— У нас, к сожалению, с этой «артподготовкой» не все слава Богу, потому что существует некая специфика тех федеральных законов, реализацию которых контролирует Антимонопольный комитет. Все они — прецедентного права, то есть законы с обратной связью. Чем чаще такая «артподготовка» (которая осуществляется в основном только средствами массовой информации) доводит до сведения потенциально обиженных потребителей, какими вообще могут быть злоупотребления в данной сфере, каковы права потребителей, как им действовать в случае ущемления их прав, — чем чаще это делается, тем действенней будет работать закон. Эта «артподготовка» могла бы сразу сделать масштабным и массовым применение антимонопольного законодательства, закона о защите прав потребителя. А сами мы обратную связь можем создать лишь в том случае, если все выйдем на улицу и станем рассказывать окружающим, что нужно делать, когда ущемляют их права.

— **Но ведь существуют общества защиты прав потребителей...**

— Да, существуют. Есть аналогичные отделы и в территориальных антимонопольных управлениях в 83 регионах России, и при местных администрациях. С нашей помощью создана система взаимодействия общественных и государственных форм защиты потребителя, которая показала себя сверхрезультативно. Такая практика не имеет аналогов в мире. Только за прошлый год антимонопольные органы рассмотрели примерно 16 тысяч дел и практически все решили в пользу потребителей, причем с возмещением и морального, и материального ущерба.

— **Честно говоря, меня удивляет эта цифра, потому что я бы, например, в подобной ситуации не стала трепать себе нервы и ходить по инстанциям, а плюнула бы на все и забыла.**

— Вот видите, а я не плюнул, и много лет назад начал бороться за создание закона СССР о защите прав потребителей. Выяснилось, что существует резолюция Генеральной ассамблеи ООН, в которой указаны руководящие принципы по защите

прав потребителей и которую СССР подписал в 1985 году. После того как мы ее обнародовали, началась борьба за законодательное закрепление тех прав, которые в ней зафиксированы. Потом начали появляться общества по защите прав потребителей...

— **Я уже начинаю верить, что нынешний Антимонопольный комитет существует только благодаря вашему упорству. Вас что, в свое время сильно обидели где-нибудь в магазине?**

— Нет, я пришел к этой мысли профессионально. Я работал в институте конъюнктуры и спроса населения и много лет занимался проблемами потребительского рынка, пытался выяснить смысл и роль потребителя в экономическом пространстве. У нас ведь когда потребитель приходил в парикмахерскую, прачечную и т.д., он первым делом упирался в плакат: «Клиент обязан...». Поэтому возникла вполне закономерная мысль о том, что необходим некий баланс между производителем и потребителем. С этого все и началось. А потом пришло осознание того, что защитить потребителя может только свободная конкуренция, только тогда можно будет гарантировать качество, конкурентные цены и прочее.

— **Но сейчас, по-моему, нормальной, здоровой почвы для конкуренции нет. Производство развиваться тяжело и невыгодно, создавать новые предприятия — тем более. Одних дают налогами, других просто «пожирают».**

— Почва-то есть, конкуренции нет.

— **Так это как раз и говорит о том, что почва не подготовлена. Насколько я знаю, за 1993 год 20 процентов зафиксированных вами нарушений антимонопольного законодательства приходится на 7-ю статью — «Действия органов власти и управления, направленные на ограничение конкуренции». Вот подтверждение моей мысли.**

— Если говорить о факторах, препятствующих развитию конкуренции, то это, в первую очередь, оставшиеся сверхмонопольные структуры в производственном и непроизводственном секторах экономики. Немаловажную роль сыграло долгое житейство СССР за железным занавесом, когда имелось все свое, а ресурсов на то, чтобы создавать конкурентоспособное производство, как правило, не хватало. Далее, строить рыночную экономику при высоких, заградительных таможенных пошлинах — задача бессмысленная. При такой таможенной политике ни одно международное сообщество не пустит

нас ни на один рынок. Да здесь масса проблем — конкурентоспособность отечественного товаропроизводителя, инвестиционная активность, высокие кредитные ставки под долгосрочные кредиты, криминогенная обстановка... Вы меня останавливайте, а то я буду перечислять до утра.

— **Леонид Арнольдович, исходя из того, как у нас раньше строились отношения между предприятиями-гигантами, эту машину должно было заклинить в первую же минуту вхождения в рынок. Я имею в виду строго ориентированную специализацию и то, что многие производства теперь оказались «за границей». Почему эта машина еще работает? На чем она держится?**

— Кооперационные связи — предприятия вынуждены их поддерживать, не все сразу могут переориентироваться на выпуск других изделий.

— **То есть они не хотят, но вынуждены находиться в объятиях друг друга?**

— Я бы не говорил так физиологически, но они, конечно, в определенной степени вынуждены.

— **Похоже на семью, в которой муж и жена давно уже не выносят друг друга, но живут вместе ради детей.**

— Почему обязательно из-за детей? Иногда живут, потому что квартиру не могут разменять — вот вам типично «совковый» вариант. Ближе к тому, о чем мы говорим.

— **На этой любви-ненависти сегодня и держится наша экономика?**

— Ну почему только на этом? Многие предприятия перешли на выпуск той продукции, которую они раньше получали от партнеров из бывших республик. Потом этот вакуум в определенной мере заполнили некоторые конверсионные предприятия, сумевшие быстро переориентироваться. Да, существует динамика падения производства, но тому виной ряд очевидных обстоятельств. А что касается «любви», то, повторюсь, ее определяют достаточно тесные технологические связи.

— **У нас сегодня взят курс на создание финансово-промышленных групп. Не повлечет ли это за собой новый виток монополизации?**

— Если честно, такая опасность может существовать, но, на мой взгляд, мы от этого застраховались. Есть достаточно жесткие критерии и нормы при интеграционных процессах в экономике, которые закреплены в федеральной программе демонополизации, в том числе и при образовании холдингов или финансово-промышленных групп. У нас есть антимонопольные требования, не допускающие подобного рода об-

разований, которые потенциально могут угрожать своими монопольными действиями как потребителю, так и государству в целом. Кроме того, мы используем механизм экспертизы на стадиях формирования ФПП. А потом — у нас много говорилось о финансово-промышленных группах, но в начале июня была презентация только второй из них — «Русхим».

— **Что же это все-таки нам дает?**

— Пока сложно сказать. Но одна из целей объединения таких групп в том, чтобы существенно увеличить свою конкурентоспособность, занять достаточно прочные позиции на экспортных рынках, увеличить маневренность финансовыми, интеллектуальными и технологическими ресурсами, позволить себе адекватно реагировать на изменения конъюнктуры рынка, то есть, я бы сказал, повысить свою рыночную устойчивость. Я уже не говорю о том, что подобного рода концентрация производства — это форма выживаемости, при которой сохраняется определенная хозяйственная и юридическая самостоятельность входящих в группу субъектов. Сейчас утверждать, что это единственный или магистральный путь для «выживаемости», рано, поскольку, как я сказал, через Антимонопольный комитет прошло всего лишь две финансово-промышленные группы. То есть

это сугубо штучная работа.

— **Леонид Арнольдович, а какая для вас самая животрепещущая тема в антимонопольных делах?**

— Гарантирование системы независимости антимонопольных органов, их соответствующего материального обеспечения на уровне, по меньшей мере, прокурорско-судебных органов. Ведь мы по своей сути являемся экономической прокуратурой. И отсутствие этих факторов, а также рычагов влияния на решения, которые являются прямым нарушением антимонопольного законодательства, делают нашу работу «полугероической». Наши специалисты работают действительно на энтузиазме, на честном слове, на вере в свое дело. Горько и обидно, когда ты работаешь с ними два-три года, а потом материальные и бытовые проблемы все-таки вынуждают их уйти.

— **Что, очень мало платят?**

— Проверка, проведенная Контрольным управлением администрации президента, показала, что оплата труда работников антимонопольных органов в 2,5—3 раза ниже, чем соответствующих категорий работников государственных и местных органов.

— **Выходит, что «купить» сотрудника Антимонопольного комитета ничего не стоит?**

— А вот тут вы ошибаетесь: всего

один случай коррупции за четыре года. Это говорит о том, что нам очень повезло — здесь собрались надежные, честные, порядочные люди. Но мало прокукаркать слова «рыночная экономика», надо еще добиться создания конкурентной среды. А вместо того, чтобы заниматься этим всем вместе, мы вынуждены бороться за создание такой среды не только с субъектами, но еще и с министерствами и ведомствами. И мы пытаемся прорвать эту круговую оборону, получая зарплату, не адекватную ни интеллектуальным возможностям сотрудников Антимонопольного комитета, ни результатам их труда. А ведь у каждого подвижничества есть свои пределы.

— **Вы так эмоционально об этом говорите, что теперь я вижу — тема вас действительно волнует больше всего.**

— Это действительно больное. Потому что, когда вы учите человека, воспитываете, формируете его, а потом он уходит, начинаешь задумываться о будущем всей системы... Но ведь если государство всерьез решило проводить антимонопольную политику, то оно должно подумать и о тех, кто контролирует выполнение федеральных законов. Иначе и контролировать будет некому.

Светлана КАРТАШОВА

Качество гарантируется

В середине июня в Экспоцентре с успехом прошла вторая национальная торгово-промышленная выставка «Израиль-94». Более 60 израильских фирм представили в Москве свою продукцию — продукты питания и косметику, игрушки, промышленные технологии и оборудование, текстиль и бытовую сантехнику.

Выставка была в три раза больше прошлогодней, а значительная часть фирм ко второму дню работы заключила большое количество контрактов с российскими предпринимателями и полностью окупила расходы по участию в ней.

Сегодня израильские заводы увеличивают объемы производства, строят новые линии, чтобы поставлять свою продукцию на рынок России. Свыше 50 процентов выпускаемых в стране, продуктов питания теперь ориентировано на российского потребителя. На вопрос о том,

насколько рискованным может оказаться для израильских предпринимателей такое сотрудничество, один из организаторов выставки ответил: «Риск в бизнесе существует всегда. В России он чуть больше, чем обычно, но и потенциал у бизнеса здесь гораздо выше».

К примеру, только фирма «Элит индастриз ЛТД» — крупнейший производитель продовольствия в Израиле — увеличила его выпуск более чем на 20 миллионов долларов исключительно для нашего рынка.

Три дня работы выставки — конечно, очень мало для того, чтобы серьезно познакомиться с промышленностью Израиля, но достаточно, чтобы завязать деловые контакты и укрепить сотрудничество между двумя странами. А качество израильской продукции всегда будет гарантией прочности такого сотрудничества.

С.К.

Отнесите Фаберже «частнику»

Кредит через ломбард

Юлия МАРЬЯШКИНА

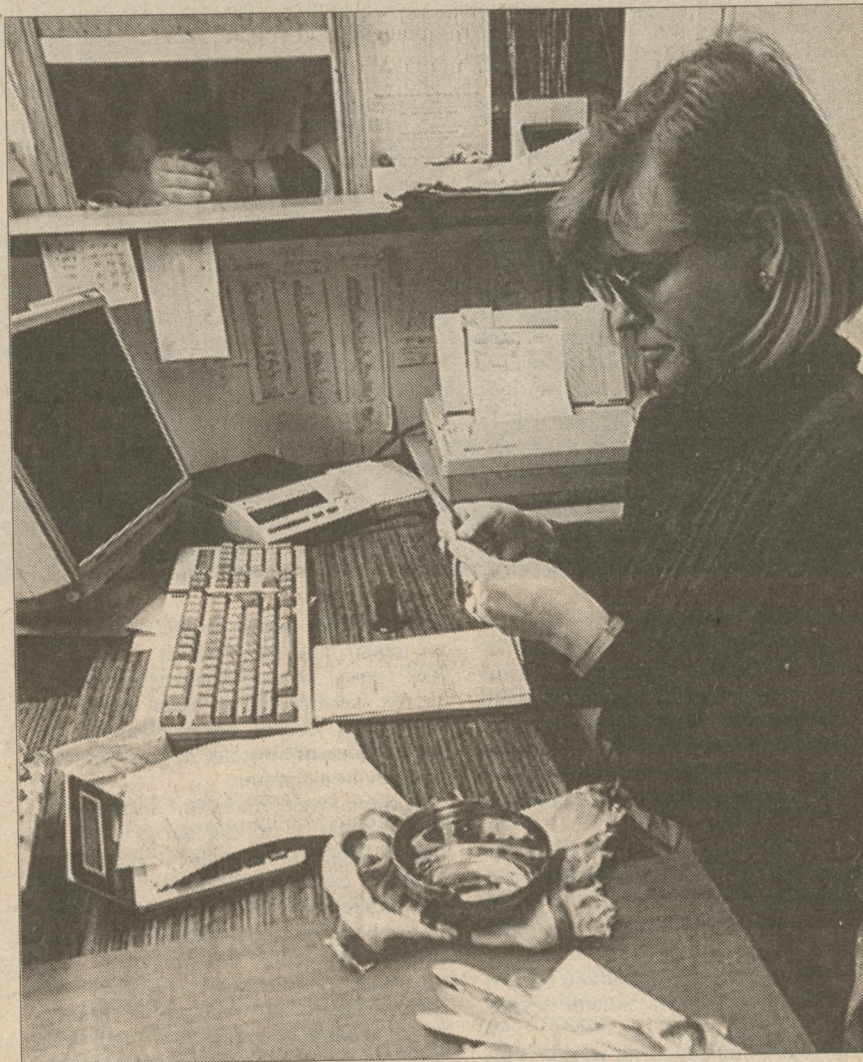
В Москве намечается новый бум. Кооперативные кафе, коммерческие магазины, кидски мы уже пережили. Сейчас плодятся частные ломбарды. Рядом с объявлениями о продаже партии соков и носков приписка вроде: «Даем деньги под залог золота и серебра».

Идут сюда не только бабушки с фамильной серебряной ложечкой — внуку на гостинчик не хватает, но и крутые ребята коммерсанты — золотишко кое-какое сдал, через месяц обернул деньги в Турции. Ломбард дает кредит оперативнее, чем банк. И не надо массы поручителей, доказательств платежеспособности, анкет. Приносишь в ломбард золото-серебро — тут же забирай деньжата. Занимает эта операция один день. Причем в государственном ломбарде часто не хватает налички, надо стоять полдня, да и дают в лучшем случае 70 процентов стоимости вещей. А в частных — аж 95 процентов, и нал есть всегда в любом количестве, благо поддерживаются они коммерческими банками.

— Человек получает в нашем ломбарде на руки в полтора раза больше, чем в государственном, — говорит Михаил Унксов, один из «пионеров-основателей» акционерных ломбардов. — Да, он заплатит у нас процент чуть выше, и чем больше ссуда, тем больше оплата услуг. Но все равно с изделиями из драгметаллов ему выгоднее идти к нам.

Итак, до мозга костей государственная услуга, работавшая до недавнего времени аккурат по системе XVIII века, как при создательнице российских ломбардов императрице Екатерине II, обрела реального частного конкурента.

Одну из наиболее крупных фирм — «Ваш ломбард» — образовали совсем не коммерсанты, а физико-математические умы, причем с применением гибких систем оплаты и ежедневной корректировки компьютерной программы в зависимости от курса доллара, инфляции, повышения цен на продукты и даже сезона или, скажем, праздника 8 Марта. В коммерческих расчетах здесь

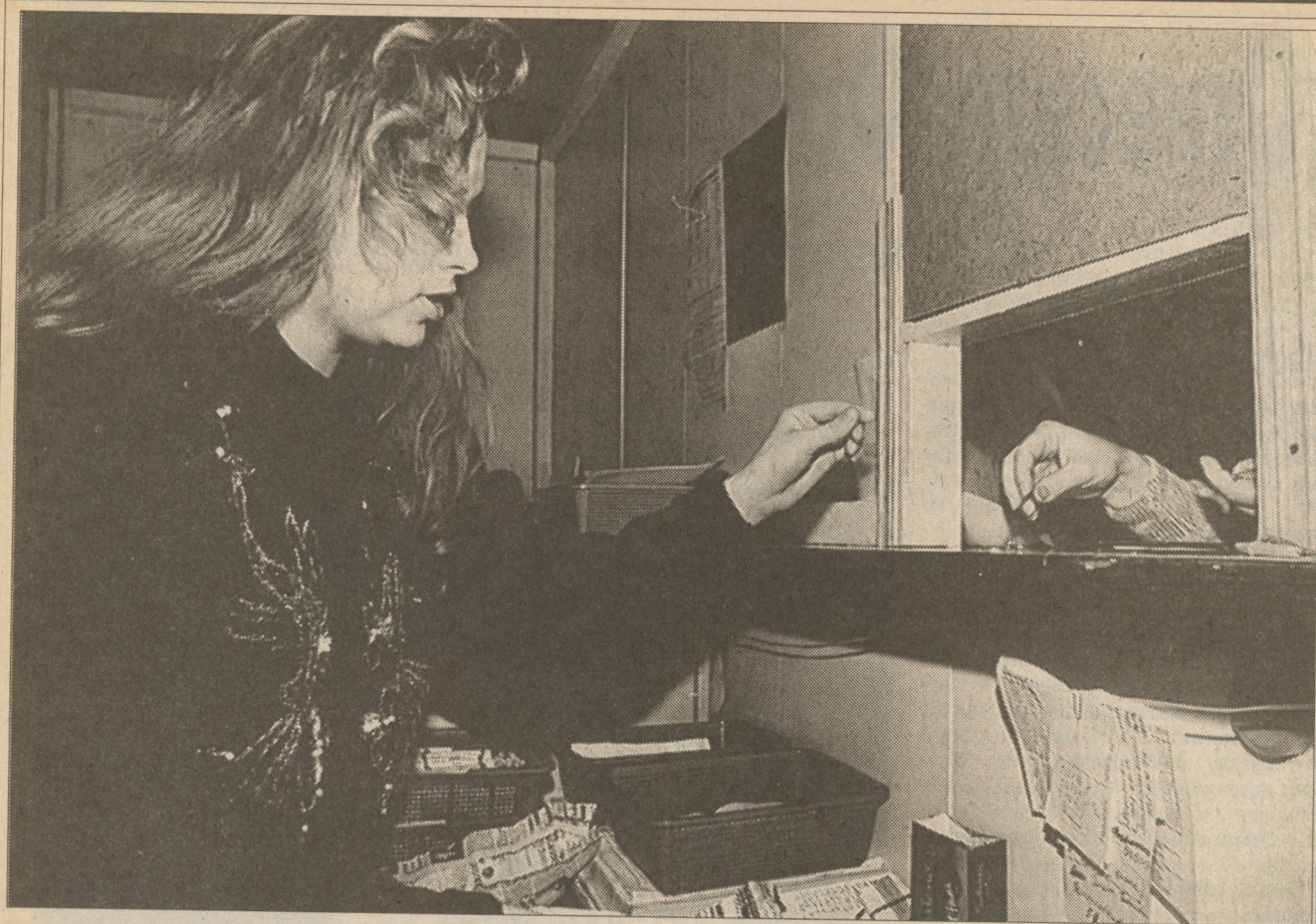
ВЛАДИМИР ШИШОВ

участвуют экономическая кибернетика, математические графики — темный лес для нынешних торговцев-самоучек.

Вот и Михаил Унксов, физик-теоретик, доцент, неожиданно для себя стал большим знатоком ломбардного дела. В 1990 году он начал компьютеризировать «Мосгорломбард» весьма творческим путем — так как техника от IBM стоила 15-летней зарплаты работающего на ней, Михаил Евгеньевич использовал дешевые игровые отечественные компьютеры, присоединенные к черно-белому телевизору, и зало-

жил в них ломбардное дело. А затем возглавил государственное предприятие «Техноломбардсервис», совместно с «Мосгорломбардом» и банком учредившее несколько контор «Ваш ломбард»...

Приходите вы в ломбард, например, с бриллиантовым кольцом. Не так просто, оказывается, его оценить. У товароведов фирмы есть для этого несколько приспособлений. Сначала электронный прибор подтверждает, алмаз в перстне или стекляшка. Затем в ход идет металлический кругляшок с дырочками разных размеров — швейцарская ювелирная

ВЛАДИМИР ШИШОВ

штучка для определения каратов. Ваш «брулик» подставляется в отверстие — ага, 0,02 карата. Вес камня уже знают. Потом кладут кольцо на весы. Причем весы «ЛОМО» давали большие погрешности, и фирма решила потратиться на несколько дорогих швейцарских электронных весов.

Здесь работают и бывшие кадры Академии наук, и преподаватели вузов, приученные с детства к тому, что воровать — плохо. Кстати, ни один работник до этого не был знаком с ломбардом изнутри, только если сами ходили что-то на жизнь закладывать.

Ажиотаж и перепись на руках и на бумажках в узких коридорчиках ломбарда наблюдаются регулярно — после повышения цен на золото, перед сезоном отпусков, в начале и конце месяца, когда все сначала резко сдают вещи, а потом резко выкупают. Тогда милым женщинам, работающим здесь, приходится перебирать целые мешки золота! Свадьба, смерть близкого, отпуск, строительство дачи по весне — все это поводы для похода в ломбард.

А когда в ноябре 1993 года установили новые цены на золото — 14300 рублей за один грамм лома, — пошел косяком «челнок». Сейчас

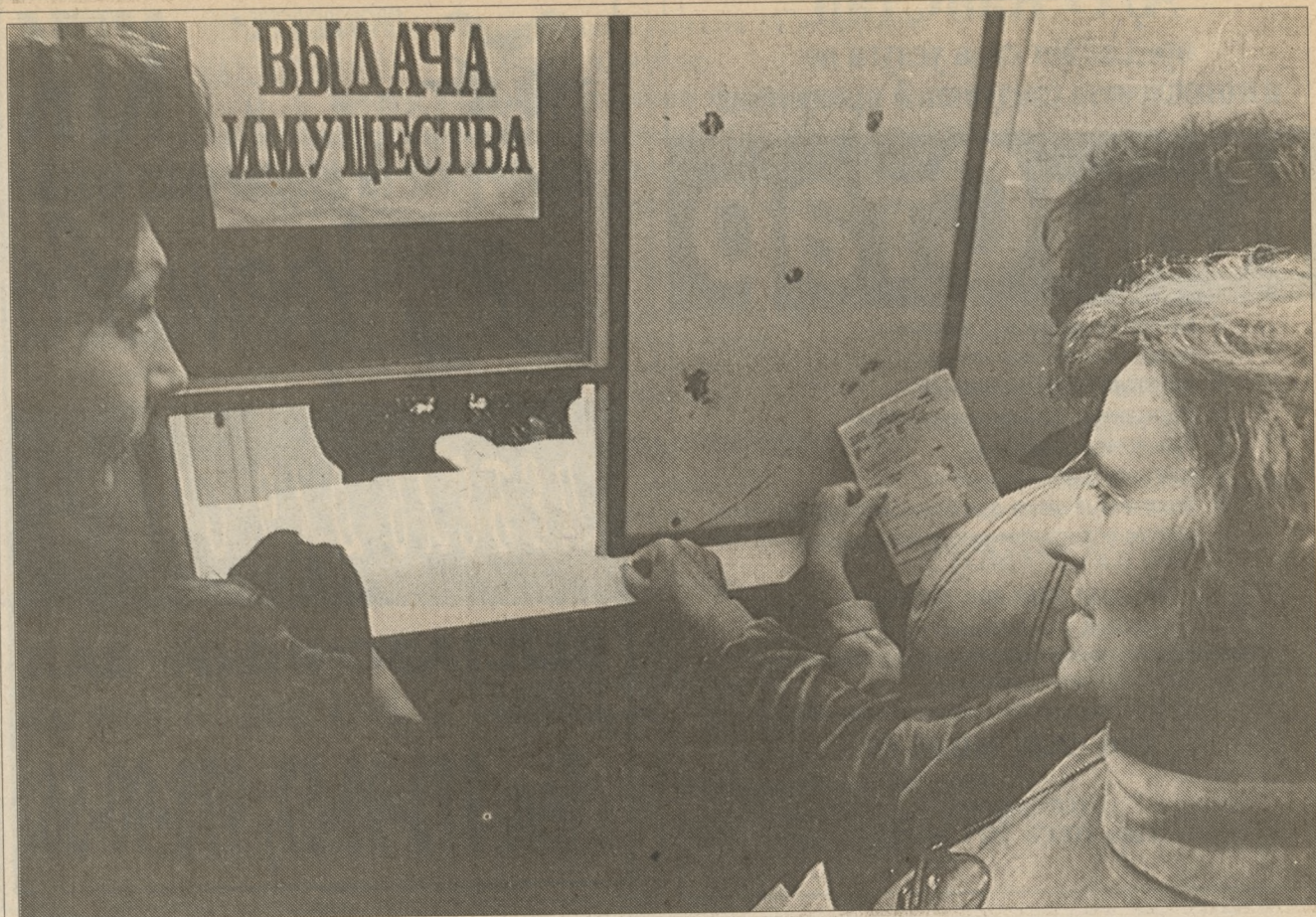
идет, но не в таком количестве — стало невыгодно, тем более что за рубль грамм лома сбывают по 12 долларов. Соображаете, куда могут потечь, если уже не текут, золотые реки? В данный момент народ терпеливо ждет повышения.

Встречаются, бывает, интересные экземпляры — и клиентов, и их вещи. Однажды попалось украшение работы самого Фаберже — невыкупленное. Оно пошло в музей. Туда же попала и коллекция старинных монет, бережно пополняемая несколькими поколениями. Дряхлая бабуля — видно, из бывших — принесла буквально «царский» перстень, тянувший миллионов эдак на ...дцать, усыпанный сотней (!) бриллиантов. Получила свой тысячу пятьсот — больше ей не надо было — и не выкупила. Ушел в Гохран. Серебряный бочонок для вина XIX века изумительной работы мастера Овчинникова с поздравительной гравировкой. Его не выкупили. И они специально звонили в музей, предлагали приобрести его в центральной закупочной базе, куда он и отправился как «невостребованный драгмет». Встречаются художественные серебряные ложечки ювелира Хлебникова с автографом мастера. А однажды сдали любопытный портсигар

времен гражданской войны со звездой и флагом и надписью «Красному командиру за храбрость. 1919 год». Пошел в переплавку, а жаль — раритет эпохи. Нередко печальная судьба ждет красивые кольца старинной работы, но с недорогим камушком — не бриллиант, значит, камень вынуть и ждать 2 года, пока за ним придет клиент, а золото-серебро — в печьку. Такие в нашем государстве правила.

Обычно же выкупают 93—94 процента залогов. Причем в ломбарде знают, что, если человек заранее решил вещь продать, он закладывает ее на два дня, минимально платя за услугу (0,6% от суммы в день) и получив 85 процентов от стоимости вместо 95 при залоге на месяц. Хотя опять же раз на раз не приходится — иногда коммерсанты за пару суток оборачивают несколько «лимонов».

— Я бы разделил нашу клиентуру на три группы, — говорит Михаил Унков. — Первая — это бабушки, которые и в былые советские времена перебивались от пенсии до пенсии при помощи ломбарда. Вторая группа, самая многочисленная, — так называемый средний класс. Например, разбил человек машину — на ремонт ему нужен миллион. Полмиллиона у него есть, остального не хва-

ВЛАДИМИР ШИШОВ

тает. Берет золотишко жены, идет в ломбард. Или семья фирменный телевизор хочет купить — опять же «лимон». Идут к нам. И третья группа — «челноки», мелкооптовые коммерсанты, которым надо быстро обернуть деньги. Поэтому начиная с 1992 года мы ввели в компьютер новую систему, которую я в шутку называю «Эллочка Памфилова». Бабуле мы даем ссуду под символический процент, среднему классу — под небольшой процент, а коммерсантам — на всю катушку. Они все равно возьмут, так как получают навар. И полностью расплатятся за бабушек и помогут снизить процент для среднего класса.

— А не было случая, чтобы коммерсанты «гримировались» под бабушек?

— У него на лбу написано, а точнее, на экране компьютера, кто он. И это не только физиономистика. Раскрываю карты. У бабушки есть перстень с бриллиантом, стоит миллион. А бабушке миллион не нужен, она говорит: дайте мне 30 тысяч. Бабушке мы даем 30 тысяч под три процента в месяц. Пришел человек среднего класса (обычно он приносит три вещи) — как раз наберется на миллион — крестик, сережки, две серебряные ложки, пара обру-

чальных колец. И нам, и компьютеру видно, что с него взять. А коммерсант? Он выгреб все у себя и у своих друзей — 15 обручальных колец, 10 золотых часов, 5 браслетов, 2 серебряных подстаканника. Нам все ясно.

— А может, он жулик?

— С этим разбирается милиция, и, кстати, она иногда захаживает к нам, просит поднять все залого какого-нибудь сомнительного субъекта, а то и накладывает на них арест.

— Каковы преимущества частного ломбарда?

— Очередь движется быстрее. Например, Таганский ломбард — учреждение государственное. Очереди по полдня. Две приемщицы. А у нас операция с клиентом занимает три минуты за счет более совершенной автоматизации.

Однако у государственных ломбардов есть одно большое преимущество — помещение. «Мосгорломбард» может брать не только золото-серебро, как мы, но и сильные вещи, меха, аппаратуру, автомобили. У наших ломбардов такой возможности нет. Аренда стоит бешеных денег. Поэтому нам надо было создать что-то компактное, но с большим оборотом. Наши компьютеры отслеживают все залого кли-

ента. Если вещь не выкуплена — золото, серебро, бриллианты не подлежат свободной реализации, они идут на центральную скупочную базу — так же как и из государственного ломбарда. Ни один грамм сдаваемого золота нам не принадлежит.

Но вот что есть только в системе наших ломбардов: если клиент не выкупил вещь, мы даем ему дополнительный срок, шанс на выкуп. Мало ли что? Поезд опоздал, вызвали человека в командировку...

Не раз «Вашим ломбардом» воспользовались частные ювелирные магазины — товар не шел, а зарплату работникам надо было платить. Заложили, выдали полчку — через месяц выкупили залог. Другие же «клиенты», напротив, предлагают на полном серьезе вагон золотых изделий из Тбилиси. На такие аферы бывшие скромные научные сотрудники не идут — около золота всегда топчется криминальный элемент.

Приватный ломбард — очень даже контролируемый и зависит от массы учреждений: Комдрагмета, пробирного надзора, скупочной базы, МВД, ведь отсюда золото перекладывается в государственный «карман». Если, конечно, вы решили его не выкупать.

А/О КанСтар
предлагает свои услуги по
изготовлению следующей продукции:

КанСтар

- жесткая маркировка и ярлыки на промышленные товары;
- картонная тара и упаковка;
- фирменные бланки предприятий;
- бутылочные этикетки;
- пригласительные билеты;
- прозрачные папки с эмблемой предприятий и другую полиграфическую продукцию.

Ждем вас по адресу:

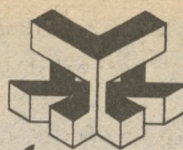
Москва, Кутузовский пр-д, 8
Первый Московский приборостроительный з-д
им. Казакова

Отдел кадров, 2-й этаж, 2 комн.

Тел. (095) 249-65-65

Столовый пер., 7

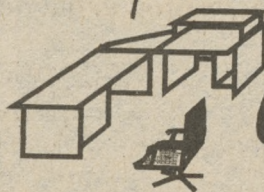
Тел. (095) 291-50-14

ПРОИЗВОДСТВЕННО
КОММЕРЧЕСКАЯ
ФИРМА

КТК

Только у нас вы можете сразу купить

дешево

МЕБЕЛЬ ДЛЯ ОФИСА

ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ

Делегатская 7, м. "Цветной бульвар" (за Театром кукол)

Тел. 973-90-57, 973-90-56.

ФИРМА

«LAUREL»

ПРОДАЖА
КВАРТИР В МОСКВЕ

НЕДВИЖИМОСТЬ
В АНГЛИИ
И ГОЛЛАНДИИ

С 10 ДО 18 ЧАС.

449-3933 449-3943

449-3764 445-4263

445-1462 445-3988

1-

КОМНАТНЫЕ

2-

КОМНАТНЫЕ

3-6-

КОМНАТНЫЕ

114-1893 407-9813

ПОСЛЕ 18 ЧАС.

**К сведению
подписчиков!**

Подписку на журнал

«СТОЛИЦА»

вы можете оформить
ежемесячно в ближайшем почтовом
отделении связи.

Каталожная цена
на один месяц — 1300 руб.
Индекс: 73746

Сведения о подписке в каталоге
«АиФ—АПР», а также в
Московском каталоге.

Уважаемые подписчики журнала «Столица»!

Только для Вас

**Центр лазерной терапии проводит
высококвалифицированное медицинское обслуживание с
применением последних достижений науки и техники с
20-процентной скидкой оплаты за лечение.**

ТЕРАПИЯ:

- острый инфаркт миокарда,
- ишемическая болезнь сердца,
- окклюзионные заболевания сосудов ног,
- язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки,
- неспецифические заболевания легких.

АРТРОЛОГИЯ:

- ревматоидный артрит,
- деформирующий остеоартроз и др.

НЕВРОЛОГИЯ:

- невралгия тройничного нерва,
- неврит лицевого нерва,
- дисциркуляторная энцефалопатия и др.

ОТОРИНОЛАРИНГОЛОГИЯ:

- острые и хронические воспалительные заболевания ЛОР-органов.

ДЕРМАТОЛОГИЯ:

- нейродермит,
- экзема,
- красный плоский лишай,
- трофические язвы, псориаз.

УРОЛОГИЯ:

- хронический простатит,
- импотенция и др.

ГИНЕКОЛОГИЯ:

- функциональное трубное бесплодие,
- хронический сальпингоофорит и др.

СТОМАТОЛОГИЯ:

- пародонтоз,
- афтозный стоматит,
- десквамативный глоссит,
- герпетический стоматит и др.

Адрес: Москва, 1-я Сокольническая, 8 (м. «Сокольники»). Тел. 269-43-54.

Предъявите квитанцию о подписке на «Столицу» на 1994 год, и лечение Вам обойдется на 20 процентов дешевле!

**Уважаемые Господа !
Торгово-Финансовая Компания
"Героз"**

*продолжает прием денежных вкладов от населения
с выплатой высоких процентов.*

Минимальный срок вклада – 3 месяца,

с возможным получением процентов ежемесячно.

Минимальный вклад – 200 000 руб.,

для пенсионеров и инвалидов – 50 000 руб.

Обязательное страхование деятельности компании.

Адрес: Тетеринский пер., д. 16, офис 15, этаж 2 (м. "Таганская-кольцевая").

Телефон/факс: 915-20-71.

Время работы с 11 до 19 ч. ежедневно, кроме воскресенья и понедельника.

Внимание !

Открыт новый пункт приема денежных вкладов по адресу:
ул. Краснобогатырская, д. 79, корп. 2а, 1 этаж
(м. "Преображенская площадь"); тел. 963-0435.

Сергей Чумаков: «Хотелось бы чего-то новенького...»

Угрюмый нрав свойственен нашим согражданам. И, взглянув на мрачные лица, претерпевшие не одну житейскую бурю, очередь за апельсинами вполне можно спутать с погребальной процессией. Но не все еще потеряно, ведь едва ли не самая приятная из человеческих способностей — это способность улыбаться. Улыбка настолько все-ильна и обаятельна, что ею в мгновение можно изменить настроение. Вот в чем основной секрет необыкновенного шарма Сергея ЧУМАКОВА — когда он поет, то дарит улыбку, не похожую ни на какую другую.

— У меня сложилось впечатление, что популярность пришла к вам стихийно. Как это произошло?

— Начало было самое простое. Я познакомился с Александром Шагановым, и у него родилась идея нового проекта. Александр написал несколько песен — «Гадюка», «На Тверской», «Жених»,

«Романс», и они положили начало нашей творческой деятельности. Честно говоря, мы не ожидали сразу такого взлета, но, тем не менее, все получилось.

— Какие недостатки вы видите в своей работе?

— Недостаток — это то, что все происходит как-то долго, вязко. Для того чтобы ускорить процесс, надо, во-первых, много денег и, во-вторых, много задействованных людей.

— У вас были неприятности из-за поклонников вашего творчества?

— Нет, не было. Концерты проходят замечательно, я собираю полные залы. Особенно меня порадовал недавний концерт в Тамбове — зал был битком набит, я сам, честно говоря, не ожидал такого приема.

— Кому в жизни вы обязаны своей карьерой, а может быть, и счастьем? Кстати, вы счастливы?

— Я считаю, что счастлив. И

благодарен за это Александру Шаганову и Валерию Башневу — моим соратникам по работе, просто близким людям, с которых все началось. Без них, скорее всего, и не было бы Сергея Чумакова.

— Чего вам не хватает?

— Не могу сказать. В жизни мне хватает всего. Единственное, некоторая творческая неудовлетворенность, хотелось бы чего-то новенького. Конечно, я не могу просто взять и поменять имидж.

— А хотели бы?

— Может быть, более серьезные тексты, песни не только о любви... Я уже немного отошел от «попсы». То, что я исполняю, так назвать нельзя.

— Чем продиктован ваш репертуар?

— Секрет этих песен в том, что в них нет такой слащавой бессмысленности. Тексты имеют смысл, и они интересны не только для молодежи, но и для всех поколений.

— Ваша работа отнимает много времени от личной жизни. Вы страдаете от этого?

— Работа для меня стоит на первом месте, потому что без нее я — никто. А трудно мне приходится тогда, когда против существующего положения дел восстает моя жена. Такое случается.

— Кем вы хотели быть в детстве?

— Детство у меня было очень беспокойное. Я кем только не мечтал быть, в том числе — пожарным. Но моей заветной мечтой было стать водителем огромного рефрижератора «Совтрансавто» — я с ума сходил от этих машин: сила, мощь, а главное, размеры.

— Какой период жизни вам особенно дорог?

— Время, проведенное в пионерских лагерях. В детстве я был очень беспокойный, заводила. Меня даже после восьмого класса не взяли в девятый. И в характеристике написали: «...общителен, может повести за собой людей, но халатно относится к учебе, прогуливает и мешает учиться другим».

— Какое впечатление создается у вас о самом себе, когда вы просматриваете запись своего выступления?

— Мне не нравится. Я до сих пор не могу добиться раскованности. Мне хотелось бы полностью быть свободным на сцене, но это не всегда удается.

— Вам страшно?

— Нет, не то что бы страшно,

но меня не покидает мысль о том, как я смотрюсь со стороны, — это очень мешает. В жизни, кстати, у меня такого никогда не бывает.

— Что значит для вас друг, и случались ли разочарования?

— Да, у меня было много разочарований в дружбе, и я очень щепетилен в подборе друзей. Скорее, у меня вообще нет друзей, есть хорошие и близкие знакомые. В жизни я полагаюсь только на самого себя.

— Чем, по-вашему, «друг» отличается от «близкого знакомого»?

— Друг — это тот, кто понимает и принимает тебя абсолютно во всем, каким бы ты ни был. У меня есть единственный друг еще с детского сада. Обычно если я с кем-то ссорюсь, то стараюсь отойти от того человека. С ним же мы можем поругаться, послать друг друга далеко и надолго, а на следующий день встретиться как ни в чем не бывало — нас слишком многое связывает. А вообще, я полагаюсь на свое внутреннее чутье, интуитивно чувствую людей.

— Наш разговор проходит в ночном клубе, через несколько минут вы будете петь. В чем разница между выступлением на сцене в концертном зале и на дискотеке?

— Здесь все очень просто. Такие выступления не так колоритны, как большие концерты. Просто выходишь на сцену и работаешь. Люди танцуют, кто-то может, например, есть...

— А вас это не задевает?

— Нет, я на это не реагирую, так и должно быть. На то он, в принципе, и диско-клуб: люди приходят сюда отдохнуть, развлечься. Они, на мой взгляд, вправе заниматься своими делами. Но мои площадки — это залы на восемьсот, на тысячу мест: я люблю выступать перед большой аудиторией.

Мой следующий шаг — это скинуть с себя все эти шмотки, в которых я сейчас выступаю. Честно говоря, наплевать, как это будет выглядеть. Мне двадцать один год; я еще достаточно молод, чтобы позволить себе одеть обыкновенные джинсы и пренебречь всем этим официозом в виде пиджаков и галстуков. Я гораздо свободнее чувствую себя в обыкновенной одежде. Надоело ходить в костюме, изображая «солидного юношу» — я совсем не такой!

Наталья АЛЕЕВА

ИТАР-ТАСС

Призрачный инспектор

ГАИ занимается тем, за что не может нести полной ответственности. Так считает начальник отдела организационно-управленческих проблем Научно-исследовательского центра ГАИ доктор юридических наук Борис РОССИНСКИЙ.

Первое, что приходит на ум, когда мы говорим «инспектор ГАИ», — взятчик. По крайней мере, такой стойкой ассоциации добились средства массовой информации. Вот он стоит на дороге, открытый всем ветрам и недоступный, закутанный в немислимые одежды или упакованный в стеклянный «стакан», и смотрит. И на него смотрят, без усталости высеивая и критикуя. А если отвлечься от штампов и эмоций, можно прийти к парадоксальным выводам. Например, такому инспектору ГАИ — фигура призрачная, ирреальная. Откуда взялась эта профессия? Чем конкретно занимаются эти люди и могут ли они отвечать за результаты своего труда?

Далеко не у всех есть автомобили, и поэтому проблемы ГАИ можно считать актуальными лишь для небольшого числа граждан. Но когда речь идет о безопасности и жизни людей, категории «большой-маленький» надо признать условными. Все знают, сколько погибло в войне в Афганистане, и это большая национальная трагедия. Но на дорогах России ежегодно гибнет в три раза больше людей, причем не солдат, а мирных граждан.

Может быть, проблему безопасности

дорожного движения стоит назвать в числе главных мировых, требующих немедленного решения. Гибнут везде, и автомобиль вроде бы «убийца» уже потому, что он существует, снабжен четырьмя колесами и двигателем. Но у нас в России проблема все же приобретает поразительную остроту. Число дорожно-транспортных происшествий в других странах очень велико, но нигде не гибнет столько народу — если рассматривать не абсолютные цифры, а истинные, взятые в расчете на «поголовье» транспортных средств.

Первое, что приходит в голову: виноват инспектор ГАИ. Он торчит на улице днем и ночью и отвечает за безопасность движения. Ничего подобного. Безопасность зависит от многих и многих факторов: от профессионализма водителей, состояния дорог, технического состояния автомобилей. Если, скажем, знака нет на дороге или светофор не работает — аварии не избежать. На какое количество факторов ГАИ реально способна повлиять?

Инспекция была создана в начале тридцатых годов только для надзора за соблюдением правил и норм дорожного движения. Только! Но уже с конца тридцатых служба стала заниматься несвой-

ственными ей функциями. С годами задач у ГАИ становилось только больше, особенно хозяйственных, типа починки светофоров, нанесения разметки на дорогах, изготовления дорожных знаков. Кроме того, ГАИ, естественно, является частью обычной милиции и ведет работу по предотвращению угонов, участвует в поиске украденных автомобилей, занимается проверками на дорогах: нет ли оружия, куда и откуда идет груз, то есть не уворован ли он, ведет профилактику некоторых видов преступлений. При этом реальная возможность снизить количество аварий у ГАИ становится все меньше.

По самым скромным подсчетам, половину дорог в Москве надо закрыть, возможно и в России тоже. Формально Госавтоинспекция имеет на это право, а попробуй его осуществить! Представим себе сцену из доперестроечного фильма: инспектор ГАИ запрещает передвижение по дороге, отбирает права у шофера-охламона, снимает номера с машины-развалюхи. Завтра начальника ГАИ призывает первый человек в крае, области или городе, секретарь обкома например, стучит по столу пальцем и требует: «Этот ты мне брось, хлеб возить не на чем и

некому. А дорогу на кои шиши я буду ремонтировать?» Теперь средств стало еще меньше, власти на местах еще больше, и что, теперешние первые, президенты или губернаторы, они-то разве не будут стучать? Будут. И стучат. Зачем им считаться с ГАИ, когда и у обычных людей авторитет инспекции невисок.

К авторитету еще вернемся, а пока — о транспортных средствах. ГАИ осматривает ведомственные автомобили раз в год, а личные — раз в два года. Что происходит с автомашиной в промежутках — почти целиком на совести владельцев и водителей. В 1988 году была сделана попытка разделить ответственность ГАИ за состояние государственного транспорта с ведомствами, которым этот транспорт принадлежит. Крупные автохозяйства силами своих комиссий, внутренних «гаи» должны были по специальным методикам осматривать автомобили, а в государственную автоинспекцию только представлять документы. Все вроде бы было довольно, и инспектора ГАИ проверяли ведомственные машины выборочно. Но если бы ведомства рублем отвечали за состояние своих транспортных средств! А поскольку не отвечали, то и рубли стали вкладывать в другие, более выгодные дела, нежели содержание своих инспектирующих служб и ремонт. И порядок рухнул, едва родившись. Кроме того, крупные хозяйства раздали свой транспорт мелким, и где на дорогах России искать те две-три машины, принадлежащие какому-нибудь товариществу с ограниченной ответственностью, — неизвестно. И все вернулось на круги своя, то есть в ГАИ.

Аналогичная ситуация возникла и с решением передать хозяйственные функции ГАИ (работу по обеспечению улиц городов светофорами и другими техническими средствами регулировки движения) из МВД в городские коммунальные службы. Решение правильное — не стоит ГАИ заниматься делом, за которым она же и должна надзирать. Но коммунальные службы пока со своими задачами не справляются. Только в Нижневартовске проблему постарались решить грамотно: создали специальную органи-

зацию, которая занялась оснащением улиц светофорами, знаками, дорожной разметкой — с прибылью для себя. Все оказалось довольно. А ГАИ, освободившись от несвойственных ей функций, стала больше заниматься своим непосредственным делом. Но это не сказывается коренным образом на количестве аварий.

А сказывается обстановка беспорядка и неразберихи, общая для всей страны. И то, что местная администрация пытается принимать акты, противоречащие законодательству страны. И то, что законы принимаются, но их не исполняют.

Кстати, законодательное ужесточение наказаний за нарушение правил дорожного движения само по себе не дает результатов. Был в истории страны такой период, когда за создание аварийной ситуации на дороге могли и расстрелять. Но суды сквозь пальцы смотрели на такие нарушения, а правовая норма, существующая только на бумаге, провоцирует на правовой беспредел.

Длится этот беспредел до сих пор. Как расследуются уголовные дела, связанные с гибелью людей на дороге? Кое-как, а то и прекращаются без достаточных оснований. Как осуществляется судебное разбирательство? Небрежно — то и дело карают и правого, и виноватого. Как же не носиться по дорогам без всяких правил, зная, что все равно не накажут?

Самое интересное, что никто точно не знает, на что имеет право инспектор ГАИ, а на что — нет. Что такое осмотр транспортного средства или груза и что такое досмотр? Применяются оба термина. Суть их для многих остается неясной. Как же не брать взятки в атмосфере общего беспорядка?

Даже яростно защищая честь мундира, нельзя сказать, что взятки не берут. Утверждение, что берут все, оставим на совести говорящих. А что, нельзя увидеть на дороге такой эпизод: остановилась иномарка, вышел весь в коже и замше водитель и... спокойно выслушал замечания инспектора, спокойно отдал штраф, получил квитанцию и укатил? И так бывает. Но взятки ярче, они — заметнее. ГАИ всегда была заметнее, чем любая другая

милицейская служба.

Инспекция и теперь на виду. Взятку в тиши кабинета никто не видит. Поборы на дороге — 10 человек. К слову сказать, за сдачу экзаменов на право вождения можно огрести гораздо больше взяток. Просто потому, что здесь порядок меньше. Учатся водить машину в автошколах и невесть где, а ГАИ принимает экзамен, не имея для этого нормальных условий: машин, автотренажеров, оборудованных трасс. Кроме того, сотрудник ГАИ должен тратить на одного экзаменуемого 15 минут. А реально тратит 6—7. Экзамен становится формальностью. Значит, можно и свести его просто к покупке удостоверения — взятке. Но не все же это себе позволяют.

В развитых странах вопросы безопасности движения решают мощные органы государственной власти, президентские советы, как в США, например. Координирующие советы составляют государственную программу и следят за ее осуществлением, часть задач возлагая на полицию, часть — на местные органы власти, часть — на фирмы и корпорации. У нас была комиссия по обеспечению безопасности движения, но при МВД. Разработкой же государственной стратегической задачи должны заниматься представители различных структур, их рекомендации надо закреплять законодательно. Вероятно, безопасностью на дорогах займется межведомственная комиссия Совета безопасности страны по обеспечению общественной безопасности — есть такой орган власти. Но пока поддержки за спиной инспектора ГАИ нет, это чувствуется при каждом дорожном происшествии. Попробуй где-нибудь в США поспорить с дорожной полицией! У нас же в спорах побеждает тот, у кого характер крепче.

Да, там «у них» другая полиция, профессиональная, компетентная. Профессионализм сотрудников нашей ГАИ спорен. Подготовка инспекторов должна быть комплексной: правовой, технической, психологической, медицинской. Но у нас нет таких учебных заведений.

Записала Ксения КЛИМОВА

● 1993 году на дорогах России погибло 37 тысяч человек. За последние три года — 111 тысяч. А на дорогах мира погибает за год 259 тысяч человек и более 10 миллионов получает ранения.

● Число погибших в дорожно-транспортных происшествиях в расчете на 10 тысяч автомобилей в России в 5—6 раз выше, чем в США. Среди пострадавших в ДТП в России доля погибших в 10 раз выше, чем в США.

● По данным исследователей общественного мнения, авторитет представителей ГАИ падает. В 1979—1980 годах работу инспекторов дорожно-патрульной службы 52 процента води-

телей оценивали положительно, 14 — отрицательно. В 1988 году — 32 процента ставили «плюс», 24 — «минус» в адрес той же службы.

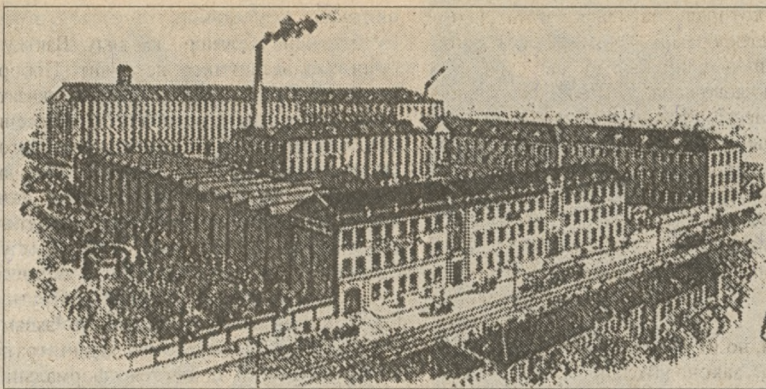
● В 1988 году 74 процента руководителей автопредприятий поддерживали идею техосмотра транспорта на своих предприятиях. Их мнение разделяли 43 процента сотрудников ГАИ. В 1992 году приверженцев такого порядка среди руководителей автохозяйств осталось лишь 31 процент, а среди сотрудников ГАИ — 17.

● Число предприятий, владеющих 1—3 транспортными средствами, в 1993 году по сравнению с 1991 выросло в 3—4 раза, а число предприятий — облада-

телей 4—9 транспортных средств — в 2,5—3 раза.

● Среди инспекторов дорожно-патрульной службы ГАИ — 31 процент имеет высшее образование, из них 8 процентов — юридическое, 19 процентов — инженеры, остальные — люди других специальностей, в том числе педагоги. Среднее специальное образование имеет 51 процент инспекторов ГАИ, из них юридическое — 15 процентов, техническое — 31 процент.

● Продолжительность рабочего дня инспекторов ГАИ на 20—25 процентов выше нормы. Около двух часов за смену уходит на разрешение конфликтных ситуаций.

Бенно Ронталеръ

ТЕЛЕФОНЪ № 26-03

Ее величество пуговица

Наталья АЛЯКРИНСКАЯ
Эдуард КУДРЯВИЦКИЙ (Фото)

Когда-то у моей бабушки в шкафу лежала старинная круглая коробка. Для меня, тогда еще маленькой, она казалась воплощением семейной тайны — и почему-то было страшно ее открыть. Но однажды я все-таки решилась.

Тугая крышка со скрипом поддавалась, и через край коробки на пол весело попрыгали... разноцветные пуговицы — деревянные, пластмассовые, перламутровые. Были и огромные, как на кепке у клоуна Олега Попова, и совсем крошечные, в виде бусин, и обтянутые шелком... Так я впервые заглянула в неведомый прежде и такой разнообразный пуговичный мир.

«Подумаешь, пуговицы! — воскликнул один мой знакомый. — Ерунда какая!» И был абсолютно не прав. Пуговица, между прочим, не только важная часть одежды (ну как бы вы без нее застегнули пальто или брюки?), но и элемент культуры. И так же, как всякая вещь, это маленькое полезное приспособление имеет свою историю. Причем очень древнюю.

...Пуговицами их стали называть потом. А сначала были «фибулы», с помощью которых на плече застегивались римские тоги и греческие хитоны. Фибула тогда, скорее, напоминала брошь — массивную, у богачей — усыпанную драгоценными камнями.

Это было в древности. В средние же века одежды зашнуровывали и вполне обходились без пуговиц, используя их только в качестве украшений. По количеству пуговиц — представьте себе! — судили о достатке и знатности человека. Вот почему на богатых старинных одеждах их зачастую намного больше, чем петьель. Французский король Франциск I дошел до того, что распорядился украсить свой черный бархатный камзол 13 600 золотыми пуговицами!

Когда же драгоценные пуговицы начали использовать как застежки, многие возмутились: как же так, мол, оскорбление «Ее Величества Пуговицы»!

...На Руси пуговицы были особенно роскошными: серебряные, золотые, украшенные многоцветной эмалью, чернью, резьбой, усыпанные рубинами, опалами, изумрудом, жемчугом. Для самых парадных одежд их делали даже из крупных сверленных драгоценных камней. А потому часто цена пуговиц превышала стоимость самой одежды.

Такую роскошь могли позволить себе, естественно, только богатые люди. Московские придворные были настолько жадны до красивых и дорогих пуговиц, что мастера Серебряной и Золотой палат не справлялись с работой. Пуговицы покупали дополнительно в Серебряном ряду, где их делали мастера-пуговичники и продавали на вес партиями. Люди небогатые в те времена могли позво-

лить себе только медные, оловянные или серебряные пуговицы.

А какую только форму не придумывали для пуговиц: на одеждах бояр и дворян можно было отыскать оные в форме яйца, груши, миндаля и даже сосновой и еловой шишек. Все пуговицы в то время были на «ушке». Что же касается размеров, то некоторые достигали величины куриного яйца, а другие были не больше горошины. В отношении количества пуговиц, пришитых к одежде, наши вельможи были поскромнее французского короля — больше всего их оказалось на парадном платье Ивана IV: 68 золотых пуговок.

С течением времени запросы становились скромнее: золото, изумруды и рубины постепенно заменялись перламутром, алмазами, жемчугом. Мужчины XIX века уже не могли щеголять множеством пуговиц — это считалось дурным тоном. Беднякам разрешалось носить их только на рубашках и жилетах, да и то немного. Зато женщинам в этом отношении предоставлялась полная свобода.

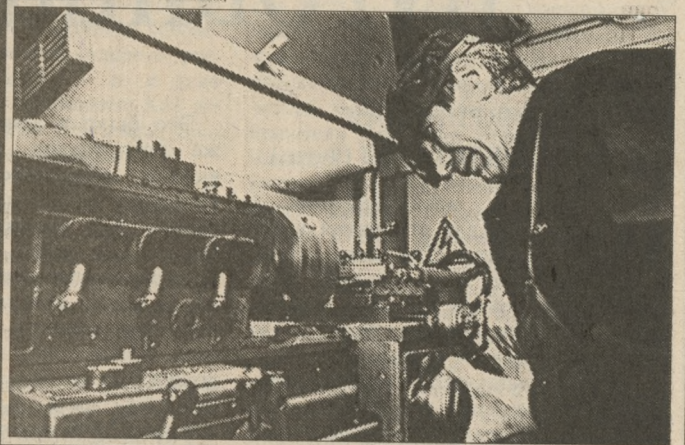
А потом пришел XX век с его пластмассами и новыми технологиями. И появилось странное и неуклюжее слово — «фурнитура».

История одной фабрики

...В Москве на Бакунинской улице вот уже более ста лет стоит себе, скромно и незаметно, самая большая в России пуговичная фабрика. На фасаде здания сразу и не замес-

вянные, кокосовые, перламутровые пуговицы. Делали их практически вручную, а потому труд был не из легких. Сразу после войны появились пуговицы из галолита — сырья, основанного на казеине. Казеин, в свою очередь, делался из молока, которого в то время не хватало даже для питания. Дороговатые выходили пуговицы... А тут еще, в результате общего экологического кризиса 50-х годов, стали погибать моллюски, из раковин которых добывали перламутр. Надо было срочно искать замену. И с 1971 года фабрика, заимствовав итальянскую технологию, перешла на выпуск пуговиц из полиэфиров — разновидности пластмасс. В том же году она стала главой настоящего «пуговичного гиганта» — Московского производственного пластмассовофурнитурного объединения, выпускавшего треть всей фурнитуры в стране. Однако в конце 80-х каждое из пяти его предприятий сделалось

тишь вывески с ее названием. Зато бросается в глаза табличка: «Лавка «Пуговицы». В этой лавке перебивали многие москвички-рукодельницы. А пуговицы, которые они так любовно выбирают для своих нарядов, делаются тут же, под боком. Надо только миновать вахтера — и оказываешься во внутреннем фабричном дворе. А вокруг — старинные корпуса с лабиринтами лестниц, коридоров, цехов...

В конце XIX века, когда столица стала центром промышленного производства одежды и понадобилась «массовая» пуговица, предпри-

имчивый купец Тупицын получил разрешение «на производство работ в пуговичном заведении в доме Щукина». Чуть позже фабрику купил австрийский предприниматель Банно Ронталлер, который и владел ею до революции.

Было у фабрики и «славное революционное прошлое». От него осталось лишь имя революционера, работавшего в те годы на фабрике и увековеченного в ее названии: с 1924 года она стала называться пуговичной фабрикой им. Н.Д.Балакирева.

До войны здесь выпускали дере-

самостоятельным, а сама фабрика им. Балакирева превратилась в акционерное общество «Покровское».

Сейчас здесь переживают не самые лучшие времена. Пустуют многие цеха, молчат станки, когда-то стахановскими темпами поставлявшие миллионы валовых пуговиц. Теперь на фабрике руководствуются принципом «лучше меньше, да лучше». Правда, подорожали сырье, электроэнергия. К тому же молодежь на фабрику не идет — сейчас не в моде зарабатывать деньги тяжелым трудом. Но Ее Величества Пуговица приказывает «крутиться» — и фабрика живет...

Немного о пуговичной политике

Чтобы выжить и не потерять заказчиков, пуговичной фабрике нужно идти в ногу с модой. Поэтому здесь уже давно существует лаборатория по разработке нового ассортимента: работающая в ней группа художников реагирует на спрос

и создает новые коллекции фурнитуры. В какой-то мере фабрика даже диктует моду, проводя свою «пуговичную» политику. Ее главный идеолог — Сергей Сергеевич Мищенко, начальник упомянутой лаборатории.

По его словам, в последнее время появилось огромное количество импортной фурнитуры, безнадежно устаревшей «там» и активно скупаемой нашими предпринимателями. «Россия теряет национальные корни», — говорит Сергей Сергеевич, — и это видно даже на примере такой, казалось бы, маленькой вещи, как пуговицы. Мы стараемся исправить это положение и разрабатываем пуговицы с национальными особенностями, придавая им индивидуальность».

При создании таких пуговиц прежде всего должна учитываться цветовая гамма. У каждой страны она своя. СССР, как показало всемирное исследование, проведенное ЮНЕСКО в конце 80-х годов, лидировал по распространности серого и коричневого цветов. Когда через пять лет исследование повторили, оказалось, что «цвет уныния» продолжал стойко держаться. Но к нему добавился «цвет перемен» — зеленый. А популярность красного, говорящего о революционном сознании общества, уменьшилась.

В Москве существует НИИ технической эстетики, который впервые в стране взялся за изучение отечественной системы цвета, и пуговичная фабрика с ним активно сотрудничает. Но не только с ним, а и с модельерами: Вячеславом Зайцевым, Галиной Гагариной, Рафом Сардаровым, Николаем Лобановым, Еленой Пелевиной. Последняя известна своими моделями, выполненными в русском стиле. Недавно она представляла русскую моду во Франции и получила предложение открыть в Париже магазин «Русская

одежда». И это понятно — на Западе ценят именно русскую неповторимость. Ценят ее и в пуговице...

Рождение пуговицы

У каждой пуговицы есть родители: художник и колорист. Первый — дает идею, второй — подбирает цвет и материал. А потом пуговица запускается в производство: окрашивается в нужный тон пластмасса, выплавляется полуфабрикат — кружок под названием «рондель». Умные заграничные станки делают их пуговицами, прорезая дырочки и обрабатывая поверхность в соответствии с замыслом художника. А чтобы изделие заблестело на блузке или костюме, как зеркало, его полируют в специальной центрифуге в течение... 48 часов!

Есть и особо трудоемкие пуговицы — с различными вставками, их приходится делать вручную граверам. Кстати, до начала 50-х годов граверы выполняли и работу художников...

Елена Васильевна Колесникова — ведущий художник-дизайнер фабрики. Для нее пуговицы — как собственные дети, выстраданные и любимые, трудные и не очень. Она работает здесь десять лет и помнит времена,

на, когда фабрике приходилось гнать валовую продукцию — пуговицы для сорочек и брюк. В таких условиях создавать что-то свое, оригинальное было очень трудно. Даже если это удавалось, на швейных фабриках часто все сводили к нулю: пуговицы не подбирали к одежде ни по цвету, ни по фасону. Однажды Елена Васильевна зашла в магазин и с ужасом увидела: пуговицы, которые она создавала для спортивной одежды, были пришиты к халатам. А рядом висели спортивные товары с «халатными» пуговицами.

Теперь многое изменилось. Швейным фабрикам надо продать свою продукцию, поневоле задумаешься, какие пришить пуговицы. По словам Елены Васильевны, пуговица — это скульптура малых форм, которая закручивает и подчеркивает стиль костюма.

Какие же пуговицы сейчас в моде?

Современные женщины отдадут предпочтение в первую очередь «роскошным» — под золото и серебро, с различными вставками, имитирующими жемчуг, перламутр, драгоценные и полудрагоценные камни. Эти пуговицы подчеркивают женственность и близки ювелирным украшениям.

Актуальны пуговицы «Фантазийного» направления: мерцающие, переливающиеся, с восточными мотивами. Наконец, в моде «экологическая» тема: пуговицы с эффектом панциря черепахи, рога, кожи, перепелиной скорлупы, пемзы, стекла, дерева, растресканной земли...

И все это, представьте себе, делают на скромной фабрике на Бакунинской улице.

Дикий Восток

Смерть в Москве

Сеймур М.ХЕРЕШ*

Майкл Дизаро был зверски убит 13 ноября прошлого года в своей квартире в респектабельном районе Москвы, неподалеку от американского посольства. Смерть 35-летнего экономиста потрясла всю американскую колонию. Выпускник Гарварда, великолепно знавший русский язык и наделенный способностью быстро устанавливать нужные контакты в чужой стране, он начинал свою блестящую карьеру в России с работы в экономическом отделе посольства США. Прошлой осенью он стал высокооплачиваемым сотрудником одной из многочисленных американских финансово-бухгалтерских компаний, ведущих дела от госдепартамента США, и по совместительству — Агентства по международному развитию (АМР), способствующего проведению программ приватизации в России и других бывших республиках СССР.

Дизаро стал первым из убитых в России с начала горбачевской перестройки граждан США, имевших непосредственное отношение к посольству. Сотрудники посольства, побывавшие на месте преступления, сделали серию жутких снимков, запечатлевших беспорядок в квартире, из которой исчезли все ценности, включая компьютер, телевизор и стереосистему, а главное — запачканную кровью ванну, в которой было найдено раздетое до трусов тело Дизаро. Вывод о том, что Дизаро стал очередной жертвой московских криминальных структур, напрашивался сам собой.

Между тем московские следственные органы заявили, что не исключают возможности смерти Дизаро в результате сердечного приступа. Выходящая на английском языке газета «Москью таймс» сообщила со ссылкой на официальные результаты вскрытия, что Дизаро страдал редким сердечным заболеванием — кардиомиопатией. К возмущению бывших коллег Дизаро по посольству и его последней работе, никакой реакции на это сообщение (как и на некоторые другие) со стороны руко-

водства американского посольства в Москве не последовало.

По мнению этих людей, после смерти Майкла Дизаро нельзя игнорировать тот факт, что организованная преступность проникла во все сферы российской жизни и что ее мишенями все чаще становятся американские граждане. Проблема роста преступности в России не ограничивается рамками личной безопасности и экономики — она на наших глазах вырастает до масштабов национальной и международной угрозы. По сути дела, государство в России делается заложником криминальных структур. И в этих обстоятельствах оно может потерять контроль над своим запасом ядерного оружия, включающим 15 тысяч тактических ядерных боеголовок и сотни тонн плутония и обогащенного урана. В обстановке разгула преступности и слабого контроля российские ядерные материалы и оружие могут «уйти» на процветающий черный рынок.

Ценность Дизаро для аппарата посольства США определялась прежде всего великолепным знанием русского языка, знанием Москвы и связями на самом веру российского руководства. Иногда последнее обстоятельство даже создавало неудобства для высших работников посольства. Бывшие коллеги Дизаро часто вспоминают случай, когда в 1990 году после важной политической встречи один из чиновников американского посольства упрашивал Ельцина дать ему некую информацию, на что тот ответил, награждая Дизаро должностью, которой тот не имел: «Почему бы вам не обратиться к вашему советнику по экономике? Я уже все ему рассказал». И по сей день в памяти бывших коллег остается мужество Дизаро, с которым он спасал от огня архивы и секретные документы, отказавшись покинуть здание посольства во время сильного пожара в 1991 году.

Смерть человека, прекрасно знавшего российскую жизнь и хорошо ориентировавшегося в сложной московской обстановке, потрясла посольство. У людей просто опустились руки. Это убийство прозвучало как сигнал: «Теперь никто из нас не может считать, что он в безопасности».

Друзья Дизаро слышали о его пла-

нах купить подержанную машину — такого рода сделки в Москве осуществляются только за наличные, в данном случае — немалые. Все в посольстве знали, что человек, снимающий крупную сумму денег со своего банковского счета, становится потенциальной мишенью для злоумышленников, поскольку хорошо известно, что московская мафия через взятки и вымогательство получает информацию о текущих счетах клиентов крупнейших банков столицы. Сотрудники посольства отмечают, что, судя по характеру беспорядка в квартире Дизаро, грабители резко прекратили поиски, найдя то, что искали, — возможно, крупную сумму денег.

Между тем спустя неделю после преступления в московских газетах появилась новая версия этого события: Дизаро якобы входил в подпольный клуб гомосексуалистов и был убит во время буйной вечеринки на своей квартире разгулявшимися партнерами. Есть также информация от бывшего посла США в России о том, что его начальство в Вашингтоне посоветовало ему принять версию о «голубых делах», то есть не копать слишком глубоко. Женщины, знавшие Дизаро, утверждают, однако, что он отнюдь не был гомосексуалистом.

Вплоть до середины марта Госдепартамент США не желал вмешиваться в российские дела, сообщая интересующимся журналистам, что правоохранительные органы в России «продолжают вести расследование». Вновь повторялись ссылки на результаты вскрытия, согласно которым Дизаро мог погибнуть от сердечного приступа.

Многие из сотрудников американского посольства уверены в том, что дело Дизаро было «спущено на тормозах», чтобы не привлечь слишком много внимания к тому, какой размах приняла организованная преступность в России и бывших республиках СССР и сколь велико ее влияние на все сферы жизни.

Огромное количество статистических данных и публикаций в прессе позволяет судить о масштабах преступности в России. Но особое внимание среди всего этого потока информации заслуживает материал, подготовленный, но до сих пор не на-

* Статья из американского журнала «The Atlantic Monthly». Публикуется с сокращениями.

Редкий день в Москве обходится без мафиозных разборок

ИТАР-ТАСС

печатанный в США, под условным названием «Анализ российской мафии», основанный на исследовании, проведенном в ноябре прошлого года Управлением по оценке угрозы Министерства энергетики США. Управление предоставляет разведорганам США данные о ядерном оборудовании и технологиях, имеющихся в различных странах мира.

Данное исследование, написанное в форме доклада, является, по сути, первым шагом на пути сбора разведывательной информации о потенциальной ядерной угрозе со стороны организованной преступности России и других бывших советских республик. «Изучая угрозу распространения ядерного оружия, — говорится в докладе, — нельзя не учитывать угрозу распространения преступности». В докладе приводятся данные о том, что в 1991 году в России действовало около 4 тысяч преступных группировок и банд. Сообщается и такая информация:

— Примерно четверть организованных преступных группировок, по-видимому, имеет связи с аналогичными криминальными структурами в ближнем и дальнем зарубежье. Значительное число группировок частично или полностью вобра-

ли в свою деятельность коррумпированных государственных чиновников и политиков.

— 40 процентов частных российских компаний и 60 процентов государственных коррумпированы организованной преступностью.

— Можно предполагать, что российская мафия владеет половиной коммерческих банков, от 50 до 80 процентов магазинов, гостиниц, складов, товарных депо и предприятий сферы услуг в Москве. В Санкт-Петербурге ситуация аналогична московской: здесь деловые люди вынуждены платить мафии 15 процентов дохода за «охрану».

— Повсеместно распространена коррупция в армии. Согласно февральской информации Министерства обороны, к дисциплинарной ответственности за сомнительную предпринимательскую деятельность были привлечены 3 тысячи офицеров и 46 армейских офицеров пошли под трибунал с обвинениями в злоупотреблении служебным положением. Тайное «движение военных материалов через каналы организованной преступности привело к распространению стрелкового и другого оружия по всему бывшему Советскому Союзу, что дало возможность

вооружиться боевикам, националистам и преступникам — и миру в целом. Российские склады оружия приходят в ветхость и негодность, их охраняют солдаты, чье безразличие делает эти арсеналы доступными для преступных элементов».

— В настоящее время организованная преступность использует высокотехнологичные средства связи, в том числе факсимильную, коротковолновую радио- и сотовую телефонную связь — то есть возможности, недоступные для правоохранительных органов.

До сих пор документально подтвержденных сведений об успешном похищении или незаконной продаже ядерных боеголовок или обогащенного ядерного материала в России или СНГ нет. Тем не менее существуют непреложные свидетельства того, что организованная преступность на территории бывшего Советского Союза всеми путями добивается доступа к ядерным арсеналам. Очевидно также, что российское правительство неспособно отвечать за все свои бомбы и ядерные материалы военного назначения. Наиболее сложная ситуация сложилась с тактическими ядерными боеголовками, многие из которых,

как предполагают, имеют взрывную силу, во много раз превышающую силу бомбы, сброшенной в 1945 году на Хиросиму. Склады, на которых хранятся эти боеголовки, предназначенные для закладки в мины, торпеды, авиационные бомбы и артиллерийские снаряды, трудно назвать стопроцентно отвечающими требованиями безопасности.

Во время слушаний в Конгрессе США в середине 1992 года представитель ЦРУ сообщил, что по весьма приблизительным оценкам его организации российский арсенал стратегического и тактического ядерного оружия составляет 30 тысяч боеголовок, с ошибкой в плюс-минус 5 тысяч. Неточность обусловлена отсутствием полной информации о количестве уничтоженных боеголовок.

В этой связи научный сотрудник организации под названием «Совет по охране природных ресурсов» (СОПР) д-р Томас Кочран, являющийся одним из крупнейших в США специалистов по вопросам советских ядерных вооружений, как-то сказал, что его чрезвычайно беспокоит отсутствие полноценной разведывательной информации по военному потенциалу бывшего СССР. В 1991 году предложение Кочрана и его коллег по СОПР о создании двусторонней комиссии, которая провела бы подсчет и пометила бы все ядерные боеголовки в России и США, получило резкое «нет» со стороны администрации Буша. Белый дом не устраивало то, что российские военные соглашались открыть для американцев доступ к своим хранилищам ядерного оружия только при условии предоставления им аналогичной возможности американской стороной.

Вот как смотрит на ситуацию в России один из специалистов по анализу вопросов национальной безопасности США: «Сейчас не осталось ничего, даже близко напоминающего старый добрый Советский Союз. В советское время хранилища ядерного оружия были защищены от посягательств не столько физическими барьерами, сколько жесточайшей системой внутреннего контроля. Всякий, кто рискнул бы сорвать замок с воинского склада и присвоить что-либо из воинского имущества, становился объектом интереса КГБ. Сейчас в России мы наблюдаем развал государства. В этих условиях, уверен, я смог бы за двадцать пять миллионов долларов, если бы они у меня были, купить ракету с боеголовкой и «ядерную кнопку».

Многие американские правительственные чиновники, связанные с вопросами национальной безопасности, знают, что такая покупка (хотя

и на сумму существенно меньшую, чем двадцать пять миллионов) чуть было не состоялась. В 1991 году Уильям Аркин, эксперт международной организации «Гринпис», а в прошлом специальный помощник заместителя начальника разведки командующего армией США в Западном Берлине, после длительных и обстоятельных переговоров сумел уговорить двадцативосьмилетнего старшего лейтенанта Советской Армии, охранявшего вверенный ему склад ракет «СКАД» на территории бывшей Восточной Германии, продать ему одну ядерную боеголовку за 250 тысяч долларов. Целью Аркина было развеять миф о недоступности российского ядерного арсенала. По тщательно разработанному плану офицер и двое его подчиненных должны были подбегать на грузовике к бункеру, погрузить боеголовку и отвезти ее в условленное место. Далее предполагалось, что лейтенант будет спрятан на территории Германии, а боеголовка выставлена на всеобщее обозрение в Берлине. Осуществлению этого плана помешал неудавшийся государственный переворот в августе 1991 года, после которого все советское оружие было в одночасье вывезено из Германии...

Наиболее «интеллектуальное» звено в сети организаций, причастных к проблеме нераспространения ядерного оружия, — Подразделение «Z» министерства энергетики США, находящееся в Ливерморской национальной лаборатории им. Лоуренса, заинтересовалось проблемой преступности в России. Аналитики из этого подразделения, изучающие самую секретную информацию, которая попадает к правительству страны, сейчас вплотную работают над подготовкой доклада о потенциальной ядерной угрозе со стороны организованной преступности в России. Они изучают также вторичную, но от этого не менее серьезную опасность: вероятность того, что силы, лояльные правительству в Киеве, завладеют оружием, находящимся на российских военных базах на территории Украины. Наиболее ненадежными, по данным американских служб, представляются российские армейские таможенники, контролирующие подходы к авиабазам в Узине и Прилуках, где размещаются стратегические бомбардировщики. Именно там сосредоточено сейчас тактическое ядерное оружие, которое Украина вынуждена была передать России год назад.

В одном из своих докладов правительству США аналитики из Подразделения «Z» сообщали, ссылаясь на данные восточноевропейских специалистов по проблемам терро-

ризма, что российская и итальянская мафия, по-видимому, всерьез рассматривают возможность включения в сферу своей деятельности «контрабанды ядерных материалов военного назначения, для транспортировки которых могут использоваться те же каналы, что и для перевозки наркотиков». Для российской мафии материальные стимулы при осуществлении такого рода операций могут оказаться достаточными, чтобы оправдать риск, связанный с опасностью для здоровья и нарушениями закона.

Как стало известно автору, во время пленарных совещаний и конференций в преддверии приезда президента Клинтона в Москву в январе 1994 года представители российской разведки информировали своих американских коллег о том, что им стало известно о трех попытках похищения и контрабанды ядерных материалов. Наиболее серьезный случай произошел в апреле 1993 года в Ижевске, когда сотрудниками местного управления МБ удалось изъять у злоумышленников 60 кг высокообогащенного урана — этого количества было бы достаточно для изготовления трех бомб, своей мощностью сопоставимых с хирозимской. Двумя месяцами позже в Бресте были арестованы двадцать человек, двое из них — итальянцы. Им было предъявлено обвинение в попытке контрабанды 36 кг обогащенного урана.

Немецкий журнал «Шпигель» сообщил, сославшись на информацию Федерального разведывательного управления БНД, что всего было более 200 попыток нелегальной продажи ядерных материалов из бывшего Советского Союза и стран Варшавского Договора, причем основная часть этих материалов провозилась через территорию Германии. В европейской прессе появились также сообщения о продаже в Северную Корею похищенного в России плутония военного назначения.

Один из экспертов по советскому ядерному потенциалу, регулярно обследующий хранилища ядерного оружия в России, заявил: «Вы имеете дело с империей, корчащейся в судорогах. Большинство населения живет в условиях свободы хуже, чем раньше...»

Теперь они могут путешествовать, но у них нет денег.

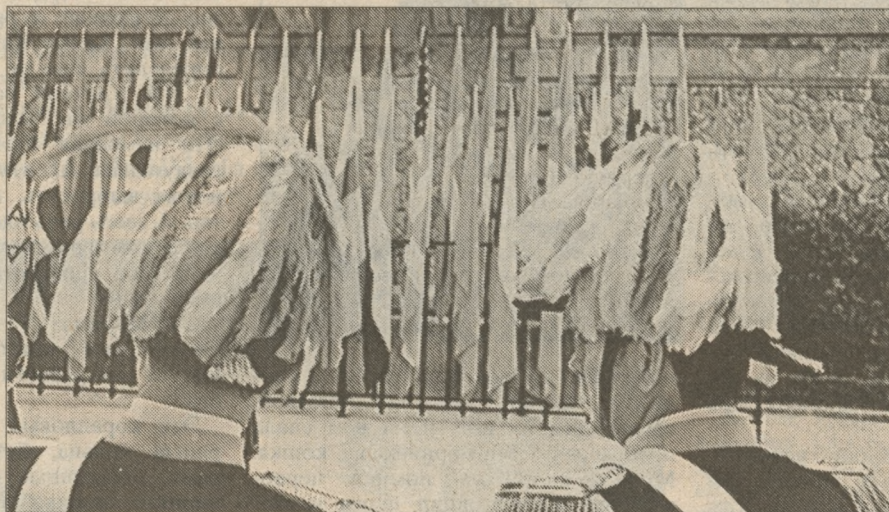
Теперь они могут голосовать, но за кого?

Теперь они могут говорить что думают. И что с того?

Им не стало лучше».

Перевод Е.ГРИГОРЬЕВОЙ

Сан-Марино

«...В 1-й мировой войне... республика участвовала на стороне Антанты, выставив 15 солдат».

Большая советская энциклопедия, статья «Сан-Марино»

Сан-Марино — каменный остров. Далеко внизу плещется море под названием Италия. Иногда его сравнивают также и с кораблем. Но корабль, как известно, плывет, а Сан-Марино замер неподвижно, стал на якорь между Римини и Риччоне. Считается, что это — самая древняя из ныне существующих республик. Возникла она еще в девятом веке. Это понятно, когда создается что-нибудь новое, сначала используют уменьшенную модель.

Сан-Марино — одно из самых маленьких государств на земле. У нас, когда хотят упомянуть какую-нибудь миниатюрную европейскую страну, обычно выбирают в качестве примера княжество Лихтенштейн. «Россия — это великая держава, это вам не Лихтенштейн!» Но по сравнению с Сан-Марино Лихтенштейн необъятен, как сибирские равнины. В одном Лихтенштейне уместится несколько республик Сан-Марино.

Как смогло это государство остаться независимым? Когда подъезжаешь к огромной горе Титано, на которой расположен этот город-государство, ответ возникает сам собой — какому завоевателю охота лезть на такую вершину? Когда-то Зевс, сражаясь с

титанами, схватил каменную скалу и бросил ее на одного из своих противников. С тех пор гора Титано стоит посреди ровных холмов Северной Италии. Туристки, забираясь на крепостные стены Сан-Марино, замирают от ужаса и восторга. Под ногами — совершенно отвесная скала, каменная стена. И только очень далеко внизу в полукилометре кувыркаются в воздухе ласточки.

Сан-Марино — туристское государство. Тяжелые автобусы ползут вверх по серпантину, гудят, когда надо разминуться на крутом повороте. Сан-Марино необыкновенно, фантастически живописен. Дома здесь вырастают из крепостных стен, крепостные стены — из серых скал. Посреди улицы выбивается массивный пласт серой каменной породы.

И повсюду — кафе, ресторанчики, дворцы, башни, церкви, музеи, антикварные магазины в узких улочках, сувенирные лавочки. Все то, что щедро рассыпано по всей Италии, здесь собрано на площади в несколько квадратных километров. Получается своего рода концентрат, который русскому гражданину надо пить осторожно. Иначе — с ума можно сойти. Я помню группу российских туристов, которые поднимались вверх, мимо всех достопримечательностей и соблазнов, и вскрикивали, восклицали, хватали друг друга за руки. Наконец, на маленькой площади, где у фонтана раскинуло ветки усыпанное розовыми цветами мин-

дальное дерево, они просто закричали в голос, как будто бы навсегда прощались с любимым человеком...

Но в Сан-Марино нет ничего от роскоши и величия Венеции или Рима. Сан-Марино — это доказательство того, что городки в табакерке, пряничные домики, замки на песке действительно существуют. Государство, которое очень хочется осторожно завернуть в бумагу, положить в сумку и увезти домой. Потом, в Москве, поставить на стол, собрать гостей и любоваться. Но эта дорогая и красивая игрушка не просто похожа на настоящую. Она действует, живет. Здесь есть правительство, парламент, герб и государственный гимн. Здесь сам себе кажешься вдруг уменьшившимся, как Алиса в стране чудес, на русского человека все это опять-таки действует особенно сильно. В самом деле, можно ли представить себе страну, более непохожую на Россию? Русский человек смотрит с зубчатого парапета туда, где в тумане видны холмы и море. Что там, внизу, — уже Италия? Русский человек ходит по кривым улочкам, осторожно ставя ноги — слишком хрупким кажется это государство, не повредить бы здесь что-нибудь случайно.

Российский интеллигент с его всемирной отзывчивостью сразу же начинает жалеть обитателей этого каменного острова. Действительно, нелегко жить в государстве-музее, сам поневоле становишься экспона-

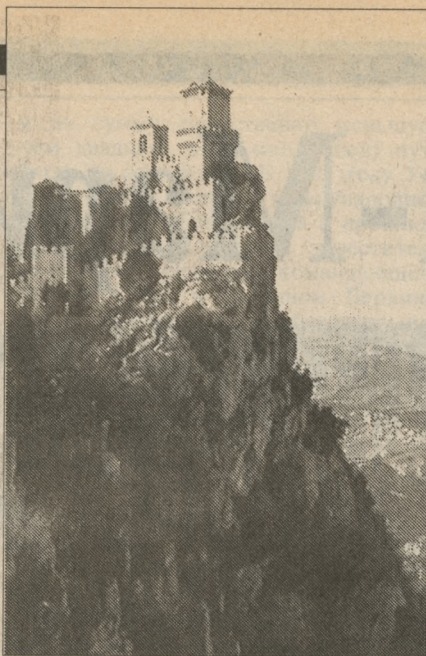
том. Увидев очередное декоративное окошко, туристы суют туда свои любопытные носы — а вдруг там что-нибудь интересное. Они встречают сердитый взгляд пожилой синьоры, которая у себя на кухне готовит суп-павезе... Крутая каменная лестница перерезает город. Поднимаясь по ней, проходишь в полуметре от мужика в трусах, который лежит на каком-то тюфяке. Это не бомж и не нищий. Это respectable житель Сан-Марино, который загорает на террасе собственного дома... Щелкают фотоаппараты.

В Сан-Марино надо строить социализм. Срочно. Главное для этого уже есть — несметное количество красных флагов, выпелов с изображением Ленина и прочих советских атрибутов. Такое впечатление, что вооруженные силы республики совершили победоносный налет на какой-нибудь большой пионерлагерь времен застоя.

Но у жителей Сан-Марино нет необходимости в подобных акциях. Им даже не надо отправляться за этим добром в далекое Измайлово. Его доставляют сюда русские туристы. Дарят, заключая торговые сделки, продают, выменивают. Я помню магазинчик в одном из переулков, весь состоявший из стекла и зеркал, в которых отражались кораллы, перламутры, серебряные цепочки, браслеты, какие-то флаконы из матового стекла. Перед синьорой на прилавке стоял красный флажок на подставочке. Как будто бы она не продавала всю эту потрясающую дребедень, а на какой-нибудь международной конференции защищала интересы советской державы перед лицом империалистов.

В так называемой «Второй башне» — огромной, очень старой, находится музей оружия. Входные билеты платные. Кассир, получив мои лиры, радостно спросил: «Signora russa! We have a soviet flag here. Would you like to see?»

И меня повели смотреть советский флаг. Давно я его не видела. Какая

приятная встреча! Флаг висел за спиной у кассира. Он был большой, свешивался на пол, и на нем спала прекрасная сан-маринская кошка. Может быть, он помнил первомайские демонстрации перед мавзолеем. А может — провисел долгие годы в какой-нибудь пионерской комнате.

За полчаса до этого я испытала более сильное потрясение. Зайдя в небольшое кафе, я старательно сказала: «Per favore, un caffè». Продавец, дружелюбно показав на соседний столик, сказал: «Садитесь, пожалуйста». С легким акцентом, но вполне внятно. У меня голова закружилась. Я решила, что перегрелась на жарком сан-маринском солнце. Уже потом, гуляя по городу, я постоянно слышала «Добрый ден», «Спасибо», «Ельцин». Ельцина здесь воспринимают как своего рода национальную достопримечательность России. Как корриду в Испании или Эйфелеву башню в Париже.

Сан-Марино — рай для русских шоп-туристов. Так, по крайней мере, считается. Здесь беспрошленная торговля и все дешево. На улицах толпы русских. Когда продавец или официант обращается к ним на их

родном языке, они испуганно оглядывают себя, ища какой-то скрытый порок, который позволяет так безошибочно определить их национальность. Но в действительности дело в акценте. Российское произношение ни с каким другим не спутаешь. Наше твердое «л», «qu», которое мы разделяем и четко произносим как «кв». Кроме того, русских можно определить еще по одному признаку — той мрачной сосредоточенности, с которой мы заходим в магазины. Это немецкая туристка может, не раздумывая, купить себе сумочку, а потом выбросить, если не понравится. А здесь речь идет о партиях товара, о коммерческом обороте, о том, чтобы не прогореть. Всякая ошибка смертельна.

Сан-Марино — обманчивый рай. Обманчивые красота и изобилие. Нет от них радости советскому туристу.

Эти коралловые ожерелья, серебряные кольца, бутылочки с ликерами, стеклянные флаконы и сувенирные куколки в кружевах очень красивы. Но на них не сделаешь бизнес. Можно также внизу, на границе зайти в duty free shop. Тут действительно все дешево. Можно приобрести эксклюзивный наряд от Сони Риккель на 100 долларов дешевле, чем в Италии. Но потом попытайтесь-ка продать его в Лужниках. И заодно объясните потенциальным покупателям, кто такая Соня Риккель. Поэтому бегают русские туристы по Сан-Марино мимо суровых крепостных башен и статуй добродетельных правителей. Ищут тот единственный магазин, созданный специально для них...

...Через несколько часов поисков наша группа собралась на площадке перед «Театро Титано» и стала обсуждать свои неудачи.

— Странно, — сказал один из наших ребят, — здесь до сих пор любят Горбачева. «Грация Горби, грация Горби». Что они в нем нашли?

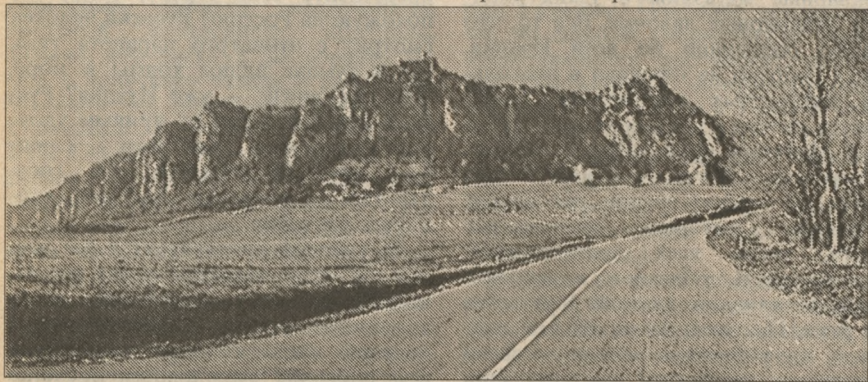
— Нет, постой, постой, — тут же выступил другой, — Горбачев все-таки начинал правильно. Если бы он не окружил себя партаппаратом...

— Да жулик твой Горбачев, — закричал третий. — Я вот недавно читал...

— Ребята, — не выдержал руководитель группы. Русские люди! Вы что, с ума сошли? Мы — в Сан-Марино. Товар не куплен. Через два часа отходит автобус. О чем вы говорите?

И все отправились за товаром.

Екатерина ГОНЧАРЕНКО

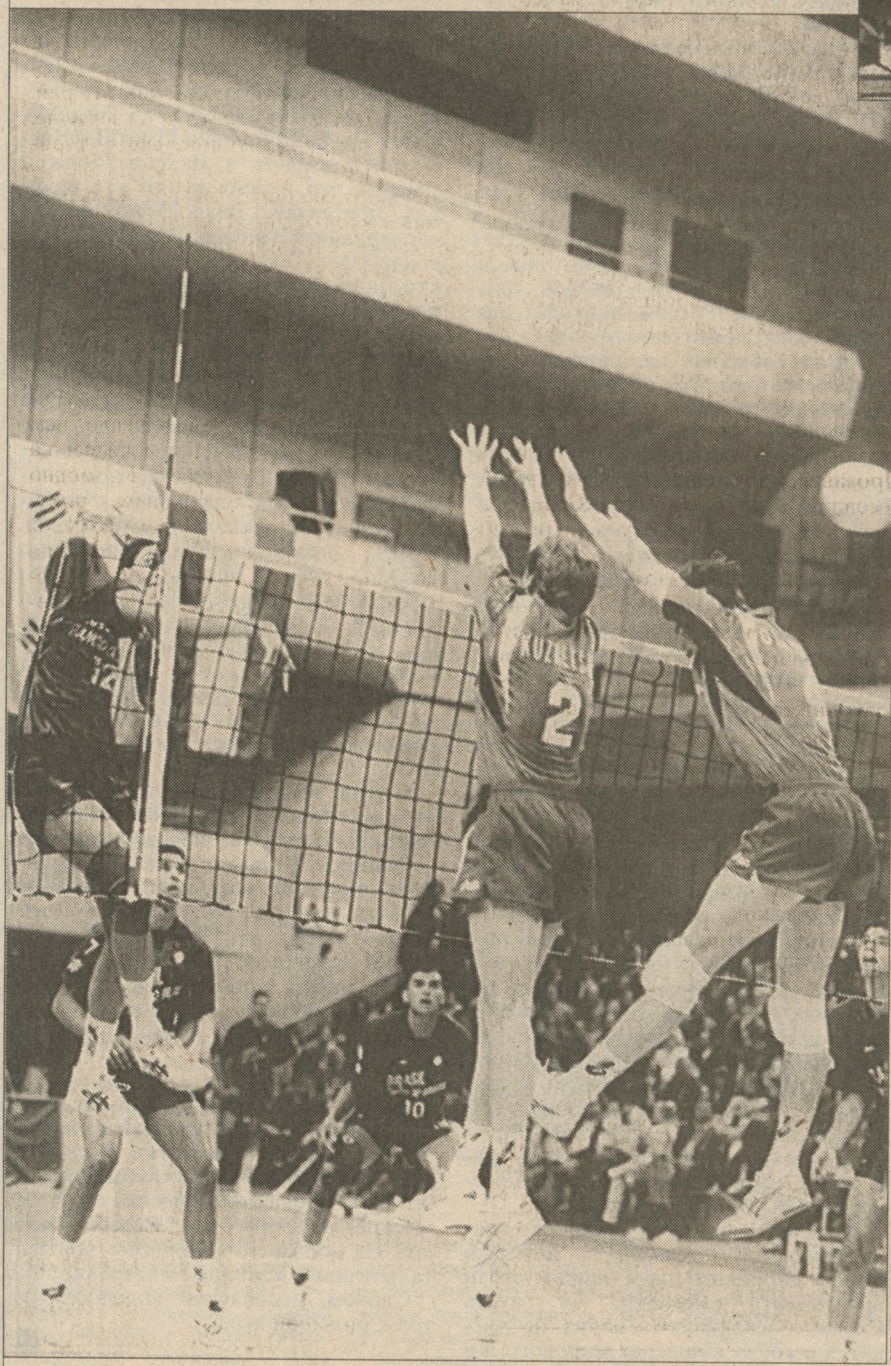

Еще все впереди

В отличие от всех видов спорта в российском волейболе сегодня дела обстоят не так уж плохо. Есть, конечно, и проблемы, и трудности. О них и идет речь в беседе журналиста Виктора ПУГАЧЕВА с главным тренером волейбольной сборной России Виктором РАДИНЫМ. Но сначала небольшой экскурс в историю.

ИТАР-ТАСС

ИТАР-ТАСС

Конец военной диктатуры

Долгое время, как известно, весь волейбол СССР работал на команду ЦСКА. Ведь стоило только армейскому начальству углядеть где-либо талантливого игрока — в каком бы клубе тот ни играл, в каком бы городе ни жил, — в считанные дни он оказывался в Москве. Квартиры, машины, высокие ставки — наш пресловутый «любительский» спорт в ЦСКА тогда оплачивался очень неплохо. А если посулы не помогали, то действовал прямой диктат.

Суперклубу ЦСКА не было конкурентов, пока... Пока исподволь не набрал силу ленинградский «Автомобилист». И если прежде ответ на вопрос: «Кто станет чемпионом?» — не вызывал затруднений, то теперь армейскому клубу приходилось все время оглядываться на берега Невы. Наставник ленинградской команды Вячеслав Платонов не скрывал своих амбиций и успешно претворял их в жизнь.

Его тренерский талант нельзя было не заметить. И хотя человек он был несговорчивый, ершистый, нашему волейбольному начальству пришлось посчитать с его авторитетом. В конечном итоге он возглавил, как тогда было принято выражаться, главную команду страны — сборную СССР. Под руководством В.Платонова наша волейбольная сборная познала немало радостей побед — была олимпийским чемпионом, выигрывала первенство мира...

Но вот спортивную общественность потрясла весть: знаменитый тренер, о котором написаны книжки, которого называли великим, под стать которому руководить любым из лучших волейбольных клубов мира, уезжает вдруг в Финляндию — страну, отнюдь не волейбольную.

Платонов — человек скрытный и не очень-то делился соображениями-

ми, заставившими его поехать в страну Суоми. Правда, там он стал вскоре тренировать не только свой скромный клуб, но и сборную Финляндии. Но для него и это не такая уж честь: финны никогда не добивались сколько-нибудь заметных мест в мировой волейбольной табели о рангах, и едва ли в обозримом будущем у них есть перспектива войти в число грандов мирового волейбола. Не совсем понятно, почему В.Платонов после звездных высот пошел работать с аутсайдерами, но свою судьбу, в конце концов, каждый выбирает сам.

Что интересно: почти в точности по стопам Платонова пошел и другой выдающийся наш волейбольный тренер, а раньше и знаменитый игрок — Владимир Кондра. После вроде бы грандиозных замыслов в отношении своего клуба ЦСКА и сборной страны Кондра уезжает вдруг в Грецию, в Пирей, чтобы работать тренером в «Олимпиакосе».

Вот так и оказалась главная волейбольная команда тогда еще СССР «обезглавленной».

Новые люди в новые времена

Огляделось «окрест» наше волейбольное руководство и остановило свой выбор на скромном, вроде ничем до того не выделявшемся, Викторе Радине. Правда, был он титулован — заслуженный тренер России. Но никакого величия, по сравнению с предшественниками, в нем не заметишь, разве что почти баскетбольный рост и этакая солидность, граничащая с суровостью. Немногословный, неулыбчивый человек.

Долгое время Радин тренировал динамовцев Подмосковья, потом — Москвы. Никогда не выпячивался, хотя ходили его подопечные и в призерах чемпионатов страны, и в европейских Кубках выступали неплохо. Радин умеет руководить людьми. Вот, скажем, второй тренер сборной России — Юрий Фураев. Занимался, и не без успеха, практической тренерской работой, но куда больше мы привыкли видеть его на месте волейбольного функционера. А в Сан-Паулу этот тренерский тандем — Радин и Фураев — сработал отлично. Впервые в истории Мировой лиги Россия сумела добыть второе место, а с ним и приз в 300 тысяч долларов. Достижение беспрецедентное, если учесть, что позади наших остались такие асы мирового волейбола, как сборные Италии, США, Голландии.

Без конкуренции нет мастерства (рассказывает Виктор Радин)

— Как-то в печати знаменитый Николай Карполь, наставник екатеринбургской «Уралочки» и главный тренер женской сборной России, сетовал на то, что обеднел наш жен-

ский волейбол талантами, что в высшей лиге (ее теперь называют суперлигой) выступают всего шесть клубов, да и то три из них уральские. Выходит, вся остальная Россия в состоянии выставить в суперлигу всего лишь три команды. А если говорить прямо, то вообще никакая команда по мастерству сегодня к «Уралочке» и приблизиться не может. И если бы Карполь участвовал только в соревнованиях внутри страны, то его команда — при полном отсутствии конкуренции — давно дисквалифицировалась бы. Волейболисткой «Уралочки» вырывает международный календарь, огромное количество матчей с лучшими зарубежными командами.

В высшей лиге бывшего СССР российских команд выступало тоже всего лишь шесть. Когда не стало СССР, мы как бы «перевели» союзный чемпионат в российский. Добавили к командам высшей лиги еще шесть команд — из первой лиги. Смущало лишь одно: не очень ли у тех и других разный уровень мастерства? Но ничего, «младшие» потянулись за «старшими». Вот уже второй чемпионат новой России проходит понастоящему на высоком уровне.

Это о событиях на площадке. Но волновало и то, что происходило вне ее. Непросто было, допустим, приспособиться к новым условиям — рыночным отношениям, которые очень быстро проникли в спорт. Больше всего мы опасались за резерв для команд мастеров — детско-юношеские спортшколы. Они ведь лишились прежних дотаций. Но и сориентировались они довольно быстро. За выпускников, попавших в команды мастеров, эти команды теперь платят. Пусть и не такие уж большие деньги, но платят. А это жизненно необходимо школам.

На сцену выступает и спонсорство. Впрочем, сами клубы тоже научились зарабатывать деньги. Взять, к примеру, «Белогорье» из Белгорода. Он сумел выкупить спортивный дворец, развернуть сеть магазинов, автостоянок, создал новую детско-юношескую спортшколу, да какую! — до четырехсот начинающих волейболистов занимаются в ней. И в самой команде (она в этом сезоне поменяла название на «Локомотив») сразу стал заметен прогресс в игре. Совершенно очевидно, что к Москве, Санкт-Петербургу, подмосковному Одинцово — с их именитыми командами — добавился еще один волейбольный центр. Белгородцы даже выступили спонсорами одной из поездок нашей сборной в Японию.

Встречи с японцами стали уже традиционными. Обмен визитами между сборными двух наших стран происходит ежегодно. И пусть Страна восходящего солнца не числится сегодня в лидерах мирового во-

лейбола, но как-никак на Олимпиаде в Барселоне она была шестой. В этих встречах, кстати сказать, в сборной России раскрылось немало новых талантов.

Мы готовы к большой игре (Виктор Радин)

— Конечно, тон в игре задают сегодня наши «итальянцы». Это — Андрей Кузнецов и Руслан Олихвер. Ребята играли в сильной команде — римской «Лацио». Да вдруг этот клуб стал жертвой экономического кризиса, едва не обанкротился. Андрею пришлось уехать в Бари. А Руслан играет теперь в Модене — в известном клубе «Панини», где выступает в компании с Гардини и нашим Александром Шадчиным.

Лидер нашей сборной — Женя Фомин на протяжении уже стольких лет играет за «Мессаджери» из Равенны. Наши Павел Шишкин и Олег Шатунов — тоже играют в Италии. Должен сказать, что у меня к ним нет никаких претензий. Видно, что ребята «поварились» в профессиональном волейболе. Там ведь выживает тот, кто постоянно показывает высокие результаты.

Вот только сборы наши «итальянцы» переносят нелегко. Мы от этих клятых-переклятых сборов отказаться пока не можем — лишь на базе в Новогорске сборная получает нужную подготовку. На Апеннинских игроки привыкли жить по домам — в любой период подготовки к любому турниру. Высокая ответственность, необходимость постоянно держать себя в форме — все это «итальянцы» приобрели и надежно усвоили в профессиональных клубах. И их пребывание на сборах необходимо скорее мне, чем им (да простят они мне эгоизм!). Ведь ребята из России смотрят на них и, понятное дело, подражают. Тянутся за ними.

Короче говоря, рановато поспешили некоторые зарубежные спецы выключить нас из лидеров мирового волейбола. Дескать, русским не до игры, там у них все только и смотрят — куда бы сбежать. Наши асы известны на весь мир. Не случайно Фомин в Бразилии получил сразу два приза: лучшего нападающего и лучшего подающего Мировой лиги. А Олег Шатунов был признан лучшим блокирующим.

А посмотрите на «новую волну» тренеров! Знаменитый бомбардир Александр Саввин принял команду первой лиги «Рассвет». Гордость МГТУ, Юрий Нечушкин, успешно работает с командой своего же клуба. В «Искре» из Одинцово — Сергей Цветков. На мое место в «Динамо» пришел талантливый Евгений Бондаренко...

Словом, российский волейбол готов к большой игре.

Кенийские женщины против рекламы «Пежо»

Бурю возмущения со стороны прекрасной половины населения Кении неожиданно вызвала очередная рекламная кампания фирмы «Маршаллз Лтд», торгующей здесь автомобилями марки «Пежо». С начала июня она активно продвигает на кенийский рынок новую модификацию «Пежо-405», размещая рекламу в центральных газетах, на радио и телевидении.

«Проклолосись» бизнесмены на газете «Дейли нейшл». Целую полосу занял в ней рекламный плакат, на котором изображена сидящая на диване обаятельная девушка

в купальнике и очках с фужером в руке. Она загадочно улыбается читателям, держа при этом за руку не уместившегося на газетной полосе мужчину. Правда, и новинке автомобильстроителей создатель этой рекламы уделил не слишком много места.

Зато довольно броско помещены на фоне частей женского тела строки из рекламного проспекта — «усиленная подвеска», «увеличенный радиатор», «три года бесплатного обслуживания», «гарантия на год».

«Оскорбительной, возму-

тительной, аморальной, унижающей достоинство женщины» назвали эту рекламу «Маршаллз» участницы состоявшегося в Найроби заседания специальной группы по пересмотру законов, касающихся положения женщин. Конечно, можно поспорить с адвокатом Лилиан Мваура, которая утверждает, что «никак нельзя увязывать женщину и автомашину». Однако очевидно, что рекламодатель «хватил через край».

«Эта реклама символична, ее не следует понимать буквально, — вынужден был заявить в этой связи представитель «Маршаллз». — Ни одна из надписей на ней не имеет ни малейшего отношения к женскому телу».

Сигаретным дымом — по наркоману

На свой лад перефразировали китайские медики знаменитый афоризм Оскара Уайльда: «самый простой способ избегнуть соблазна — поддаться ему». Выбрав из двух зол меньшее, наркологи из Сианя, административного центра северо-западной провинции Шэньси, изобрели чудо-сигары, с помощью которых наркоманы легко и просто избавляются от пагубного пристрастия.

Наркоманам, утверждают эксперты, достаточно выкуривать всего по 2—4 лечебных сигары в день, чтобы уже через неделю навсегда забросить шприц, начав новую жизнь, или, по крайней

мере, резко сократить употребление смертоносной отравы. КПД новой терапии под условным названием «клин клином», опробованной в 20 клиниках и реабилитационных центрах Китая, превысил 90 процентов. Самое удивительное, что сигары снимают многие болевые синдромы, характерные для мучительного периода «ломки», который наступает при отвыкании от наркотиков.

Чудодейственные сигары изготавливают из обычного табака, предварительно вымочив в экстракте из 17 целебных трав. Изобретатели претендуют на сенсацию не только в наркологии, но и в области курения, утверждая, что их детище безвредно и безопасно для курильщиков.

103-летний «отец года» Камбер-деде

103-летний дедушка Камбер Танийели из южной провинции Измир избран в Турции «отцом года». Как отмечает турецкая печать, столь почетное звание ему присвоено «за здоровый образ жизни».

Родившийся в прошлом веке Камбер-деде, как зовут его близкие, утверждает, что своим долголетием он обязан только айрану — кисломолочному напитку из овечьего или козьего молока. Других секретов у меня нет, говорит он журналистам.

Курить Камбер Танийели бросил 30 лет назад, четверть века уже не пьет ничего

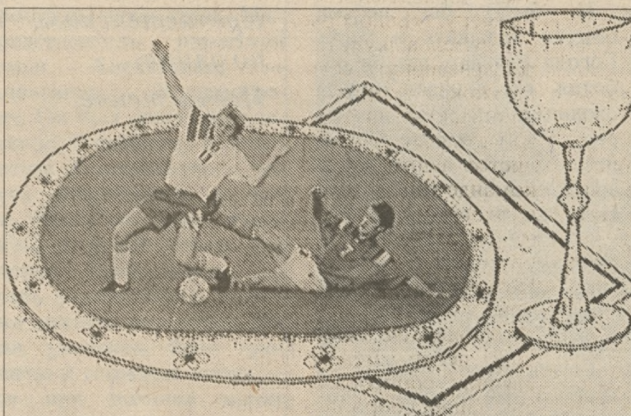
алкогольного. Семейство у него довольно большое — шесть детей и 35 внуков. К сожалению, он рано потерял свою любимую жену — когда ему было всего лишь 75 лет. Перед смертью она напорошила дедушке Камберу, что он доживет до 116 лет. Так что у него до встречи с ней есть еще целая «чертова дюжина».

Самым большим сюрпризом для Камбер-деде было то, что ему по случаю избрания «отцом года» подарили целую четверть айрана — трехлитровую бутылку. Поблагодарив за внимание, 103-летний Камбер Танийели сказал: «Спасибо, но мне этого надолго не хватит».

Спецменю для футбольных фанатов

Баджио, Ромарио, Марадона — в подавляющем большинстве стран этих и многих других футбольных «звезд» можно встретить сегодня на страницах газет, услышать в радиорепортажах с чемпионата мира по футболу, а их самих увидеть по телевизору.

А вот в столице Замбии, страны, далеко не такой футбольной, как Бразилия или Италия, имена и фамилии лучших футболистов мира можно встретить еще и в... ресторанном меню. В дни мирового чемпионата повара единственной в Лусаке пятизвездочной гостиницы «Па-

АЛЕКСАНДР ЗАЙЦ

модзи» предложили посетителям широкий выбор блюд, на создание которых их вдохновили происходящие в США футбольные баталии.

В зависимости от прист-

растий и аппетита болельщики, изрядно изголодавшиеся за время обильных телетрансляций, могут заказать «Дриблинг Роже Милль», «Угловой удар Роберто Бад-

жио», «Великолепный гол Рашиди Йекини».

Пережить поражение любимой команды помогут сногшибательные коктейли «Ломовой удар Кумана» и «Штормовой прорыв Климана». Тем, кто соблюдает более строгий «спортивный режим», рекомендуются напитки меньшей убойной силы: «Финты Диего Марадоны», «Кружева Ромарио». Ну а для прекрасной половины человечества приготовлено нечто особое и романтическое, вроде «Поцелуя Бебето».

На все время чемпионата ресторан ввел для болельщиков большие скидки, и, судя по тому, что место там нужно заказывать за несколько дней, недостатка в клиентах он явно не испытывает.

Алексей
МИТРОФАНОВ

Рекреация Николая Васильевича

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВА

На первый взгляд, парадоксально: Николай Васильевич здесь никогда не жил. Он жил неподалеку, на Никитском. Здесь же всего лишь прогуливался.

Однако никакого парадокса нет. Ведь бульвары создаются именно для отдыха. Для вальяжных, неспешных прогулок среди деревьев и прекрасных дам. Здесь даже не дома, а дома — высокопарные, отнюдь не будничного вида.

И было бы весьма обидно называть в честь Гоголя бульвар, где он работал, где страдал, с ума сходил и жег свои шедевры. Пусть лучше Гоголевским станет тот отрезок полукольца, где Николай Васильевич бездельничал, крылаткой щеголял, шалил и подмигивал дамам.

Впрочем, он бездельничал не только здесь.

Гоголевский бульвар — терраса Бульварного полукольца. Некогда тут было городское укрепление — ров, вал и стена. Но со временем та крепость обветшала, да и смысл в ней отпал. Она

*Гоголевский
бульвар
назван так в
1924 году в честь,
как нетрудно
догадаться,
Гоголя. До этого
он был
Пречистенским,
по улице
Пречистенке.*

смотрелась глупо и неэстетично. И тогда, по завещанию Екатерины Великой, ров засыпали, вал уничтожили, стену сломали. И разбили вместо крепости кольцо бульваров, по западному образцу.

Впрочем, прошло немало времени, прежде чем с освободившегося места выгнали всех негодяев, что осмелились построить тут себе дома. Сейчас такое тоже практикуется и называется самозахватом.

Начинается бульвар торжественно, с арки метро «Кропоткинская» (бывш. «Дворец Советов»). Собственно, на месте церкви Сошествия Святого Духа, стоявшей тут, пока ее не разобрали, хотели выстроить «Фонтан национальностей» работы Веры Мухиной. Вход же на станцию устроить в самом Дворце. Но поскольку тот Дворец строительством задерживался, а метро вели на редкость быстро, вход пришлось сооружать отдельно.

Он заодно стал аркой, открывающей Бульварное полукольцо.

Прогулка по бульвару — неполноценная экскурсия. Домов почти не видно. Их заслоняют деревья. Словно заботясь о том, чтобы гуляющих не отвлекали от своих приятных мыслей разнообразные фасады, вывески и обитатели роскошных зданий. Лишь кое-где просматриваются куски фасадов — то дверь, то балкон, то колонна. И лишь зануды-краеведы мечутся из стороны в сторону, перебегают проезды, рискуя попасть под машины, сверкая очками, беззастенчиво пялятся на чужое жилье.

Но та беззастенчивость — святая.

Особенно заманчив для подобного разглядывания дом номер 7 — затейливый, загадочный, закрытый к тому же высоким зеленым забором — так, что видно лишь его верхушку. Раньше тут жили известнейшие архитекторы — Леонидов, Буров, Барц, а также композитор Александров. Что за счастливыцы обитают в нем сейчас?

Напротив — дом не менее роскошный. Но с ним все ясно. Вывеска: «Российский фонд культуры». И криво, краской: «Ленин» — рядышком с помойкой. Здесь жил Павел Рыбушинский — тот самый, призывавший «задушить революцию костлявой рукой голода». У него проводились известные некогда «экономические беседы», по замыслу объединявшие науку и промышленность. «Правда, науки были представлены не очень многочисленно, но «промышленности» было много, хотя приглашали с разбором...» — писал участник тех «бесед» Бурышкин.

Революцию так и не задушили. Больше того, по иронии истории в 1918 году в особняке обосновался Революционный трибунал, следом за ним — Военная прокуратура, и дальше в том же духе.

И только в 1987 году здесь разместился Фонд

культуры, тогда еще советский. Что лишний раз подчеркивает неотделимость этой девушки культуры от тетушки политики и дяди приговора.

Рядом с ним — построенный на месте Церкви Ржевской Божьей Матери комплекс-коммуна (автор — Барц). Всего три корпуса — для одиноких, для семейных и общественный, объединяющий столовую и клуб. Квартиры были двухэтажные, окна — раздвижные, на крыше — солярий... Столовая же призывала женщин раскрепоститься и вместо стояния у плиты читать газеты в клубе.

Но женщины раскрепоститься не сумели, солярий запаршивел, и его закрыли. Не прижились идеи новых беспокойных архитекторов на почтеннейшем бульваре. Со временем в том комплексе обосновался выставочный зал фотографов. А недавно там открыли ресторан с названием немного лживым — «Репортер». Увы, я знаю очень многих репортеров, но ни у одного из них нет денег на подобные излишества. Подозреваю: репортер в том ресторане — редкость.

Как и шахматист — в роскошном ресторане шахматного клуба.

Трогательное чудачество, некое «чайничество» — крест этого дома. Еще в прошлом веке здесь жил представитель известной семьи Алексеевых — Александр Владимирович. Он был женат на красавице Елизавете, в девичестве Бостанжогло. Супруга властвовала в доме, была не дура изменить, а тихий Саша все терпел. Одна лишь радость у него была — любил считать на счетах. Делил, умножал, брал проценты и сложные корни — все при помощи одних лишь счетов.

И то, что в 1956 году здесь поместили Центральный шахматный клуб СССР, отнюдь не удивительно. Уместно и

наивное стихотворение, написанное неким Ильиным: «Как маяк // дом 14 светится, // всех на шахматный берег маня. // Не случайно Большая // Медведица // Здесь похожа на ход коня!»

И даже упомянутый кабак, как говорят маститые искусствоведы, «несет на себе печать умеренного хулиганства». В архитектурном смысле, разумеется.

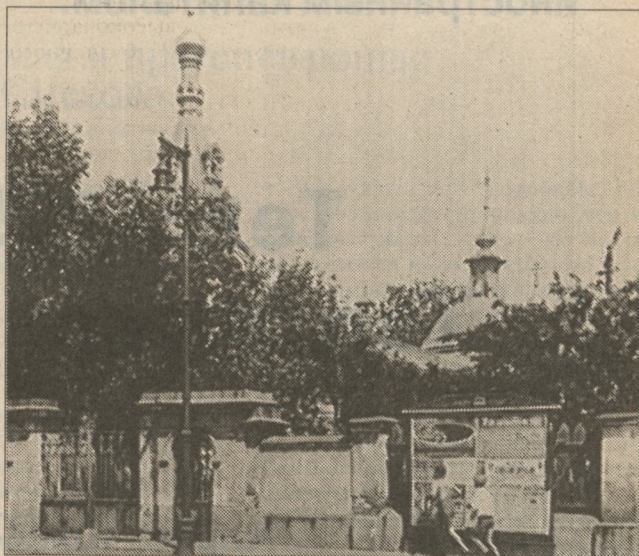
А между двух ресторанов стоит дом номер десять, где жил управляющий Удельной конторой И. Маслов. А у него частенько останавливался Иван Тургенев. Художник Репин вспоминал, что «И.И. Маслов был в Москве для Тургенева даровая квартира, где его обожали. И во время своей подагры, которую непременно Тургенев заболел в Москве, он там, в квартире И.И. Маслова, завернувшись пледом ноги, вылеживал свой срок, принимая всю образованную и боготворящую его интеллигентную Москву».

И весь его образ — Баден-Баден и литература, благородная подагра и Полина Виардо — упрек посетителям тех ресторанов.

А также дому 31, где в

начале двадцатого века размещалось символистское издательство «Мусагет». Вряд ли вальжанный создатель «Му-му» одобрил бы господ — то ли писателей, то ли ученых, которые сидели в маленьком домишке и обменивались непонятными словами. «На лекциях «Мусагета», честно говоря, я ничего не слушала, потому что ничего не понимала, а может быть и не понимала, потому что ничего не слушала, — признавалась Марина Цветаева. — Только Удельной конторой И. Маслова: гносеология и гностики, значения которых не понимала и, отвращенная носовым звучанием которых никогда не спросила. В гимназии — геометрия, в «Мусагете» — гносеология».

А напротив — сидит древняя старуха и высохшими пальцами качает сигарету. Она, наверное, ровесница Цветаевой. И может быть, курит она со времен «Мусагета», куда ходила в юности и где встречала Белого и Эллиса. Курящие дамы тогда были в моде, и тонкая папироска меж прозрачных пальцев делала милую барышню таинственной и еще более влекущей.

Церковь Ржевской Божьей Матери, 1928 год
Снесена в 1929 году, на этом месте построен дом № 8
Фото из собрания М.Струкова

Юридическое агентство
«СОКОЛОВ»

Предлагает:

- 1. Содействие в РЕГИСТРАЦИИ РЕЛИГИОЗНЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (фондов, союзов, ассоциаций).**
- 2. Помощь в ЛИЦЕНЗИРОВАНИИ СТРАХОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.**
- 3. Правовая поддержка коммерческих структур, принимающих денежные вклады от юридических и физических лиц.**
- 4. Консультации по международному праву и налогообложению.**
- 5. Помощь в создании и регистрации совместных предприятий, а также предприятий со 100-процентным иностранным капиталом.**

Тел.: 275-90-72

Тел./факс: 274-16-70

**Адрес: 109044, Москва,
ул. Мельникова, д. 7, д/к «Московский подшипник»**

Женщина дня

Шикарная, независимая и преуспевающая
Алика Смехова

У того, кто ее знает, это утверждение сомнений не вызовет. Но, увы, знают ее немногие, поскольку сниматься Алика начала как раз тогда, когда отечественное кино практически перестали показывать. Так что ее красоту и яркость настоящему смогли оценить разве только сами киношники, которые иногда еще видят фильмы друг друга. Между тем дочь знаменитого Вениамина Смехова, выпускница ГИТИСа, Алика снялась более чем в двух десятках фильмов, среди которых были и весьма заметные: «Клещ», «Катафалк», «Закат», «Кикс», «Счастливого рождества в Париже», «Мечты идиота». А самый известный и лучший фильм, где она сыграла

главную роль, авторы не случайно назвали «Женщина дня», вставив в это название все эпитеты, сравнения и определения, характеризующие не только героиню, но и актрису.

Когда она открыто заявляет, что предпочитает богатых мужчин, то вовсе не кривит душой. Кто ж их не любит! Вопрос в другом: чего больше в этих признаниях — искренности или желания опередить злые языки, эпатировать публику, создать себе имидж женщины независимой и преуспевающей? Но об этом пусть скажет сама Алика.

— А что, разве кто-то предпочитает бедных? Это ханжество. И только большая российская жизнь вынужда-

ет нас обсуждать подобные проблемы. Я никогда не поверю, что кто-то захочет жить с любимым «в шалаше», ютиться в одной комнате с детьми и мамой, терпеть соседей за картонной стеной. Просто есть женщины, которым не приходится выбирать. Их можно пожалеть, но стремиться надо к лучшему. Во всем мире это не считается позорным. Наоборот, позорно жить в нищете. А вот каким образом вы разбогатеете — дело вашей морали и совести.

— Из твоих слов следует, что любовь и богатство вместе не уживаются. Или — или. Так на чем же строятся твои отношения с мужчинами — на выгоде или любви?

— Ты не права. Я обязательно долж-

на быть влюблена в того, кого выбрала. Ну, по крайней мере, он должен мне нравиться. При этом он обязательно должен быть личностью. А если он к тому же и богат, тогда просто замечательно. Я сильный человек, но с мужчиной хочу ощущать себя слабой, чувствовать, что он способен на большее, чем я.

— **Значит, если ты все-таки влюбишься в простого советского инженера, то и «в шалаше» будешь наслаждаться раем?**

— К сожалению, долго такие отношения не протянутся, хотя дело вовсе не в материальном благополучии. Мне искренне жаль, что наши мужчины вынуждены были владеть столь жалкое существование, мне часто бывало за них неловко, ведь щедрее и заботливее русских мужчин на свете нет. Но наряду с щедростью в них присутствует еще одно качество — лень. Сейчас появилась масса возможностей заработать деньги, и раз мужчина этого не делает, значит, одно из трех — ему не хватает либо мозгов, либо сил, либо желания.

— **Неудачи, переживания, разочарования часто случаются в жизни роковой женщины?**

— Знаешь, я бы не хотела, чтобы на мне висел ярлык «роковой женщины», приклеенный кино. Хотя иногда могу выкинуть такое, о чем потом жалею. Всякое в жизни бывало. Был, например, ранний брак. Я вышла замуж в 18 лет. По большой любви, прожила с мужем 6 лет. Вышла не за деньги, не за блага, а за молоденького мальчика, начинающего драматурга, который ничего в то время не имел, кроме любви ко мне и таланта. Кстати, когда я развелась с Сергеем Ливневым, он уже был и сценаристом «Ассы», и режиссером «Кикса», и генпродюсером фирмы «ТТЛ». К тому времени у меня тоже было большое количество картин, и я очень благодарна ему. Он помог мне сформироваться как актрисе и привил любовь к кино. Мы и сейчас очень дружим. Когда мы развелись, у меня был шумный роман с Денисом Евстигнеевым. После процедуры развода мы с Сергеем пошли в ресторан Дома кино, а там к нам присоединился Денис. Мы сидели втроем, выпивали, закусывали, и Сережа давал Денису «инструкции», как бережно надо со мной обращаться. Сережа очень умный человек, и лучше было бы прислушаться к его советам.

— **Твоим именем названа героиня «Ассы», но в режиссерском дебюте Сергея Ливнева — «Киксе» — ты сыграла всего лишь крошечный эпизод. Да и в новой его картине, которую он сейчас заканчивает,**

не участвуешь. Почему?

— В новой картине речь идет о русской деревне, а на роль трактористки я, как ты понимаешь, не гожусь. Что же касается «Кикса», то, по мнению Сережи, я была слишком молода для главной роли.

— **А как тебе работало с Василием Пичулом в «Мечтах идиота»?**

— Прекрасно. На площадке он тиран. Тиран в хорошем смысле этого слова. Работа с ним заполняла всю жизнь.

— **«Мечты идиота» критикой были восприняты негативно. А для тебя роль Зоси Синицкой — провал или успех?**

— Мне кажется, я попробовала открыть в себе какую-то новую грань. Во всяком случае, впервые сыграла характерную роль на уровне гротеска. Мне это страшно понравилось. Я считаю «Мечты идиота» произведением искусства и, честно говоря, питала надежду, что после этой работы произойдет всплеск в моей карьере, мне будут предлагать качественно иные роли.

— **Этого не произошло?**

— К сожалению, нет.

— **Много ли времени уходит у тебя на светскую жизнь?**

— Очень много. А предпочитаю места, где собираются люди моего круга. Их в Москве не так уж много: Дом кино, «Белый таракан», галерея «Арт Пикчерс», то есть места, где меня все знают и где я знаю всех. Это не только приятно, но и безопасно.

— **Ты думаешь о новом замужестве?**

— Думаю, но не потому, что есть конкретный человек, за которого хочу выйти. Просто как любая женщина хочу родить детей, создать семью. Наверное, уже имея опыт семейной жизни, это будет сделать сложнее — я стала чересчур требовательной, да и не встретила пока человека, которого любила бы больше, чем когда-то своего мужа.

— **А ты ревнива?**

— Не то слово — могу убить.

— **А к чужим успехам, красоте, счастью тоже ревнуешь?**

— Этому я всегда радуюсь. Люблю красивых людей, люблю, когда кто-то достигает успеха. Это значительно приятнее, нежели видеть, вокруг себя изможденные лица и жалкое существование. Я вообще считаю, что люди должны сами вырабатывать положительные эмоции.

— **У тебя есть близкие подруги?**

— Жизнь отфильтровывает людей, и друзей остается не так уж много. Одна моя близкая подруга живет в другой стране. Это очень грустно, потому что мы дружим с детства, она мне как сестра. У нас интересное сочетание фамилий: я — Смехова, а она — Плаксина. На том и стоим. Есть еще одна, в Москве, Нинос, с которой я могу обсудить все — от пуговицы на платье до «жить или не жить». Редко так бывает, когда с женщиной можно говорить не только о женском. А вообще предпочитаю дружить с мужчинами, только действительно дружить, а не ощущать разницу полов. Когда-то, в детстве, я сама была похожа на мальчишку — такой дистрофик-хулиган с вечно разбитыми коленками. В общественном транспорте меня только мальчиком и называли. Как-то мы отдыхали с родителями в Крыму, в Доме творчества, там было много детей знаменитых родителей, но меня все сторонились. Единственный мальчик, который меня жалел и защищал, был Антоша Табаков.

— **Да, просто какая-то душераздирающая история про бедного дистрофика-хулигана. А комплекса неполноценности у этого дистрофика не было?**

— Еще какой, особенно в юности. У меня было очень позднее развитие, и когда все девочки становились девчушками, я все еще оставалась «мальчишкой». Меня даже многие дразнили «плоскодонкой». Теперь, правда, при встречах отводят глаза. И есть отчего смущаться! Говорят, на одном кинофестивале в Индии мне присудили звание «Мисс Бюст». Но когда-то, в школе, это была просто трагедия. Мне очень нравился тогда Степа Михалков, и вот как-то

перед дискотекой я взяла лифчик своей сестры, набила его ватой и только после этого смогла спокойно танцевать со Степой медленный танец.

— **Как же ты избавилась от своего комплекса?**

— Очень просто, могу даже дать совет девочкам: не нужно делать никаких операций, нужно есть много капусты. А еще кормовой свеклы, потому что в то лето, когда во мне все изменилось, я была в трудовом лагере на прополке кормовой свеклы. За каждый прополотый метр платили приличные деньги. Боже мой! Сколько же я прополочила! А было жарко и голодно. И я ела сырую свеклу и капусту, чтобы утолить жажду и голод. Так что — все на уборку урожая!

— **Твоя сегодняшняя жизнь как-то не вяжется с сельскохозяйственными работами. Можешь ли ты сравнить свой уровень жизни с уровнем жизни западной звезды?**

— Это невозможно. Я нищая по западным меркам, но довольно обеспечена по нашим. Не могу сказать, что купаюсь в роскоши, но у меня есть все необходимое для жизни. Я часто езжу за границу, у меня есть своя машина — «Нива».

— **А чего ты не можешь себе позволить?**

— Купить квартиру, потому что таких денег у меня нет. Это очень омрачает жизнь, так как я живу с мамой, а в моем возрасте уже нужно иметь свой дом.

— **У тебя есть хобби?**

— Я помешана на чистоте. Это просто какая-то мания порядка. Мне приходится много ездить, но, где бы я ни находилась, начинаю обживать и приводить в порядок новые места, так что самый скромный гостиничный номер превращается в маленькую уютную квартирку.

— **Честно говоря, не могу представить тебя с тряпкой и веником, моющей пол или чистящей картошку.**

— И не представляй!

— **Но кто-то же ведет у вас домашнее хозяйство?**

— Ни горничных, ни домработниц у нас нет. Да и хозяйства-то никакого нет — холодильник всегда пустой.

— **Я знаю, что ты очень следишь за собой и уделяешь этому массу времени...**

— Известно: как ты будешь любить свое тело, так его будут любить и другие. Я, быть может, не очень люблю саму себя, но тело свое люблю очень, хожу в спортзал и лелею. Каждый день хожу в спортивный клуб, занимаюсь шейпингом и бодибилдингом. Плаваю, загораю, делаю массаж. Посещаю косметический салон. Правда, очень

АЛЕКСАНДР ТЯТНИ-РЯДНО

люблю вкусно поесть.

— **Вернемся к твоей профессии. У тебя 25 картин, 10 главных ролей. И все-таки ты, кажется, не удовлетворена своей карьерой. Почему?**

— Я не удовлетворена главным образом тем, что мне предлагают. Роковых женщин больше играть не могу — надоело. Так надоело, что с удовольствием сыграла бы какую-

нибудь уродину. А если серьезно, то жду настоящей трагической роли. За то время, что я сидела без работы, произошло накопление внутренних сил. Я чувствую, что могла бы сейчас сыграть все, вплоть до греческой трагедии.

Ольга ШУМЯЦКАЯ

Мы не мыши, мыши не мы?

«Певица Жозефина
и мышиный народ»
К/ст. им. А.Довженко,
«Иннова фильм», (Германия)
реж. С.Маслобойщиков

Кафка — наше все, если посмотреть с кинематографической точки зрения. То есть смурные и вязкие его тексты поддаются самым разнообразным экранным интерпретациям. Например, Алексей Балабанов сделал недавно из «Замка» притчу (чрезмерно, надо сказать, нудную и громоздкую), а между тем можно выудить из романа Кафки и детектив, и фильм ужасов, и даже комедию водевильного толка. А уж мрачную пародию на тоталитаризм — тем более. Последний вариант толкования просто-таки напрашивался, казалось бы, для Сергея Маслобойщикова, который в основу своей картины положил «Певицу Жозефину...» и «Голодаря». Еще бы: кто как не мы являемся истинно мышиным народцем, а, допустим, Любовь Орлова — ну чем не Жозефина? Присобачить сталинский френчик да пару буденовок, ввести в фонограмму «Марш энтузиастов» — и не придерешься. Другое дело, что лет пять назад мы такой сатире искренне бы порадовались, а ныне нас от нее не менее искренне затосило бы. Бог милывал: Маслобойщиков по этому пути не пошел. Он создал странный мирок, обитатели которого вовлечены в карнавал именно мышиной суеты. Пестрая копошащаяся людская масса, из гущи которой выныривают на минуту-другую отдельные лица, несущие ту или иную околесицу. Однако из разрозненной этой лабуды складывается коллективный портрет общества, может быть жалкого, но, безусловно, имеющего право на существование. Из «Певицы Жозефины...» можно извлечь и многие другие смыслы, но мне, однако, показался особенно важным именно этот вывод: любой народ, пусть самый мизерабельный, достоин уважения и внимания. Уж больно опротивело тотальное наше самобичевание, выдаваемое

за неотъемлемую черту русского национального характера.

Алексей ЕРОХИН

Феерия без феерии

«Щелкунчик»
Московский театр
балета классической
хореографии

Большой императорский балет, на который свободная Россия, мучительно напрягаясь, держит монополию, закономерно дошел до жанра детских утренников и кремлевских елок. И это не большой порок — для детей ничего не жалко, особенно настоящего искусства. А вот бедность — страшный порок. В смысле: бедность, роскошного искусства, которое по определению быть бедным не может. Она порочит и профессионализм, и красоту. Прелестный шедевр Льва Иванова, рождественская сказка, пересказанная Вайноненом в новоимперские времена «Красного мака» и «Пламени Парижа», не раз отредактированная по принципу вычеркивания непонятных и запрещенных слов, феерия без феерии, снежные хлопья без зимнего леса, дивертисмент сластей не во дворце, а на Марсе, где, возможно, когда-то и будут яблони цвести, но не цветут, вальс снежинок без ангельского детского хора, наконец, вариации Феи Драже без феи — вот звенья цепочки утрат. Ладно, что упало, то пропало, но помнишь-то об этом надо. Ведь ничто: ни то, что потеряно, ни то, что возникло, как спайки, на его месте, — не отрефлектировано. И вот, когда дистанции между сказкой и реальностью, или веком нынешним и веком минувшим, или аrioлomb классических балерин и собственными возможностями не существует, условность либретто становится главной, а музыка и волшебство (танцы в том числе) уходят на второй план. Надоело разочаровываться. Похоже, при нашем климате почти всегда чего-то не хватает: то конституции, то осетрины с хреном, то собственного детства, то чужого мастерства. Но если переходить на язык фуршетов, то ведь и там осетрины второй свежести

быть не должно. А тут — музыка должна заполнить собой театр, сцена сиять, целомудренный сюжет увлекать, балерина должна быть блистательна, полувоздушна, а принц должен быть черным и датским или, как в балете, белым и детским. Эта модальность необходима, и вовсе не в одном трико тут дело.

Ирина ЛЮБАРСКАЯ

Ну и Бог с ним

Выставка Ильи
Глазунова
Манеж

Выставке Ильи Глазунова и студентов его Академии живописи, ваяния и зодчества покровительствуют правительство Москвы, Министерство культуры РФ и Комитет по культуре. На вернисаже присутствовали все положенные официальные лица, а Лужков, говорят, не взял за аренду громадного Центрального выставочного зала ни копейки. Кажется, о Глазунове все давным-давно сказано: слабый рисовальщик, не все в порядке с композицией, однообразен. Но сегодня это не самые главные критерии оценки, «главнее» — жест художника. И этот жест однозначен: все представленные новые полотна (как водится, многофигурные глобалки, и большинство датировано нынешним годом — можно позавидовать плодовитости

и скорописи) сугубо политичны. Сомнений в ориентации они не оставляют. Множество библейских цитат, угрожающих нечестивцам страшным судом, красная звезда, масонский знак и портреты вождей революции («Великий эксперимент»), мальчик, бьющий в барабан с надписью: «Россия — русским», парень с Новым Заветом, автоматом и бляхой на ремне «С нами Бог» («Проснись, Россия»). Может, я ошибаюсь, но, по-моему, все это тянет на призыв к насилию и национальной розни. Впрочем, официальным лицам виднее. Или они не ведают, что творят? Правда, призыв надо обращать к толпам, а они были только на вернисаже, куда пускали бесплатно. В прежние годы вокруг Манежа каждый день вился бы хвост страждущих встречи с понятным «русским» искусством, а сегодня пусто. И первый раз хочется сказать по поводу отсутствия ажиотажа вокруг художественной выставки — это радует. Видимо, основные массы оттекли в другую очередь — на Варшавку, где продают чудодейственные акции МММ. Новый народный герой Леня Голубков мало похож на персонажей полотен Глазунова, а сапоги, шуба, дом в Париже и собака гораздо привлекательнее очередного разрушения до основания даже ради призрачного восстановления. И это правильно, товарищи, и это хорошо.

Г.Г.

Фрагмент
картины
Ильи
Глазунова

Сцена из спектакля «Мое загляденье»

АЛЕКСАНДР ИВАНИШИН («СЕГОДНЯ»)

Новый «Идиот», или Пьеса не о любви

«Мое загляденье»
Театр на Малой Бронной,
реж. А.Хряков

Добрая половина ни с чем не сравнимой радости, которую доставляет художественная удача, содержится еще в замысле. Замысел молодого Артема Хрякова счастлив — оттого и впечатление от его остроумной работы глубоко и ясно. Режиссер взялся за самую странную пьесу А.Арбузова — «Мое загляденье» имеет репутацию неразгаданного произведения. В переводе на театральный это означает ярлык «несценично», и режиссеры почти не прикасались к пасынку автора «Тани», «Сказок старого Арбата», «Старомодной комедии» и «Жестоких игр». Пожалуй, и эти пьесы можно было бы теперь поставить, притом вполне всерьез: «золотые сны» всегда в чести у публики. Но Хряков пронзительно разглядел пьесу, завалившуюся меж арбузовских страниц, как цветок, не для того, чтоб повздыхать о милых, добрых и от природы лишенных низа героях советской мелодрамы. Чуть утрировав в «Моем загляденье» собственные приемы, Арбузов, подобно Зоценко или Платонову, решил пойти за языком персонажей до конца — и язык довел до такого Киева, которого драматург, возможно, и не чаял узреть. Сознательно или нет, Арбузов в 1969 году, почти одновременно с

Аксеновым, раньше Пригова и Петрушевской, заставил своих героев изъясняться на чудовищном волапоке эры новостроек, крушения колониализма и НТР. Мало того, пьеса идет дальше простого пародирования клише советского сознания: причина тому — главный герой, которого Арбузов задумал написать «идеальным». Если вспомнить, кто ставил себе подобную задачу раньше и что у него вышло, станет понятно, почему не только смех, но и некоторую дрожь вызывает пьеса, где все лишь говорят фразами из морального кодекса строителя коммунизма, а один поступает согласно этому кодексу. Поднажми Хряков — и фантазмагория об идиоте, усердно подставляющем левую щеку после каждого удара, который ему с готовностью отвечают по правой, отпугнула бы вялого сегодняшнего зрителя. Но актер В.Яворский, к удовольствию публики, замечательно играет своего Листикова Иванушкой-дурачком; отлично придуманный режиссером «конференс» теледиктора (К.Кравинский), который ходит по сцене вместе со своим ящиком, заставляет хохотать до колик; а мутная авторская неразличимость пронумерованных героинь-Милочек скрывается различным обаянием актрис Ольги Сириной и Татьяны Ошурковой. Шутки, собственные театру, торжествуют над действительностью, по-прежнему мрачной (ибо

не в советской же власти дело, в конце концов). И — перефразируя Набокова — в этом единственное счастье, которое мы можем с тобой разделить, дорогой зритель.

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

Show must go on

«Сеанс», №№ 7,8

Сразу же хочется продолжить предыдущую строку: и так далее. Хочется. Журнал «Сеанс» по рейтингам кинопрессы справедливо считается лучшим отечественным изданием о кино. Скорее всего, он не имеет аналогов, и если это утверждение порождено невежеством, то стыдиться его нечего. Да-да, есть «Кайе дю синема» и наверняка кое-что еще, где к

столом, когда Годар ходил на руках перед Брижит Бардо, когда в летних кинотеатрах под общие рыдания и комариный писк крутили «Любовь в Кашмире», когда магнитофоны «Комета», искра и дымясь, крутили боины с «Битлз», когда по телевизору «Рекорд» крутили патриотическое «мыло» про шпионов, когда Окуджава, Галич, Высоцкий и Солженицын говорили то, о чем сегодня говорить накучило, — как ни странно, эти дети (увы, ура) выросли. И с гораздо более острой, чем можно было ожидать от циников и постмодернистов, ностальгией описывают свой magical mystery tour в эпоху, когда деревья были большими. А сеанс 8-го номера начался еще раньше — 75 лет назад, когда деревья просто были

критической статье относятся как к факту искусства. Тоже искусства. Но мы не в Чикаго, дорогая, да и французский с нижегородским словарем вряд ли отличат стиль одного автора от другого. Журнал на русском языке, что ни говори, имеет массу преимуществ. Например, его можно читать с упоением, как беллетристику. Объемистый объем этому тоже способствует. К тому же в журнале много картинок. Последние номера «Сеанса» окончательно выявили модель издания: каждый show, разыгранный слаженным ансамблем, в котором есть яркие корифеи и отличный кордебалет. Возможно, порой они могут меняться местами. Темой 7-го номера стал сеанс 60-х годов в воспоминаниях младших современников. Как ни странно, те, кто гулял под

другими, мировая революция здравствовала, а «Севзапкино» и вообще все, что сегодня называется скучными словами «отечественное кино», только возникало. Конечно, раз «Сеанс» прописан на «Ленфильме», то «датский» номер надо ждать каждые пять лет. Однако совсем нетрудно различить плоды любви и плоды принуждения. В данном случае — только любовь. Клип-каталог ленфильмовских хитов и героев согласно тиражу доступен лишь пяти тысячам сограждан. Странно, если вспомнить, что один только фильм «Зимняя вишня» посмотрели 32 миллиона человек.

И.И.

Дневник И.

Мистер поет блюз

Впервые в Москве
Рэй Чарльз

Наталья ЛОГИНОВА

Как это будет? Большой негр в черных очках неловко выйдет на сцену, поддерживаемый под руки друзьями. Осторожно двинется к авансцене, остановится, сверкнет улыбкой и — взорвется приветствием зал! Рэй Чарльз! Кумир! Легенда! Живьем! В Москве! Сам! Джазовый король!

Пожалуй, стоило затевать перестройку хотя бы ради этого момента.

...Потом он так же неловко, поддерживаемый под руки, подойдет к роялю и... начнется его настоящая жизнь — свободная, полная неожиданных всплесков радости и отчаяния. Эту жизнь он будет отдавать нам в течение всего концерта, который будет длиться... о, это будет зависеть и от нас, зрителей, — на фестивале в Ньюпорте в 1967 году Рэй Чарльз не уходил со сцены несколько часов.

Удивительно, как этот с трудом передвигающийся слепой человек ревоплощается, стоит ему сесть за рояль. Он становится легким и свободным, он, как дитя, играет со своим голосом — прищелкивает, вздыхает, гикает, охает, взвизгивает, сбивая с толку музыковедов, вот уже много лет безуспешно пытающихся классифицировать голос артиста; то отстаёт от ритма, то, догоняя мелодию, взрывается неожиданными фальцетными всплесками, переходя с рычания на шепот, с рыданий на хохот. И мы рыдаем и хохочем вместе с ним.

Его называют «гением соула». «Соул» в дословном переводе значит «душа». А вот как сам Чарльз объясняет это слово:

— «Соул — это когда песня, которую ты исполняешь, становится частью тебя самого. А еще соул — это когда можешь заставить других взорваться эмоциями, зарыдать или почувствовать себя совершенно счастливыми».

История Рэя Чарльза (настоящее его имя Рэй Чарльз Робинсон) — воплощение классической американской легенды, с верой в которую

живут все бедняки — и белые, и цветные. Он родился 23 сентября 1930 года на юге США, в штате Джорджия, в нищей семье, находившейся на самой низшей ступени социальной лестницы. «Мы на каждого смотрели снизу вверх, — говорил Рэй Чарльз. — Ниже нас была только земля».

Голод, нищета, болезни — и в четыре года мальчик потерял зрение. Рэй Чарльз называет то время «непрерывной полосой отчаяния». Этот стон отчаяния и боли звучит в самой знаменитой его песне «Джорджия в моей памяти», которая, по общему признанию, была и остается вершиной творчества Чарльза.

Когда мальчик подрос, его отправили в государственную школу св. Августины во Флориде для слепых и глухих. А потом он стал бродячим музыкантом. Голодая, прокладывая себе путь на профессиональную сцену. Первый успех пришел к нему в 1948 году, когда он создал негритянскую группу, которая имела спонсорское телешоу в северо-западных регионах Атлантического побережья. Группа называлась «Максон трио».

В 1960 году Рэй Чарльз совершил свое первое триумфальное турне по Европе. И с тех пор повторяет европейское турне по меньшей мере раз в год. Выступал он и в странах «соцлагеря» — Югославии, Чехословакии, Польше, Болгарии. Но не в Союзе. Совдеповские начальники от музыки не удостаивали его своим вниманием. Что странно, поскольку Рэй Чарльз неоднократно появлялся в рядах негритянских демонстрантов на улицах Алабамы и Джорджии и имел из-за этого неприятности у себя на родине — в то время это вполне могло стать поводом для приглашения артиста в Союз.. Но не стало.

Единственный советский журналист, которому довелось однажды поговорить с ним, — корреспондент «Известий» А.Шальнев. Это было в 1988 году. Рэй Чарльз сказал тогда: «Если вы считаете, что моя музыка достаточно хороша, чтобы ее слушали в России, замолвите за меня словечко». «Так и сказал, — удивленно повторяет А.Шальнев, — «Замолвите за меня словечко».

Рэя Чарльза называют «королем джаза», но в свое время он сильно рассердил музыкальных критиков тем, что ввел в свой репертуар и негритянскую духовную музыку, и кантри, и модные светские песенки, и шуточные куплеты. Впрочем, все, что оказывалось в его репертуаре, через какое-то время начинало соответствовать понятию «респектабельной музыки». С его виртуозной техникой

владения голосом он любую незадействованную песенку превращал в шедевр.

«Рэй Чарльз вышел из всех музыкальных течений и создал реку, по которой только он один может двигаться», — писал Томас Томсон в 1966 году в своей книге о нем.

Его музыка отмечена непредсказуемостью гениального артистизма. Несмотря на солидный возраст, он продолжает свой путь, делая то, что он делает, уникально и прекрасно. Америка считает его своим национальным достоянием.

Рэй не забыл своего тяжелого детства. Эта память воплощается не только в его музыке. В 1987 году он создал «Рэй Чарльз Робинсон фонд» для людей со слуховыми расстройствами — видимо, потому, что люди, потерявшие слух, кажутся ему, музыканту, наиболее обделенными. В этот фонд он сделал персональный взнос в миллион американских долларов.

Рэю Чарльзу была вручена почетная награда Кеннеди-Центра, которая ежегодно присуждается исполнителям, обогатившим американское исполнительское искусство. Кстати, в том, 1986 году он был единственным негром и единственным поп-музыкантом, удостоенным этой награды.

Имя Рэя Чарльза среди имен других звезд американского искусства украшает бульвар Славы в Голливуде, а его бронзовый бюст установлен в Зале Славы.

У него множество золотых пластинок и дюжина «Грэмми» — высших наград Национальной Академии звукозаписи.

Совсем недавно в Монте-Карло на конкурсе, победителями которого становятся исполнители, продавшие у себя на родине наибольшее количество дисков, Рэй Чарльз получил приз «За выдающийся вклад в эстрадную индустрию».

«Дедушкой блюза» называют его сегодня. Но он отнюдь не чувствует себя дедушкой. Как-то на вопрос, не собирается ли он на пенсию, Рэй Чарльз ответил: «Для меня существует только музыка. Я не могу уйти от нее на пенсию, как не могу уйти на пенсию от собственной печени».

Рэй Чарльз объездил с гастролями множество стран и наконец теперь благодаря артистическому акционерному обществу «ГОСКО», «М-Интернейшл», «Альфа-банку» и спонсору гастрелей «СП Метрополь» приезжает в Москву.

13 и 14 июля в Центральном концертном зале «Россия» — наша встреча с великим музыкантом. Ура!

Рэй Чарльз с группой «Oak Ring Boys»

...с Хэнком Уильямсом

...с Дженни Фрик

...с Б.Дж. Томасом

Жажда жизни

Письмо живого человека

Дмитрий БЫКОВ

Вгорьковской сказке действует поэт Смертяшкин (обиделся Сологуб, но имелись в виду все декаденты). Служа похоронным агентом, он написал поэтическую рекламу для своего бюро; эта апология смерти как неизбежного венца всех начинаний не устроила начальство, но была с восторгом принята в декадентском журнале. С тех пор Смертяшкин прославился и стал издавать собрания таких текстов:

*Всюду жирный трупный запах
Смерть над миром пролила.
Жизнь в ее костлявых лапах —
Как овца в когтях орла.*

Конец века и — по инерции — начало следующего всегда проходят под знаком своеобразного танатоцентризма, упоения смертью, эстетизации ее. Старое умирает, новое рождается — ситуация пограничья располагает к подобной проблематике. Нынешний fin de siècle — не исключение: темы смерти, упадка и разложения в современной культуре адекватно сопровождаются разложением формы и распадом фабулы.

Всюду смерть, сказал бы Ярошенко: какой молодежный фильм ни посмотришь — либо героя притюкнут, либо герой замочит всех, либо все замочат друг друга и напоследок лениво притюкнут героя, чтоб не тор-

чал. Открываешь молодую прозу, да хоть двенадцатый «Октябрь», по традиции молодежный: грязь, свалка, пьянка, тоска, труп. И вроде не так много смертей, чтоб сразу вешаться (один-два трупа на рассказ — мелочь, не стоит анализа), — отчаяние диктуется самой безжизненностью текста в самом буквальном понимании слова. Жизни нет. Есть плоская аллегория, лобовой ход, парения в метафизических эмпиреях, знание нескольких умных слов... и дальше? Голый прием — голый, как скелет, на который не удалось нарастить мясо милых подробностей бытия, густоты быта, прелестной обыденности, как-то: прогулка с девушкой

по парку, стояние в очереди за молоком, городской какой-нибудь пейзаж (без помойки) и семейный обед в интерьере.

Бестселлер последнего времени — «Хроники Харона» Александра Лаврина, «энциклопедия смерти»; при всей человечности и познавательности этой книги она значима не только как факт литературы, но как знак болезненного интереса к теме. Талантливый и, главное, молодой Мих.Бутов дебютирует повестью «Памяти Севы, самоубийцы». В прозе Петрушевской и Садура картины болезни, распада, отчаяния загромаждают читателя всякий свет в конце тоннеля. Борис Моисеев является на сцене в гробу. Авангард, вышедши из андерграунда (или наоборот?), вообще напоминает ту дорогу из «Неуловимых мстителей», вдоль которой мертвые с косами стоят; количество гробов в прозе Вик. Ерофеева или В.Сорокина вызывает у читателя (и, боюсь, автора) истерический хохот. Дух обреченности, безнадежности и тления витает над русской литературой последних лет: «И все о, смерти, какой-то бред, — хотите верить, хотите нет», — подытоживает самый чуткий локатор поколения, знаменитый наш бард Михаил Шербаков.

Можно сколько угодно злиться, раздражаться, искать виновных — но для аналитика, задавшего целью отыскать причины такого танатоцентризма, все станет довольно просто с первых шагов. Оправданий и мотивировок более чем достаточно. Тут и тщета всех усилий, тотальный социальный распад, который засосал отечественную демократию, заставив предполагать в ее крахе почти метафизическую закономерность. Вместо грядущего перед страной разверзлась дыра. Тут и другая, не менее страшная закономерность: эстетизацией гибели наиболее активно занимается самое молодое, самое жизнеспособное поколение, избравшее роль коллективного патологоанатома от искусства. Помимо политических и социальных объяснений, напрашивается одно бытовое: нечем жить.

В самом деле: заметьте, как истончилось, убыло самое вещество жизни! Век упростился, обнищал — куда уж до роскоши, когда самого необходимого — в обрез! Лировский монолог о скудости мира, лишенного прекрасных необязательностей, актуален до дрожи. Как много всего этого было раньше: осенние парки, летние дожди, прогулки ночью при луне и соловье, — но дожди идут по большей части радиоактивные, в осенних парках чавкает непролазная грязь, в кафе не зайдешь по причине дороговизны, вещей не накопишь за безденежьем.

В скудные времена взоры литераторов и художников поневоле обращаются на смерть, ибо жизнь как таковую поэтизировать уже невозможно — она выродилась, измель-

чала до выживания. Даже ночная прогулка вдохновения ради перерождается в вороватое, опасливое шныряние по проходным дворам: того гляди прирежут. Бедный Иорик, он же веселый Роджер, скалится из любой подворотни. Гамлет, кстати, не случайно все время размышляет о смерти: Дания — тюрьма, на Датской почве не рехнется разве что Озрик, век расшатался, решимости восстановить его не хватает, царственное ложе служит кровосмешению и распутству... «Не желаете ли уйти из этого воздуха, мой принц?» — «В могилу». Да и куда еще-то? Ежели даже Фортинбрас уже не дает статуса бегунца и вовсе не спешит приютить в сопредельном королевстве всех, кому душно в Дании. Ну и естественно: «Чья это могила?» — «Моя сударь». — «Разумеется, твоя, раз ты в ней путаешься»...

Есть и еще один нюанс — тут стоит подняться уже собратям по борзому журналистскому перу. Во времена гласности мы с такой отчаянностью упивались темными сторонами жизни, что категорически отучили читателя обращать внимание на безусловно хорошие вещи. Куда! Журналист и литератор, осмелившийся написать про клейкие зеленые листочки (вот приклеились эти листочки, честное слово! — но нет другого символа прелести мира, что хотите делайте), любой, кто осмелился бы порадоваться вместе с читателем, в какой-то момент воспринимался как минимум конформистом: тут, понимаете, такие дела, развал, кранты, а вы с листочками! Лет десять назад жизнерадостность была на руку нашим заклятым врагам — и оттого сегодня она глядится прямой ложью.

Поздравляю вас, коллеги: мы таки договорились до того, что никто не верит в хорошие новости. Как же — лакировка! Небритые неконформисты, умеющие виртуозно запаковать собственное существование, из дряблой кожицы своей вон лезли, чтобы запугать читателя. Картины свалок и моргов, запустения и злодейств, логика и лексика психбольниц решительно возобладали в большинстве журналистских материалов, и подавляющее это большинство подавило-таки читателя до полной ненависти к человеческой природе. Доигрались, господа: синонимом слова «правда» стало слово «плохо». Мир грязен, плоть греховна, сбывается худший прогноз.

И, наконец, одна из главных причин всеобщего увлечения смертельной тематикой — полная неопределенность повсюду, тотальная неразбериха, неуверенность не только в завтрашнем дне (это бы полбеды), но и в собственном праве на существование.

Был у Печорина с одним доктором символический диалог: доктор уверен только в том, что имел несчастье родиться. Печорин богаче: он уверен еще и в том, что умрет. В чем можно

быть уверенным? — только в собственной гибели, особенно если жизнь так скудно поставляет материал для искусства.

Тут опять-таки торопятся на помощь подпольные гении со своей ненавистью к нормальной жизни, к установившемуся быту, с романтизацией порока, распада и самоуничтожения. Среди насковозь неэстетичного мира смерть начинает манить художника как область чистоты, красоты и загадочности. Искусство стремглав бежит в область метафизики, абстракций, идей — ткань жизни так тонка и засалена, что новое платье короля приходится шить из ничего. В девяти произведениях нового кино и литературы из любого произвольно выбранного десятка действуют не живые персонажи, а авторские схемы, носители концепций, ходячие проповеди. Отношения их строятся не по законам бытия, но по логике «войны идей».

То же самое видели мы в конце прошлого века, на примере символистской драмы, — но в тогдашнем искусстве наряду с панпсихическим театром Андреева и символическими драмами Метерлинка существовал здоровый, ядреный до пошлости китч, обслуживавший интересы здоровой части публики. Правда, этот китч тоже подзарядился у мэтров болезненным эротизмом и суицидными играми (взять хоть Арцыбашева), но пышно цвел и масскульт с его культом счастья, уюта, норм. Сегодня этот масскульт в отечественном исполнении представлен разве что в кино, да и то замешен по преимуществу на мафиозных разборках, на всеобщей криминализации, на похождениях «крутых» — без десятка трупов не обойтись. Пугают все. Редкие вспышки жизнелюбия в этом мраке — вроде прекрасной картины Валерия Тодоровского «Любовь» или обаятельной «Ты у меня одна» Дмитрия Астрахана — смотрятся реликтами.

Уже после того, как в корчах околел некрореализм, молодое кино с маниакальным упорством продолжает фиксироваться на темах загробных, убийственных, разрушительных. То ли виноват инфантилизм (молодые еще не знают жизни, утешает Алла Боссарт), то ли все мы нарочь отвыкли замечать то, что нас окружает. Поколение нынешних двадцатилетних было брошено, как в омут, в эту нашу жизнь, практически лишенную реалий, оголившуюся до скелета. Отсюда и ранняя, преждевременная старость, детский и старческий цинизм, легкость отношения к смерти и неумение выстроить отношения с жизнью. Таково, например, кино Ренаты Литвиновой или новый сценарий братьев Алейниковых (опять-таки загробный и насковозь цитатный) «Антонова сетчатка». Это поколение, чей вынужденный цинизм оказался следствием глобального идеологического кризиса: люди росли без иллюзий, а без

иллюзий какая жизнь!

На всякий конец века приходится очередная драма религиозного сознания, а после кошмаров XX века все это актуальней, чем когда-либо. Ледяная трезвость заставляет человека обращаться к последним, предельным вопросам бытия — то есть опять-таки к смерти. Деваться некуда. Отпадают религиозные и прочие гипнозы, идеологии нет, приходится заново заставлять себя примиряться с бесконечностью мира и конечностью «я». Куда деваться.

Со всем этим связана еще вот какая беда: новое искусство пугающе бессюжетно. Строить крепкую фабулу — с большими страстями, с погонами, с любовями, надеждами и дружбами — не умеет практически никто. Тут тоже возможны разные объяснения: критик А.Шемякин, например, относит такую бесфабульность на счет пропавшего из жизни метасюжета. Было противостояние человека и Системы — оно снялось. Общий сюжет пропал, частный выстроить не на чем. Тем более что и общественная проблематика, худо-бедно поддерживавшая у нас интерес к жизни, облажалась на глазах: от свободы отказались самые завзятые ее идеологи, позорное национальное согласие отменило и загадило наши убеждения и устремления, — все было даром, и снова приходится целоваться с подонками: они это воспринимают как развязывание рук, карт-бланш на что угодно, а мы пытаемся таким компромиссом спасти дрожащее свое существование. А уж тогда вслед за личной жизнью оказывается бессмысленной общественная — тут пиши пропало, остается только половая. Что и имеем.

Сюжет, вообще говоря, есть условность. В чистом виде жизнь бессюжетна. Но в наши трезвые времена никто не верит в условности. Я уже пытался объяснить феномен Скандинавии, которой так везет на сказочников: в этих неуютных краях существует культ уюта, крова, домашнего очага. Чтобы рассказать сказку, нужно иметь слушателя, готового в нее поверить, — а в доме, где крыша съехала и все окна выбиты глупыми мальчишками, сказка глядится диссонансом.

Мы отвыкли верить в добро: такая вера требует усилия, а мы разращены халявой. Зло усилий не требует, ему ни к чему условности, оно пышно цветет на любой помойке без полива и ухода. Но чтобы верить в добро, нужно относиться к миру без этой болезненной, маниакальной страсти докапываться до грязи и ужаса в самом светлом и радостном. Никто сегодня не поверит в простую историю из жизни: «Они полюбили друг друга и поженились». Враки. Так не бывает. Если бы так бывало, у нас бы и перестройка удалась, и мясо в магазинах стоило бы, как сегодня спички, и сам я выглядел бы гораздо лучше. Они НЕ МОГУТ пожениться: им негде будет жить, их ро-

дители ненавидят друг друга... Ну же, ну! Срочно придумайте что-нибудь плохое! Иначе — не верю!

Короче, как видим, причин для нового декаданса более чем достаточно. Есть, есть чем оправдаться труполобам и людоедам. Но когда у вас болит зуб — вам же не будет легче от того, что найдется теоретик, который объяснит вам все про дырку и нерв?..

Чего-нибудь надо делать.

И вот я думаю: к чему привело наше стремление во всем докапываться до последней правды? Об этом хорошо говорил философ Борис Хазанов: натурализм раздевает человека до костей. Снимает с него шляпу, костюм, белье... кожу, мышцы... Остается скелет. А скелеты, в общем, у всех одинаковы. Личности нет — она вся слезла вместе с одеждой, мясом, выражением лица. Не надо раздевать истину. Голая, она непривлекательна. Отказ от иллюзий чреват взрывом. Да, разумеется, все умрем, притив этой правды не поперешь, — но это не вся правда. Нам на то и даны волшебные отвлечения вроде любви, чтения, сбора грибов и ягод, чтобы драгоценную свою жизнь насытить и расцветить. Преступно тратить ее на страх смерти. Задача искусства — как-никак делать выносимым то, что, ежели вдуматься, невыносимо по определению. Речь идет не о зверствах, не о патологии — нет, о самой обычной жизни, которая являет собой трагедию обреченности, предрешенности и всеобщего взаимного непонимания.

Грех осуждать сегодняшних художников, особенно молодых, за их увлечение мрачной, некрофильской тематикой. Помимо всех рациональных объяснений, тому есть иррациональное: над Россией явно образовалась некая метафизическая дыра. То ли это расплата за предыдущие подлые годы, то ли вовсе уж аналогичный гнев таинственных сил, — но все начинания здесь гибнут, все новые веяния задыхаются. В такие времена невыносимо, нечеловечески трудно говорить и думать о чем-нибудь светлом. Я даже не знаю, возможно ли это.

Наверное, возможно.

Наверное, искусство вернется к пластике, описательности. Оно может еще описывать, фиксировать, рекламировать простые радости жизни. Оно вполне способно оглядеться и, кроме грязи, увидеть лужи, кораблики, облака, прочие банальные приметы счастья, — счастье всегда банально. Все счастливые семьи счастливы одинаково, но их счастье от этого не меньше. Напротив, несчастье всегда оригинально, но такая оригинальность как раз приедается. Сейчас этого и Западу не продать.

Всякий бунт, как показал американский и европейский опыт 60-х годов, должен либо заканчиваться смертью (последовательность — так во всем!), либо возвращением на

круги своя. Либо умирать, как Моррисон, либо возвращаться, как Холден Колфилд, или печь хлеб, как Джон Леннон. Пора перестать любоваться своими несчастьями. В русской традиции всегда прав страдалец — баста, наелись мы таких страдальцев. Больше не хотим. Дорвавшись до власти, они немедленно делают остальных такими же святыми — то есть заставляют страдать по полной программе.

Пришла пора напомнить о ценности простых вещей, без которых искусство не обходится: звуки, запахи, походка, прическа, особая манера хихикать или кланчить на мороженое. От смерти можно отвлечься только жизнью. Не следует претендовать на глобальные переосмысления, на решение мировых проблем: замахнитесь для начала на пластичное, точное и оригинальное описание летнего полдня в городе, в пору цветения лип. Мировые проблемы сами собой прорастут из ткани бытия; но где нет жизни — там нет ничего.

Мне надоело нытье, стоны, упоение гнусностями. Это попустительское худшему в себе уже не вызывает у меня ни любопытства, ни сострадания. «Самая легкая вещь — умереть», — в запальчивости сказала Новелла Матвеева, и применительно к искусству она права. Нет ничего проще, чем думать о смерти. Ты вот поди поживи — я на тебя погляжу!

Если каждый выстроит свой дом, как призывал к этому Розанов, — можно не бояться за страну. Если каждый выстроит свою жизнь — можно быть спокойным за чужую. Пусть каждый, отвлекшись от абстракций, займется наконец собой, отвернется от глобалки и перейдет к деталям, — и жизнь постепенно обрстет плотью, насытится цветом, звуком и вкусом.

Страх смерти необходим искусству как один из важнейших его стимулов. Но этот допинг следует строго дозировать. Да, жизнь острее и ярче в соседстве бездны — но тот, кто смотрит в бездну безотрывно, не становится ни умней, ни человечней. «Воздушная яма влечет» — но есть влечения более властные.

Как ни ужасно все происходящее с нами сегодня, как ни неразрешимы все наши проблемы — высшая правда сейчас состоит в том, чтобы отвлекаться от страдания, не заикливаться на нем и уметь разглядеть в окружающей куче жемчужные зерна мелких приятностей.

Кто сегодня раз в год бывает счастливым — тот герой.

Кто не каждый день думает о смерти — тот гений.

Кто напишет счастливую книгу о любви с хорошим концом — тот, несмотря на двусмысленность формулировки, будет благодетелем Отечества.

Хватит думать о смерти! Даешь немедленный демографический взрыв!

Жить хоч! Жить хоч!

Фотоколлаж О.Г.Грачёва

Сделавший шаг от смешного к великому

Если бы Зощенко дожил до ста лет,
он бы узнал о себе много интересного...

«Я требую памятников для Зощенко по всем городам и местечкам или, по крайней мере, как для дедушки Крылова, в Летнем саду», — заявил когда-то Манделштам. Нужен ли монумент как таковой — сомнительно. Доска мемориальная, вероятно, нужна; хотя бы из справедливости: на писательском доме в Питере увековечены Шишков и Саянов, но нет ни слова ни о Заболоцком, ни о Эйхенбауме, ни о Зощенко.

Но все же лучший памятник — книги. Сборник «Лицо и маска Михаила Зощенко», любовно собранный Юрием Томашевским (Колумбом, Наполеоном и Марксом нашего зощенковедения) и напечатанный издательством «Олимп — ППП», — монумент отменный. Совсем ранний Зощенко, такой трогательный и неловкий; его нежные письма; робкие попытки литературоведствовать; блистательные «Записные книжки» плюс статьи современников и филологов 80-х годов; наконец, хронологическая канва жизни и творчества...

А может, лучшим памятником будет построенный в боях капитализм. «Наша главная ставка сегодня — на Мещанство, а не на фашиствующих романтиков», — заявил Владимир Новиков на зощенковской конференции (ИМЛИ/РГГУ), открывшей юбилейные торжества (в августе — 100 лет).

Конференция удалась. Может быть, потому, что Зощенко, увы, актуален. Его герои живут и побеждают...

Они — антиподы булгаковских героев; те — адепты порядка и кремовых штор, эти — «хаотические» люди, стремящиеся увековечить хаос; они не ездят на трамвае и не носят часов, они рады халяве и вообще всему, что плохо лежит, они — «изобретатели назад»: в цивилизации ищут того, что возвращает к природе; всякую

вещь (будь то стакан или арбуз) нагружают разными ролями — в пику цивилизации, бьющейся эту многофункциональность задать... Обо всем этом говорил «висконсинец» Юрий Щеглов, сделавший, пожалуй, самый веселый доклад; недаром именно во время него зощенковский портрет, украшавший президиум, упал.

Веселился Владимир Новиков, спорил супротив интертекстуальных связей и грозился в один присест доказать, что Марков и Маркес — близнецы-братья; отказывался, задрал штаны, бежать за Дерридой; назвал Пьеху эпигоном Зощенко, а Даниила Заточника — предтечей: в «Молениях» тот же контраст самоумаления и самоутверждения, что и в зощенковском диалоге с властью.

Денис Бабиченко, забавно напоминающий внешностью зощенковского гонителя, разъяснял подоплеку этого неравного «диалога»; выяснилось, что знаменитое ждановское постановление вытекло из борьбы Жданова и Маленкова за власть, готовилось впопыхах, а Зощенко выбрали для «проработки» в самый последний момент — перед тем включив его в редакцию «Звезды»!

Ирландка Лесли Милн задала публике вопрос: неужели дети Страны Советов всерьез читали зощенковские рассказы о Ленине? Зощенковеды возмутились: конечно, читали! Потом дружно искали хоть какой-нибудь подтекст, иронию или, на худой конец, эзопов язык. Не нашли. Согласились на том, что Зощенко деидеологизировал жанр детского дидактического чтения; что возникающая в мифе реальная фигура ставит его на грань пародии и что вообще диалектически мыслящему писателю был не интересен одномерный вождь — он искал амбивалентности.

Михаил Зощенко
в 1958 году

ИЗ АРХИВА ИТАР-ТАСС

Очень забавный, но совершенно не принимающий во внимание актуальность Зощенко, доклад делал Александр Жолковский; прочел зощенковскую «Эльвиру» по нотам Моцарта: оказывается, героиня этой главы из книги «Перед восходом солнца» пришла из «Дон Жуана»; те же мотивы убытка и расплаты, вторжения в жизнь героя, те же каменные десницы и т.д.

Юрий Томашевский рассказал о том, что три слова из своей биографии, которыми Зощенко очень гордился («был отравлен газом»), писатель вписал чуть ли не своей рукою: именно он засек укрытия немецких газовых установок и доложил о том командиру, командир же, испугавшись «хлопот», зощенковский рапорт сократил... Впрочем, офицерством своим Зощенко не только гордился, но и опасался его; «Записок бывшего офицера» бумаге так и не доверил; и лишь когда Жданов упрекнул его в трусости, заявив, что тот «бежал» в эвакуацию, напомнил о своем боевом прошлом.

...Поведали историю возникновения зощенковского музея в Питере (энтузиасты ловко воспользовались амбициями Льва Зайкова, тог-

дашнего «мэра-пахана»); спорили о том, по каким изданиям печатать Зощенко (известно, что писатель «ухудшал» ранние рассказы); вспоминали «великую вдову» Веру Владимировну, собиравшую все, вплоть до последней писюльки (при этом обожавшей Сталина и считавшей, что это именно он спас Зощенко от голодной смерти); добрым словом помянули и Александра Яковлева, благодаря которому в 1986-м удалось напечатать «Перед восходом солнца»; ругали «Терру», только что перепечатавшую трехтомник 81-го года и не указавшую ни редактора, ни составителя (вообще, подкладывая «подлянки» стало доброй традицией «Терры»: то она шлепнет словарь Даля, взяв за основу отнюдь не лучшее издание и перебьет «Прогрессу» Даля «хорошего» под редакцией Бодуэна де Куртене; то она перебежит дорогу «Русслиту», готовящему выверенный Томашевским 5-томник Зощенко...).

...Осенью в Колонном зале пройдет торжественный вечер, в питерском музее откроется выставка, а в 432 километрах от Солнца будет гореть небольшая звездочка № 5759 по имени Зощенко.

Николай МАЛИНИН

О, мой Покровитель!

Фазиль ИСКАНДЕР

За участие в альманахе «Метрополь» я был подвергнут легкому остракизму, и меня отгоняли, правда не слишком шумно, от редакционных полей, когда я приближался к ним с тем, чтобы там мирно поспать. Я думал, сторожа некоторых полей, удаленных от центральной усадьбы, не извещены о моем остракизме, и хотел воспользоваться этим. Но сторожа все знали. Самые сердобольные из них предлагали для заработка порыться в сорняках этих полей, отделяя плевелы от якоры зерен в редакционной почте, но я с этими предложениями никак не соглашался.

Альманах этот был издан без разрешения начальства не то в трех, не то в пяти экземплярах. Я уже забыл. Правда, один экземпляр был вывезен в Америку и там издан типографским способом. Но это случилось несколько позже.

Начальство, заранее узнав, что альманах готовится к изданию, вкрадчиво просило включить в редколлегия кого-нибудь из них, причем по нашему выбору. Но мы отказались. Весь смысл альманаха был — могут ли в России появляться какие-либо издания без участия идеологического начальства.

И начальству это было обидно. И оно сначала просило нас этого не делать, потом умоляло нас этого не делать, а потом подняло страшный шум, грозя всему миру, что альманах будет способствовать переходу «холодной войны» между Россией и Америкой в «горячую». Казалось, мы собирались поджечь собственный альманах и сунуть его в жерло какой-нибудь атомной пушки, если таковая имеется. Но если таковая и существует, кто бы нас к ней подпустил?

Как бы прислушиваясь к возможной атомной канонаде, всем участникам альманаха назначили некоторые меры наказания. Но никого не арестовали, может быть, сгоряча заранее объявив нас людьми слабоумными.

Говорят, альманах этот был прочитан в главном идеологическом управлении партии. Главный идеолог ругал каждое произведение альманаха, когда же дошел до моего рассказа «Маленький гигант большого секса», вдруг расхохотался. Ну, если там еще не разучились смеяться, подумал я, больших наказаний не будет. Так и случилось. Года два, освобожденный от попыток печататься, я сидел и писал, пожалуй, самую непроходимую мою повесть «Стоянка человека». Даже если бы я не принимал участия в нашем несчастном альманахе, ее никто бы никогда не пропустил. Но, как это иногда бывает в мрачных обстоятельствах, по сложной психологической причине у меня вдруг написалась глава совершенно самостоятельная и довольно светлая. Абсолютно никакой политики ни в одной фразе не было, и я решил попробовать начать печататься.

Чтобы не путаться в ногах мелких идеологических клерков, я позвонил редактору журнала, где иногда публиковался, и сказал, что у меня есть вполне печатный рассказ и, если я близок к окончанию отбытия литературной изоляции, я могу его принести. О сроке изоляции может знать только он, как редактор журнала, и я ему полностью доверяю. Так я сказал. Я думаю, эта небольшая лезть сыграла большую роль.

— У нас наказание носит диалектический характер, — бодро ответил он. — Но после всего, что случилось, вы сами должны понимать, насколько рассказ обязан быть идеологически чистым.

— Именно такой рассказ я написал, — сказал я, стараясь поддержать его бодрость.

— Посылаю курьера, — выдохнул он, как бы идя на смертельный риск и одновременно мечтая получить либеральный куш, потому что никто из участников альманаха еще не печатался.

Суть рассказа заключалась вот в чем. Мой герой, Виктор Максимович, во время подводной охоты чуть не утонул. После этого случая сердце его стало барахлить в море. Ни один врач не мог понять, в чем дело. У него появился комплекс страха перед морской водой. Он перестал купаться в море.

Однажды он далеко в море рыбачил с мальчиком. Их лодку перевернули раскуражившиеся пьяные рыбаки. Очутившись в ледяной воде с мальчиком, Виктор Максимович был так озабочен спасением его, что забыл о своем сердце, и они благополучно приплыли к берегу. С тех пор он перестал бояться плавать в море, и сердце не давало о себе знать. В сущности, в этой новелле я демонстрировал мысль Льва Толстого о пользе забвения себя. Придраться было не к чему. О классовом происхождении спасаемого мальчика даже наша пропаганда стыдилась говорить.

Курьер в тот же день забрал рассказ. К вечеру я позвонил редактору, и он радостным голосом поздравил меня: вещь идет!

— Я отдал рассказ в отдел прозы, — добавил он. — Там у вашего Покровителя есть несколько мелких замечаний. Приезжайте завтра к нему и утрясите все. Рассказ идет в ближайшем номере.

На следующий день я бодро шел в редакцию. Я был рад и вместе с тем обеспокоен: какие замечания у Альберта Александровича, моего так называемого Покровителя? Уже давно у нас с ним установились странные, двусмысленные отношения.

Когда-то, мы еще не были знакомы, он дал положительную рецензию на мою первую сатирическую повесть «Созвездие Козлотура». Я ему, естественно, был благодарен за эту рецензию.

Я тогда еще не знал, что Альберт Александрович по своему грандиозная личность. В день появления рецензии мы созвонились и встретились в Клубе писателей. Мы долго сидели, крепко выпили, и он уже за полночь пригласил меня к себе домой. Я был по советским меркам молодой писатель, а он тогда по моим кавказским меркам казался гораздо старше меня. Как же было откаться?

Жил он где-то в Центре. Мы уже были настолько пьяны, что, добравшись до дверей его квартиры, производили странные и долгие манипуляции, смысл которых и сейчас мне не ясен. Он был такого же среднего роста, как и я. Но почему-то надо было взгромоздить его к себе на плечи, чтобы он, в конце концов, мог открыть дверь.

Что он делал на моих плечах? Скорее всего, я думаю, у него высоко в дверь был врезан второй замок, и он, перед тем как отомкнуть вторым ключом дверь, долго наблюдал в замочную скважину. Мои пьяные плечи подламывались под ним.

Как я теперь понимаю, он очень боялся жены и очень хотел продолжить выпивку. Высокогорная разведка обнаружилась в доме отсутствие бдящего поста, и он решил открыть дверь. Знаками показывая, что тишина должна быть достойна разведки, он на цыпочках проводил меня на кухню. Мы осторожно вдавили кухонную дверь внутрь и расселись. Он разулся сам и предложил разуться мне.

После этого он открыл дверь одного из двух холодильников и горделиво предложил мне туда заглянуть. Я так и ахнул: не счесть алкобольных алмазов в каменных пещерах. Он вынул бутылку виски, достал откуда-то два

стакана, и мы продолжили пиршество.

После первых двух-трех глотков он вдруг расплакался вполне натуральными слезами и, если б я мог верить словам, которые произносились между икотой и вздохами, получалось, что я предпоследний коммунист в стране, а он последний. Других нет.

— Я не коммунист, — сказал я, чтобы не было ложных иллюзий.

— Знаю, — кивнул он мрачно, — но я же не о формальном членстве говорю. Козлотуры повсюду побеждают, а наверху ничего не делают.

Боже, боже, теперь я понял, почему он написал положительную рецензию на мое «Созвездие Козлотура»! Но не мог же я ему сказать, что как раз наверху сидят главные козлотуры, время от времени почесываясь и боковым движением рога сбрасывая кого-нибудь вниз. В этот исторический момент был как раз сброшен Хрущев. Нет, не сказал я ему ничего такого.

Космический характер разложения, охвативший страну, никак не давал мне повода думать, что холодильник, наполненный напитками, тоже след этого разложения. После его горьких слез я воспринимал этот холодильник, набитый отнюдь не только патриотическими напитками, скорее как запасы для дальнейшего оплакивания судьбы коммунистического движения.

Однако после первого стакана, то ли махнув рукой на разложение, то ли указывая на энергические действия с какой-то далеко идущей целью, опережающей разложение, он вдруг принялся, как скифский вождь, рассказывать мне о женщинах, взятых в полон лично им.

К похабству этих рассказов прибавлялись какие-то гастрономические призывы, словно он мне объяснял способ поедания живых устриц или чего-нибудь не менее экзотического.

Время шло. Мелькали в его рассказах города и страны. Он же был журналист-международник. Он дошел, казалось бы, до благополучной, опереточной Вены, но тут все сорвалось.

— Ты представляешь, — начал он, — голый сижу в Вене на венском стуле. А она...

В каком виде была она, я так и не узнал никогда. В кухне с громкой руганью ворвалась его жена, и стало совершенно ясно, что вся его затейливая исповедь была подслушана ею из-за стены. Мы были уверены, что она давным-давно спит. Мы забыли о ней, но она сама о себе не забыла.

Теперь ясно, что голос его по ходу выпивки приобретал чрезмерный пафос, тем более со своими иностранными полонянками даже в пересказе он иногда переходил на плохой английский язык. А если учесть сложность его советских эротических замыслов, ему и там не раз приходилось повторять одно и то же, усиливая голос. Европейки его явно не сразу понимали. Тем более я. Вот жена и проснулась (если она вообще спала, а не затаилась). Но возможно и другое.

Возможно, его венское приключение, если жена о нем знала, носило на себе следы такой вычурности, что она уже не в силах была выслушивать это еще раз.

Возможно, находясь именно в Вене, он, как марксист, пытался запутать, высмеять, вывернуть наизнанку теорию Фрейда. Но удалось ли ему это и что именно там происходило, осталось для меня навсегда тайной.

Я никогда не испытывал такого стыда. Немолодая, незнакомая женщина врывается к нам в ночной рубашке и разоблачает нас как грязных мерзавцев. Особенно глупой в эту минуту была его смущенно-обиженная улыбка: не дала допеть песню.

И вдруг он важно сказал, поворачиваясь ко мне:

— Это восточный человек. И мы сейчас с ним, как это принято на Кавказе, выпьем за хозяйку дома из своих туфель!

Боже, боже, у него в голове все спуталось: давний обычай гусар пить из туфелек своих возлюбленных с тяже-

лым прощальным рогом кавказского застолья.

С этими словами он, неловко наклоняясь и проливая виски, начал искать глазами свои туфли.

Она закричала.

Я быстро нашел свои туфли, от ужаса допил стакан, промчался мимо хозяйки и каким-то образом очутился на улице. Уже там я надел туфли, содрогаясь от мысли, что их мог спутать с его обувью и мне пришлось бы возвращаться в дом.

После этого мы долго не виделись, а когда увиделись, на его толстых губах снова промелькнула смущенно-обиженная улыбка, напоминающая о том случае и как бы неназойливо вибрирующая меня в круг его семьи с ее маленькими тайнами.

В круг его семьи я, разумеется, больше никогда не вступал. Кстати, он был бездетен. Но мы продолжали изредка встречаться, и я иногда печатался в журнале, где он заведовал прозой, хотя сам писал статьи на международные темы.

Внешне Альберт Александрович был всегда элегантно одет как человек, которого вот-вот могут вызвать на дипломатический прием. Что и случалось. У него было горбоносое лицо римского патриция, слегка одряблевшее в сенатских интригах. Если он не перепивал, точнее, до того, как он перепивал, он был в самом деле легок, весел, остроумен. Его движения были движениями вялого удава. И слава его состояла в том, что он обрабатывал женщин долго, как удав кролика. Одновременно с этим он писал статьи на международные темы.

— Постель взбадривает мой ум, — говорил он.

За один любовный сеанс он мог удовлетворить самую тугоплавкую женщину и написать статью. Статьи и любовные сеансы, возможно, путем долгой тренировки он кончал одновременно, вероятно, бравурным аккордом выражая неисчерпаемость исторических сил мирового пролетариата.

Нельзя сказать, что тут была чистая стихия. Стихия все-таки готовилась заранее.

Приведение в порядок своих записок он совмещал с застольем, иногда — прямо на работе. Потом, оказавшись у возлюбленной, он ставил кейс на подушку, клал на него вороха бумаг, вынимал свой знаменитый «паркер» и приступал к делу. Если в работе наступала заминка и нижняя часть пылающего айсберга выражала некоторое недоумение по поводу верхней части, он решительно за-являл:

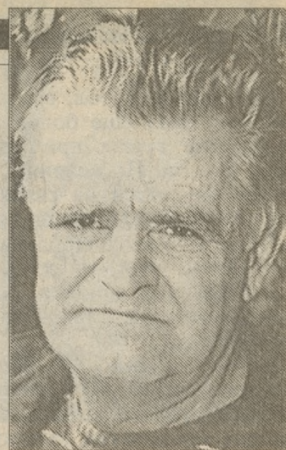
— Лежи, лежи, я все контролирую.

Вот таким человеком был Альберт Александрович. Но не всегда так гладко у него протекала жизнь. До этого журнала он долгое время работал в газете. И любовные связи его, оттого что он был помоложе или, может быть, из-за газетной спешки, были более неряшливы.

Короче, когда однажды в партком вошли три беременные литсотрудницы, держа в руках три газеты с его статьями, бичующими американский империализм, разразился скандал.

Сначала он пытался все отрицать. Но женщины, кроме газет, запаслись врачебными справками, из коих следовало, что срок беременности каждой приблизительно соответствует выходу запасенной газеты. Трижды повторенная приблизительность приводила к точному выводу по законам высшей математики.

Альберт Александрович был известным журналистом, скандал дошел до ЦК партии, и некий беспощадный инструктор утвердил выдворение его из газеты.

Его рабочий стол, отчасти использованный не по назначению, был еще более сурово наказан, очевидно, что бы другие столы при подобных обстоятельствах легались, что ли. По велению редактора стол был четвертован и выброшен на свалку. Вслед за столом на свалку чуть не полетели подшивки газет, лежавшие в кабинете Альберта Александровича. Но все три литсотрудницы поклялись, что он для смягчения ложа никогда не использовал подшивки, как бы выражая этим своим признанием несколько запоздалое восхищение его спартанской простотой.

Альберт Александрович не пал духом. Коммунизм, женщины и выпивку у него никто не мог отнять. Он некоторое время под псевдонимом печатался во второстепенных, московских газетах, а потом стал появляться на людях с огненной мулаткой с Кубы, на голову выше его. Увлечение Альберта Александровича кубинкой совпало с увлечением Кубой нашего правительства. Альберт Александрович написал одну из самых ярких своих статей «Куба — любовь моя».

Статья под псевдонимом, конечно, была напечатана в журнале, где он как раз тогда стал работать. Статью перепечатали на Кубе, и сам Фидель Кастро размахивал ею во время одного из своих митингов. Редакция решила наградить Альберта Александровича за эту статью. В конце года его лицо среди других лауреатов явилось на журнальной обложке пред ясны очи инструктора ЦК, который считал Альберта Александровича идеологически раздвоенным и в лучшем случае отсживающимся в какой-нибудь заводской многотиражке. Неугомонный инструктор пытался интриговать и даже привлечь в доказательство тех самых литсотрудниц, но суровые товарищи из ЦК сказали:

— Угомонись. Статья понравилась Фиделю Кастро, а это важнее твоих литсотрудниц, которые ложатся на редакционный стол, даже не подстелив газетные подшивки.

После этого в журнале появилась целая серия статей на кубино-американскую тему. Все эти статьи пламенная мулатка переводила для Кубы, где их охотно печатали. Я думаю, переводила она их обычным способом, а не взгромоздившись на Альберта Александровича, хотя полной уверенности нет. Кубинцы в те времена старались как можно точнее перенимать советский опыт. Тут между возлюбленными вышел легкий конфликт, суть которого она, к счастью, видимо, не поняла. Да и Альберт Александрович скорей всего дулся, а не выражался с достаточной четкостью. Дело в том, что мулатка не только переводила его статьи на испанский язык, но и подписывала их вместе с ним как соавтор. И это не понравилось Альберту Александровичу. По-видимому, кубинка считала, что в стране победившего социализма именно так пишутся и оплачиваются статьи, созданные совместно с женщиной.

Впрочем, скандал не успел разразиться. Пламенную мулатку, кончавшую университет, в награду за писание патристических статей и хорошее знание русского языка взяли работать в кубинское посольство, где она благополучно вышла замуж за молодого дипломата. Вскоре она совместно с мужем стала писать статьи для кубинской и даже советской прессы.

Между тем и дружеские связи с Альбертом Александровичем у нее остались, и он теперь нередко бывал в кубинском посольстве, где пил ром с ее мужем и даже познакомился с Раулем Кастро, который после сильного возмущения сожалел, что Россия когда-то продала Америке Аляску, иначе они бы нажали с кубинской стороны, Россия — со стороны Аляски, и Америка хрустнула бы, как пасхальное яйцо.

— Наивно, но какой революционный энтузиазм! — говорил об этом Альберт Александрович.

Однажды он тайком полюбостраивал у бывшей своей мулатки, как они с мужем пишут статьи. Она его сразу поняла.

— Что ты, — сказала она, закатывая глаза, — ему до социализма еще далеко! Мы еще в разных комнатах пишем статьи. Но я буду работать над ним, у меня большой советский опыт.

Муж привозил Альберту Александровичу с Кубы ром и галстуки с изображением колибри, обезьян и удавов.

Одним словом, к моменту нашего знакомства уже много лет Альберт Александрович царил в редакции журнала и в ресторанах. Там, окруженный поклонниками и поклонницами, он, веселый, но вялый удав, допивался до полного оцепенения. Интересно, оживляется ли при питье настоящий удав? И что бы случилось с настоящим удавом, если бы он вылакал столько алкоголя? В таких случаях большие роговые очки на его, прямо скажем, псевдоримском носу обращались в сторону какой-нибудь женщины и надолго застывали на ней. Женщина затихала под гипнозом его статического напора. Ради полной правды надо сказать, что в этих компаниях обычно бывали женщины, охотно поддающиеся гипнозу.

Все знали, что от выпитого он, бывало, не мог произнести ни одного слова, однако вполне был готов продолжать род человеческий, тем самым между делом оспаривая Евангелие от Иоанна, где сказано, что в начале было Слово.

Однажды он признался мне в любовном крахе. У него ничего не получилось. Надо отдать должное его мужеству, он это сообщил с редким стоическим спокойствием. Он это сказал, как опытный механик, у которого впервые не завелась машина.

— Надо попробовать условный рефлекс, — сказал он, имея в виду публицистику, — если не поможет, значит, кранты.

Во время следующей встречи я заглянул ему в глаза с известной целью. Он гордо выпятил большой палец:

— Получилась одна из лучших моих статей. Из ЦК поздравляли...

Это был дальний звонок. Но мы тогда этого не поняли: условный рефлекс приобретал нешуточную силу.

Он, конечно, читал «Маленького гиганта большого секса», но герой моего рассказа Марат не вызвал у него никакого интереса. А я хотел когда-нибудь их сблизить.

— Грязный, провинциальный Дон Жуан, — сказал он про Марата, — никакой идейности. Моя мечта — найти такую женщину, при помощи которой напишу такую статью, что она наконец образумит наших дураков и они поймут, что страна катится в пропасть.

Удивительно, что он лет двадцать проработал в журнале, где несколько раз полностью менялась редакционная коллегия, начиная с главного редактора и кончая заведующими отделами. Редакция бывала махрово-партийной, бывала либеральной, в меру возможностей тех времен, но потом начальство спохватывалось, и она постепенно становилась полулиберально-партийной.

Как я говорил, мой Покровитель, хотя и был известным международником, возглавлял отдел прозы. Он считался непревзойденным мастером по нахождению в текстах неуловимых антисоветских подтекстов. Позже я убедился, что у него и в самом деле необыкновенное чутье на политическую ориентацию героя и по одной только реплике «Дайте прикурить!» он угадывал, что человек этот скрытый антисоветчик.

Кстати, он сломал карьеру одному талантливому сибирскому писателю. Тот описал пожар в одном из таежных урочищ. Пожар начался в жаркий летний день, когда пьяный лесничий заснул у своего костра. Лесничий погиб из-за своей халатности, но бушующее пламя на следующий день сумели сбить храбрые сельские комсомольцы. Пожар был описан с жадной, мстительной силой, и это было талантливей всего. Но на это никто не обратил внимания. Рукопись уже собирались отдавать в набор, когда Альберт Александрович задал вопрос, подвергший всех в смущение:

— А где была партия, когда тушили пожар?

Про партию наш сибирский автор как-то подзабыл, и это ему дорого обошлось. Редактор, который сам раздобыл эту повесть и очень хотел ее напечатать, пытался защитить автора, указывая, что комсомольцы — воспитанники партии, так что тут можно уловить связь поколений, которая в те времена особенно ценилась.

— Не улавливаю, — не без оснований заметил Альберт Александрович. — Троцкий тоже через голову партии пытался опереться на комсомол.

Упоминание Троцкого вызвало у редактора идеологический ужас, и он был вынужден дать задний ход. Повесть вернули автору с тем, чтобы он, не расширяя сферы пожара, расширил круг участников тушения его за счет районного партактива.

Бедный автор оказался честолюбив. Он слишком большие надежды, не без нащепывания редактора, вкладывал в эту повесть. Тот обещал ее выдвинуть на государственную премию.

Сибиряк переделал повесть так, что в тушении пожара теперь принимал участие весь районный партийный актив во главе с секретарем райкома, который, переусердствовав, спас даже полуобгорелого лесничего, что с точки зрения идеологии подпадало под ненавистный абстрактный гуманизм, если только лесничего тут же не засудить и не отправить в какой-нибудь ледяной лагерь. Но автор об этом ничего не написал.

Повесть была художественно ухудшена бесконечно прыгающими в огонь партийцами, изображенными автором с некоторым легкомыслием, смахивающим на злораство.

Чтобы не обижать талантливого человека и отчасти улучшить повесть, сибиряку рекомендовали не оживать труп провинившегося лесничего и указали ему, что во время лесного пожара партийцы должны управлять разумными действиями народа, а не кидаться в огонь, как взбесившиеся староверы.

Бедный автор совсем запутался и запил. Я однажды встретился с ним в Доме творчества в Малеевке. Днем он исправлял повесть, а по ночам пил. Кто его знает, может, судьба ему улыбнулась бы, если б он переменял ритм жизни. То ест ночью писал, а днем пил. Дело в том, что днем многие мешают работать, а по ночам никто не мешает пить.

Однажды ранним утром кто-то постучал в мой номер. Я встал с постели, подошел к двери и спросил: «Кто там?»

В ответ — нечленораздельное мычание. Я открыл дверь. В дверях стоял автор лесного пожара. Он стоял, продолжая мычать и указывая трясушей рукой в глубь моей комнаты. Я долго не мог понять, что он имеет в виду, а потом догадался. На подоконнике стояла бутылка водки, на которую он и пытался указать. Моя комната была расположена на первом этаже, и он, проходя по двору и заметив в окне бутылку водки, безошибочно вычислил мой номер.

Я налил ему полный граненый стакан, и он, задышавшись от жажды (пожар у него уже был внутри), выпил, передохнул и произнес эпическую фразу:

— Я днем описываю пожар, а ночью гашу его водкой, что тоже нелегко.

Бедняга все-таки спился и умер, и более правдивой и трагической фразы я не знаю во всем его творчестве.

Обнадеженный редактором, что моя опала кончается, я спешил к месту своего спасения. Однако я чувствовал и некоторое беспокойство. Дело в том, что у нас с Альбертом Александровичем, как я уже говорил, были странные, двусмысленные отношения.

При каждой встрече он напоминал мне, что когда-то дал, не без некоторого риска, положительную рецензию на мою сатирическую повесть. Ну, дал и дал. Сколько можно об этом говорить! Ничто так не раздражает человека, как затянущаяся благодарность.

Шли годы и годы, но он десятки раз в моем присутствии вспоминал о своей рискованной рецензии, и я каждый раз в знак согласия кивал головой, утомленной благодарностью.

Но потом выяснилось следующее. Именно мой Покровитель, а не кто другой пускал под откос мои рассказы, которые я приносил в редакцию по его же настоятельной просьбе. Отказывали мне другие — и всегда по идейным соображениям. В конце концов раскрылось, что эти идейные соображения его же выдумка. Позже я заметил, что рассказы мои печатались в журнале во время его зарубежных вояжей. Но вовремя эту закономерность я не осознал.

Возникает вопрос: зачем он так настоятельно просил меня приносить рассказы? Пытался меня перевоспитать? Или, сделав один раз мне добро, он не хотел выпускать из виду носителя этого добра? Или более мелко: зная о моих иронических выпадах в адрес главных козлотуров, он мстительно добивался того, что я, принеся рассказ, уже вынужден буду звонить, ходить в редакцию и так далее?

Одним словом, пуская под откос все, что я ему приносил в журнал, Альберт Александрович как бы оставался покровителем моей старой сатирической повести, которую козлотуры собирались громить в центре, но потом перенесли погром на периферию. По месту происшествия. Так себе погромчик...

Итак, я мчался в редакцию для встречи с моим Покровителем и одновременно мастером по выявлению тайного подтекста. Интересно, как он найдет коварный подтекст в рассказе, где его нет и никто лучше меня об этом не знает.

Элегантный, вялый удав в больших роговых очках сидел за своим столом.

— Ничего рассказ, — сдержанно похвалил он меня, здороваясь, — хотя после провокации с Метрополем можно было дать рассказ поидейней.

— Какой мог, — сказал я не без ехидства, уже зная, что редактор решительно настроен печатать его.

— Ваш герой, конечно, белогвардейского происхождения, — точно проткнул он меня идеологическим копьем в ответ на мое ехидство. И одновременно как мой Покровитель ткнул пальцем на телефон — в том смысле, чтобы я с ним не соглашался и впредь говорил взвешенные вещи.

Это был странный телефон. Во время нашей беседы он то и дело подзвывкавал, призывкавал, и каждый раз это что-то означало.

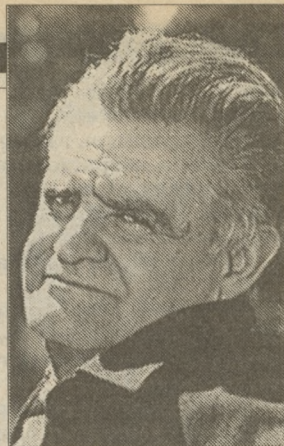
Мой Покровитель правильно угадал, что мой герой белогвардейского происхождения, но именно в этом рассказе ничего не говорилось об этом. Об этом у меня — в других главах. «Откуда это ему известно?» — изумился я, но промолчал.

— Шефу рассказ понравился, — добавил он. — Но шеф, конечно, бегло просмотрел его. Два-три места надо исправить.

— Какие? — внутренне холодея, спросил я, хотя до этого был уверен, что таких мест нет. Но ведь сумел же он догадаться, что мой герой — белогвардейского происхождения.

— Вот вы пишете: «В тот же день пограничники пригнали лодку на причал». Учтите, что сейчас не сталинские времена. Пограничники совсем другие...

Удивительно, как в нем сочетались пронизательность и глупость. И вдруг мелькнуло в голове: дети управляющей страной! Знаменитый ленинский детский смех. Сейчас они впали в маразм, но продолжают играть в детскую игру

«казаки-разбойники».

Мой Покровитель глядел мне в глаза, уверенный в том, что я что-то непристойное подразумевал, когда писал о пограничниках. Сам он эту непристойность выявить не смог и взглядом просил меня довериться ему. Но доверять было нечего.

— А что плохого сделали пограничники в моем рассказе?

— В том-то и дело, что ничего плохого не сделали. Хулиганы переворачивают лодку, пограничники, найдя ее, ставят на киль и пригоняют на причал.

— Так оно и было.

— А ты пишешь: «Пограничники пригнали лодку на причал». Ни слова благодарности. Даже какое-то тайное раздражение чувствуется: назойливые пограничники. В устах смирившегося или, скорее всего, не очень смирившегося белогвардейца — это понятно. Но ты же должен был как-то смягчить это место.

Я опять похолодел. Мой герой был действительно не очень и даже совсем не смирившимся потомком белогвардейцев. Но как он и это угадал? И при чем тут пограничники?

— Сейчас пограничники совсем другие, — повторил он.

Телефон благобно звякнул.

— При Сталине твой герой костей бы не собрал, — вразумительно втолковывал он мне. — Опрокинутая лодка плавает в море. Может, кого-то убили, может, шпионы перешли из нее на подводную лодку.

— Чушь! Чушь! — крикнул я, забывшись.

— Сам ты чушь несешь! — крикнул он в ответ, одновременно снова указывая на грозно молчащий телефон: мол, там не любят споров. Особенно о пограничниках.

Тупо бормоча: «Сейчас пограничники совсем другие, не такие, как при Сталине!» — он все еще ждал, что я раскрою ему свой коварный замысел против пограничников. Но не было, не было у меня такого замысла!

В конце концов, он сдался и просил меня выразить пограничникам хоть какую-нибудь благодарность. Я понятия не имел, как это сделать.

— Я придумал! — вдруг вскричал он и, вытащив ручку, посмотрел на телефон. — Вот так: «К вечеру наши ребята-пограничники из ближайшей заставы пригнали лодку на причал». Фраза точно отражает близкие отношения жителей береговой линии с пограничниками.

Телефон подзвякнул.

Не спрашивая моего разрешения, он стал вписывать в рукопись свои дурацкие сантименты. Тем более дурацкие, что это был монолог моего героя, отнюдь не склонного к сантиментам.

— Нет! Нет! — закричал я и вырвал у него рукопись.

Мой Покровитель даже вздрогнул.

— Как хочешь, — он скорбно поджал губы и неохотно вставил ручку в карман пиджака. — Представляю, сколько раз твой герой мечтал удрать от пограничников в Турцию.

Я должен был немедленно выразить свое несогласие, по крайней мере, телефону.

— Ни разу! — воскликнул я.

И тут кровь ударила мне в голову! Я вспомнил, что мой герой на протяжении всей повести сооружает махолет, то есть воздушный аппарат, который движется в воздухе при помощи силы ног. По его словам, он разрабатывал новый вид воздухоплавания. Там была целая философия. А что если он и в самом деле мечтает удрать в Турцию?

Но я взял себя в руки.

— Пограничники не нуждаются в нашей благодарности, — сказал я, закругляя тему, — они делают свое дело. И вообще это не рассказ о пограничниках.

Телефон издал мирный звяк. И Альберт Александрович махнул рукой. Я понял, что пограничников мне кое-как удалось отбить. Как будто примирившись со мной, он вызвал секретаршу, и девушка принесла нам два стакана чаю с лимоном и сушками.

Альберт Александрович, не говоря ни слова, куда-то вышел.

— Хороший рассказ, — сказала девушка, поставила передо мною, как бы в награду, стакан чаю с более полным кружком лимона и еле слышно прошептала:

— Не соглашайтесь ни с одним словом Альберта Александровича.

Она ушла, окрылив меня. А он долго после этого не приходил. Он настолько долго не приходил, что телефон стал беспокойными полувзвонками поварчивать. «Где дискуссия?» — так можно было его понять.

Я настолько был вдохновлен поддержкой секретарши, что после очередного поварчивания звонка хозяйски взял трубку и изо всех сил дунул в нее.

— Куда дуешь, мудака? — раздраженно закричала трубка. — Лучше сиди и дуй в свой чай!

Я снова похолодел, не столько от того, что трубка сама заговорила, и именно со мной, сколько от удивления, откуда она знает про чай.

Тем не менее я осторожно положил трубку и законопослушно дунул в свой чай, хотя он и так уже остыл.

Странно, что многие обижаются, когда я дую.

Один любитель оружия как-то дал мне подержать свой пистолет. Не зная, что делать с этой тяжеловатой мерзостью, я дунул в ствол, как бы шуточно изображая судью-пахана во время мафиозных разборок. Хозяин с большим раздражением вырвал у меня пистолет, который, оказывается, я унизил.

— Вот если б он в тебя дунул, ты бы знал, как надо обращаться с оружием, — сказал он.

Странное представление о равноправии...

Наконец, Альберт Александрович вернулся в кабинет и сел на свое место. Мы стали пить чай, закусывая сушками. Я старался не хрустеть сушками, чтобы не раздражать и без того нервный телефон. Однако телефон сумрачно молчал, очевидно, выжидая, когда мы заговорим.

— Пограничники — это не главное, — произнес мой Покровитель, шумно допивая свой чай. — Я тут давал почитать рассказ нескольким сотрудникам. Сейчас я их опять обошел. Все они, не сговариваясь, решили: Виктор Максимов — это Максимов, редактор антисоветского журнала «Континент». Это надо обязательно убрать.

— Нет, — крикнул я, — мой герой — живой человек для меня. Я привык к его отчеству.

— Здесь далеко идущая символика, — сказал он, кивая на телефон. — Мальчик-сирота — это Россия. Выходит, вся страна пьет, бездельничает, а в это время антисоветчик Максимов спасает мальчика-Россию в бурных волнах Мирового океана.

— Какой Мировой океан, какой мальчик-Россия! — взревел я, забыв про телефон. — Разве вы не видите, что это Черное море у берегов Гульрипша?

— Слава Богу, — сказал он громко, глядя на телефон и, скорее, обращаясь к нему, — я двадцать лет расковыриваю эти муравьиные курганы маскировки. Получается, что Максимов спасает мальчика-Россию, а Гульрипш — это для дураков. Я до сих пор говорил о Максимове. Но некоторые из прочитавших рассказ догадались, что и имя героя не случайно: Виктор. Это Виктор Некрасов. Два главных деятеля «Континента». Может ли быть такое случайное?

Клянусь, я ни того ни другого не имел в виду. И вдруг меня осенило.

— Пойдите, пойдите! — сказал я дрожащим от волнения голосом. — Как же Максимов может спасти мальчика-Россию, когда мальчик черноглазый? Если мальчик — символ России, он должен быть синеглазым, как у Васнецова.

— А разве мальчик черноглазый? — явно клонув, спросил он недоверчиво.

— Да! — воскликнул я, хотя, когда писал рассказ, не придавал этому значения. И теперь стал лихорадочно листать рукопись, ища черные глаза мальчика и все более

и более сомневаясь, что они там есть. Возможно, я просто представил мальчика черноглазым, но об этом не написал.

— Не порвите рассказ, — улыбнулся он мне, — глаза в морской воде имеют обыкновение менять свой цвет на голубой.

Он со мной говорил то на «ты», то на «вы». Последнее означало, что он снимает с себя покровительственные отношения и переходит на официальные.

И он еще издевается!

Но жив Бог, как сказал поэт. Я нашел нужное место. Там ясно указывалось, что у мальчика были хитрые, черные глазки. Я подsunул ему это место прямо под его роговые очки. Выпятив губу и тяжело дыша, он отодвинул от себя рукопись.

— Мусульманский фундаментализм, — пробормотал мой Покровитель.

— А знаете что, — вдруг озаренно улыбнулся он и вынул ручку, — зачем мальчик вообще, если вас не интересует символ? Пусть будет девочка, и тогда символ исчезнет сам собой!

Вынутая его ручка и вообще готовность вмешаться в текст внушали мне ненависть и отвращение. Я считал, что мальчик получился хороший, и не для того мой Виктор Максимович приложил столько усилий, спасая его, чтобы я его дал утопить в редакционной чернильнице.

— В наших краях опытные рыбаки не рыбачат с девочками вдали от берега, — холодно, с видом знатока, поправил я его.

— Очень плохо, что не рыбачат. Вы на Кавказе еще слишком консервативны. А ваш герой — прогрессивно мыслящий человек, он мог рыбачить с девочкой, — сказал Альберт Александрович, как-то быстро забыв о Максимове.

— Не выйдет, — сказал я. — Когда опрокинулась лодка и они оказались в воде, он раздел мальчика, чтобы ему было легче плыть. Раздевать девочку в воде — некрасиво.

— Ничего! Остротца в современном духе! Или еще лучше! Она в купальном костюме сидела в лодке. Вот и все! — воскликнул он и пододвинул к себе рукопись, чтобы переделать мальчика на девочку. Он даже засопел, до того ему хотелось подгадать рассказ. Я вырвал у него рукопись.

— А потом, если вы помните, — продолжал я, уже не столько отставив мальчика, сколько для того, чтобы закрепить забвение Максимова, — мой герой несколько раз массирует мальчика в воде, чтобы снять судороги. Мужчина, массирующий девочку в воде... Это неприлично. Это отвлекает.

— Стой! — вдруг крикнул он. — Если написать, что это была красивая полная девочка, ее и массажировать не надо. Женщины вообще почти не поддаются судорогам, из-за жирового слоя. Ваш старый морской волк, конечно, об этом знает.

Не успел я порадоваться тому, что Максимов превратился в старого морского волка, как мой Покровитель снова схватил рукопись в поисках места, куда вставить красивую полную девочку.

Я опять вырвал у него рукопись.

— Нет, я здесь ничего менять не буду, — сказал я как можно мягче.

— Значит, — вдруг подытожил он, — в символическом плане у вас что получается? Это, конечно, большевики опрокинули Россию-лодку. Героический Максимов спасает мальчика, а потом избивает рыбака, который сидел за рулем лодки? Именно того, кто сидел за рулем! Чуешь, как далеко простирается символ?

— Ленина, что ли? — туповато спросил я.

Мой Покровитель нервно затряс рукой в сторону телефона.

— Так получается, — шепнул он. — Вообще-то я слышал, что Максимов был драчун, но не до такой же степени.

— Максимов тут совершенно ни при чем, — начал я по новой. — Это герой моей повести. Он фронтовик. Легчик. Ни по возрасту, ни по склонностям он ничего общего не имеет с Максимовым.

— Так измени ему отчество, — снова предложил он мне, — ведь все говорят, что это намек на Максимова.

— Я привык к его имени-отчеству! Нет, нет тут никакого намека! — неожиданно заорал я и вскочил.

Он тоже вскочил. Мы стояли друг против друга. Телефон молчал. Возможно, он оглох от моего крика.

— Ну ладно, — сказал Альберт Александрович примирительно, — отправляйся к редактору. Мои замечания на рукописи. Только не кричи там, а то все испортишь.

Он снова вошел в роль моего Покровителя. Я взял свою истерзанную рукопись и покинул кабинет. За дверью я на секунду прислушался, звякнет ли по этому поводу телефон, но он молчал.

Все еще разгоряченный разговором с Альбертом Александровичем, я вошел в приемную главного редактора. Его секретарша улыбнулась мне и сказала:

— Я влюблена в вашего Виктора Максимовича. Ничего не меняйте!

Обдав меня духами и свежестью надежды (народ за меня!), она вошла в редакторский кабинет. Через минуту вышла сюда оттуда и пригласила меня.

Старый пират сидел за огромным столом и посасывал пустую трубку. Он крепко пожал мне руку и усадил напротив себя.

Как я догадывался, его некоторые симпатии ко мне были вызваны тем, что он себя считал признанным стилистом, а меня — продолжателем своего дела. Мне это не очень нравилось, но я не возражал. Для стилиста он слишком много написал такого, что требовало для приведения в порядок другого, способного краснеть стилиста. Мой действительно любимый стилист плохо кончил еще до того, как его расстреляли. Кроме всего, я никак не мог примириться с мыслью, что логика хорошего стилиста должна с трагической неизбежностью стремиться к чистому листу бумаги. Меня не устраивал пафос сжатия слов до их полного исчезновения.

Я положил рассказ на стол. Он с деликатной небрежностью просмотрел замечания Альберта Александровича и успокаивающе пригладил последнюю страницу.

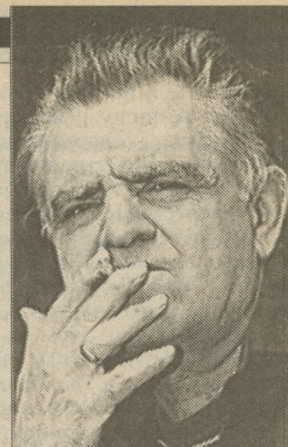
— Все это ерунда, — сказал он, — я сегодня же отправлю рассказ в набор. Но я одного не пойму, как вы, стилист, дали себя втащить в этот альманах литературных разбойников?

Я промолчал. Спорить было бесполезно.

Он произнес еще несколько трафаретных слов по этому поводу, но видя, что я не подтверждаю тему, замолчал. В конце концов, он где-то наверху мог сказать, что провел с автором идейную работу. Потом он вскочил, вытащил из сейфа бутылку французского коньяка и два стакана.

— Выпьем за конец опалы, — сказал он, разливая коньяк по стаканам с аптекарской точностью. Я подумал, что в этом и есть суть его стиля. Не успели мы пригубить стаканы, как в кабинете появился Альберт Александрович.

— Вдохновителя вашего рассказа как раз не хватало, — насмешливо сказал редактор и, достав третий стакан, налил в него ровно столько, сколько нам, не глядя в наши стаканы. Хорошая память тоже входила в основу его стиля. Значит, мой Покровитель успел солгать, что он вдохновил меня на этот рассказ. Он знал, что я его не буду

разоблачать, и он был прав. Но уж на тот рассказ, который я сейчас пишу, действительно вдохновил меня он.

— Выпьем, — сказал редактор, — хотя мне вас никогда не догнать. Даже если я буду пить из обеих моих туфель!

Они оба расхохотались, и я понял, что давний ночной эпизод пересказан шефу во всех, может быть и не осуществленных, подробностях. Мы выпили, но опала никогда не кончается триумфом. Когда я уже собирался выходить, мой Покровитель наклонился к шефу и что-то ему прошептал. Редактор поднял голову и сказал:

— Мы, конечно, думем на молоко. Максимов тут совершенно ни при чем. Если бы вы написали, что ваш герой утопил ребенка, я бы больше поверил, что это антисоветчик Максимов. Но вы все-таки исправьте отчество нашего героя, раз все говорят одно и то же. Напишут донос в ЦК — хлопот не оберешься.

Я был уверен, что никто этого не говорит, кроме моего Покровителя. А если и говорят, то по его наводке. Я что-то опять промямлил про то, что привык к имени своего героя.

— А кто вам мешает восстановить в повести его имя? — сказал он. — Мы вам открываем дорогу... А сейчас можете вот здесь сесть на подоконник и все исправить.

Он махнул рукой на широкий подоконник.

Выпитое с ним обзывало. Писателю никогда не следует пить с редактором, прежде чем обо всем договорился.

Я сказал, что отчество исправлю дома и позвоню по телефону.

Теперь мне стало ясно, что неожиданный приход Альберта Александровича был разыгран. Благодаря полному согласию редактора печатать все как есть они добились мне возможность сопротивления.

Я вышел из кабинета. Проходя приемную редактора, я спиной чувствовал стыд перед секретаршей, хотя она ни о чем меня не спросила.

Так, первый рассказ после опалы я вынужден был напечатать изуродованным. А прежде чем напечатать всю повесть, пришлось ждать еще несколько лет.

За эти годы бурных социальных потрясений мой Покровитель страшно постарел и опустился. Иногда я его встречал в писательском ресторане. Теперь он напоминал мне не вялого удава, а мумию удава. Изредка ему подносили, и он быстро пьянел. Разумеется, подносил ему и я. Опьянев, он по старой привычке начинал смотреть на какую-нибудь женщину гипнотическим взглядом, но гипноз не действовал, да и голова его дрожала. Женщины смеялись, а он утирал слезу.

Он писал свои статьи на международные темы, лежа с женщиной и время от времени попивая. Я, кажется, забыл сказать, что он в постель брал и выпивку. Как Цезарь, он занимался этими тремя делами сразу, и вдруг сразу все потерял. Идеология оказалась никому не нужна, а без статей он уже не мог иметь женщину. Тут самообман с годами стал невозможен. Мы об этом с ним говорили. Именно нужность статьи подхлестывала любовный пыл, а любовный пыл взбадривал умственные силы для статьи. А без статей денег не хватало на выпивку. Его знакомая мулатка даже предлагала ему эмигрировать на Кубу, но он отказался.

Однажды я видел, как официантка нового поколения выталакивала его из ресторана, а он, пьяненький, бормотал:

— Мне нужна баба без всякой идеологии...

Но разве официантка могла понять его метафизические страдания? Мне было его жалко, как и того сибирского писателя, описавшего лесной пожар, которого Альберт Александрович загубил.

В этом неудобство и сила писательской профессии: жалость не зависит ни от идеологии, ни от каких-то других внешних причин — все униженное, все придавленное жалко. Даже если придавленное до этого само давило.

Вскоре он умер.

В душнейший летний день состоялась гражданская

панихида в Доме литераторов. Я там был по каким-то делам и, зайдя в зал, где стоял гроб, заметил, что там не было, кроме меня, ни одного писателя. Только двое или трое его последних собутыльников сумрачно томились в ожидании поминальной выпивки.

Зато женщин было человек шестьдесят. Всех возрастов.

Это была жутковатая картина. Все они держали в руках свернутые газеты или журналы и обмахивались ими от жары. Я не сразу понял связь между женщинами и происхождением печатной продукции. А потом сообразил, что женщины, очевидно, отгоняют от себя миазмы нового времени. Казалось, его статьи продолжают работать.

Интересно, подумал я, здесь ли три сотрудницы, с которых началось падение и возвышение Альберта Александровича?..

В толпе женщин, на целую голову возвышаясь над ними, стояла наша мулатка и, высоко воздев над головой краснопёры кубинский журнал, восклицала по-испански что-то угрожающее. Мелькнуло памятное с тридцатых годов: «Но пасаран!» Рядом с мулаткой стояла ее оливковый муж и тоже взмахивал краснопёрым журналом. Потом он положил его на грудь покойника. Нескольких женщин взрыдали. Я был уверен, что это журнал с той, самой первой кубинской статьей Альберта Александровича.

Настраение остальных плакальщиц было гораздо мирнее, и они не пытались превратить панихиду в митинг. Изредка они раскрывали свои журналы и показывали друг другу какие-то места в статьях покойного, по видимому, связанные с особенными, теперь уже неповторимыми личными воспоминаниями.

Пьяницы у гроба бубнили о золотом перо Альберта Александровича и о золотой поре пятидесятых, шестидесятых, семидесятых и отчасти восьмидесятых годов.

Какая-то пигалица, явно взяв у мамы журнал, подражая взрослым, как веером махала им вокруг лица. Кое-кто, не без скромной гордости, прижимал к груди по целой пачке журналов. Они, как близкие родственницы, теснились друг к другу и стояли поближе к гробу. Вдовы моего Покровителя, слава Богу, не было. Она давно ушла от него. Нет, не после моего ночного вторжения, гораздо позже. Но я все же боялся, что она вдруг придет на похороны и узнает меня.

Тем не менее, к моему стыду, я был узнан двумя или тремя женщинами, которые, сообразив, что в их руках есть номера журналов, где напечатаны и мои рассказы, ринулись ко мне за автографами. Образовалась очередь, небольшая, но оживленная. Не подчиняться ей было нельзя, хотя все это выглядело в высшей степени двусмысленно. Некоторые под шумок подсовывали мне журналы и газеты, где я сроду не печатался. Я подписывал и их, спорить было неловко.

Заметив очередь и, видимо, решив, что я, какой ни есть, последний сторонник мирового коммунизма, подошла ко мне и мулатка и сунула мне свой краснопёры журнал, где я, конечно, никогда не печатался и печататься не мог.

«Пламенной Айседоре» — написал я, стыдясь своих слов и одновременно стыдясь своего стыда, очень отчетливо подписался.

— Теперь, когда совесть партии в гробу, здесь все возможно, — сказала она, тряхнув своей мелкокурчавой головой.

— Но не на Кубе, — резко добавил ее оливковый муж.

Она почти вырвала у меня журнал, брезгливо-болезненным выражением лица как бы давая знать, кому именно надлежало бы лежать в гробу, а кому жить и жить.

— Это правда, что он всю жизнь покровительствовал вам? — спросила одна из женщин.

— Да, — согласился я, и она горько зарыдала.

Господи, прости наши грехи!

ЧУЖАЯ ЖЕНА

ЛЮДМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ

Как-то раз лягушка Самсон, так бывает, вывалил свой слишком длинный язык (мимо пролетала комар Томка), и тут внезапно хлопнула дверь, сквозняк. И лягушку Самсона заклинило.

Самсон торчал у закрытых дверей, высунув язык, причем язык его простирался по обе стороны закрытых дверей, и как раз с той стороны, с внешней, торчащим языком Самсона заинтересовался мимохожий карп дядя Сережа, который приплыл стилем «фри-хасбэнд» и спросил у комара Томки, сколько время: просто так.

А у комара Томки часы-то на цепочке при груди, не как у всех.

Лягушка Самсон хотел ответить сам на вопрос, который был ясно слышен по его сторону двери, и залопотал языком, будучи от природы замкнутым (но тут экстремальная ситуация):

— Без пятнathцathi пятнathцathy (без пятнадцати и т.д.).

Но получилось невнятно, а карп дядя Сережа звякнул орденами и как цапнет Самсона за его отдельно шевельнувшийся по сю сторону дверей язык!

(Пока комар Томка искала на груди часы.)

Лягушке Самсону стало щекотно по ту сторону дверей, и он сказал «tha пошел thы», управляя при этом своим длинным языком, который шевелился, если вам понятно, по другую сторону двери, где дядя Сережа-каarp уже совершенно приспособился и даже увлекся, делая глотательные движения вокруг подвижного языка лягушки Самсона.

Теперь сами посудите, какая вышла ситуация, буквально «ни туда ни сюда», как говорят в Японии.

С одной стороны припертый к двери лягушка Самсон с ущемлением языка, с другой стороны тоже припертый к двери — язык проглотил — эмоционально тупой карп Сережа, а посреди двери и на ней комар Томка бьется, ищет в декоративные часы, чужая жена в поле зрения пропадающего от щекотки Самсона.

Как всегда, всех выручила лягушка Женечка, она прибежала, пощекотала карпа дядю Сережу под животом пальчиком, карп дядя Сережа оглянулся и выпустил самсоновский язык, корчась от животного смеха, дверь открылась обратно сама собой (верьте не верьте, такие совпадения бывают), и Женечка взяла мужа на плечо.

После чего лягушка Самсон вообще перестал общаться с народом, держит язык за зубами, и многие принимают эту черту за загадочность природы, инолягушка Пипа, например.

© х.а. А. Лукьяничков

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ИГОРЯ ИРТЕНЬЕВА

В. Долиной

Нет, мы империя добра
 А не империя мы зла,
 Как мы тут слышали вчера
 От одного тут мы козла.
 Не будем называть страну,
 Главой которой был козел,
 Мечтавший развязать войну,
 От наших городов и сел
 Чтоб не осталось и следа,
 Но мы ему сказали: «Нет!»
 И он был вынужден тогда,
 Чтоб свой спасти авторитет
 Козлиный, с нами заключить

Один известный договор,
 Который должен исключить
 Саму возможность всякий спор
 Решать насильственным путем.
 А нам такой не нужен путь,
 Поскольку к миру мы идем,
 А если вдруг когда-нибудь
 Другой козел захочет вдруг
 С пути нас этого свернуть
 Ему мы скажем: «Знаешь, друг,
 Вали откудова пришел!»
 И он отвалит — тот козел.

Эстет Михаил Молочников

Вильям МЕЙЛАНД

Этот художник иногда кажется мне человеком другой цивилизации. Так тщательно и отвлеченно могли творить ацтеки и старые китайцы, японские каллиграфы и полировавший линзы Бенедикт Спиноза. Если же говорить не о тщательности и изысканности, а о стилистике Молочникова, то ему явно роднее других эпох и стилей сравнительно близкое нам время модерна, «серебряного века» отечественной культуры.

Михаил любит строгую и точную организацию композиции. Иногда эта организация может показаться даже жесткой и нарочитой, как тяжелая черная решетка чугунной ограды. Но это впечатление сразу же исчезает, когда он переходит к наполнению клеток, сегментов и кругов своих конструкций живым кружевом изобразительных стилизаций. Рыбы, птицы, бабочки и стрекозы, человеческие тела и причудливые растения — весь переменимый, текучий и трепетный мир безо всякого насилия совмещается со строгой геометрией его построений. Более того, не будь этих четких, математически выверенных «паспарту», и вся эфемерная изобразительная пыльца облетела бы, как легкоранимый узор с крыльев грубо схваченной бабочки.

«Рисовать начал в 17 лет с педагогом по рисунку, — рассказывает художник. — Когда учился в Московском архитектурно-строительном техникуме, познакомился с Андреем В. Он рисовал не как все, а клетками и делал странную штриховку. Его из техникума выгнали, а я впервые понял, что можно делать не так, как учили... Потом я поступил в Моспроект-1. Там работали дети архитекторов, и это безумно раздражало. Ничего оригинального, любая инициатива была наказуема. Однажды летом в жару я пришел на работу в шортах, в связи с чем директор меня пригласил к себе в кабинет и сказал, что «наши идеалы несовместимы».

Я долго работал сторожем в Доме моды на Арбате, а по-

ОЛГА ЧУМАЧЕНКО

том в институте со странной аббревиатурой «ИРИА», откуда тоже пришлось уйти, так как там все время приглашали вступить в партию. (Я ведь числился по пролетарской части — был дворником.)

Был еще занятный эпизод с искусствоведом Леонидом Бажановым, к которому мне посоветовали обратиться как к мэтру в 1989 году. Я привез свою графику, Леня посмотрел, сказал: «Так сегодня рисовать нельзя» — и стал показывать работы И.Чуйкова. Посоветовал избрать формат 120 на 120, так как это максимальный размер, который входит в самолет. Бажановские поучения вызвали у меня такой протест, что я решил делать все наоборот. В каком-то смысле это был очередной мощный стимул к творчеству.

Был я знаком и с Колей Шукиным, который намекал, что он из тех самых Шукиных-меценатов. Коля начал

активно скупать мои работы, сделал выставку в Тампере (Финляндия) в 1989 году. Статью к моему каталогу написал Борис Гройс. С легкой руки Щукина появилось много упоминаний в прессе, он же познакомил меня с английскими искусствоведами, которые сделали выставку «Москва в Кембридже». Так что можно сказать, Коля вывел меня в люди...

В разные годы я много читал А.Белого, П.Флоренского. Меня поразило, что сюжет для них был не важен. Человек у них выворачивается в другой мир. Вообще, мир реальный оказался менее существен, чем ирреальный. А что мы рисовали, когда нас учили? Натюрморты с драпировками и муляжными фруктами, пейзажи с храмами, муть всякую... На выставке «Москва — Париж» П.Филонов и Д.Бурлюк открыли мне мир, состоящий как бы из изобразительных молекул. Они видели вещи, в которых жи-

вут другие вещи... Я сегодня начинаю свои работы с расчета паспарту. Вычерчиваю все на кальке. У меня нет дробей, только четные числа. По Пифагору и Платону, числа — это носители божественной субстанции. Но, в принципе, многое происходит, конечно, подсознательно. Мне очень нравится совмещение разных культурных слов...»

И действительно, глядя на вычерченные «веера» и мондриановские клетки и прямоугольники Молочникова, нельзя забыть об этом культурном пристрастии к совмещениям и наслоениям. Весьма хороши и его «маски», впервые появившиеся в 1993 году после знакомства с театром корейских масок, которые, по признанию художника, поразили его, помимо прочего, тем, что не менялись на протяжении многих веков. Расцветившие причудливыми орнаментами и декоративными линиями и точками, оперенные и увешанные бахромой и блестящей бижутерией, они смотрят на нас своими глазами, погружая в мир таинственных сказаний и легенд, в общую для всех народов толщу истории. Михаил же, поражая знакомых и друзей своей работоспособностью, мечтает о художественном освоении пространства современной жизни «в дизайне, в книге, в графике...». «Все равно чем заниматься, — утверждает наш универсальный маэстро. — Хочется создавать одежду, дома, мебель и строить свой мир...»

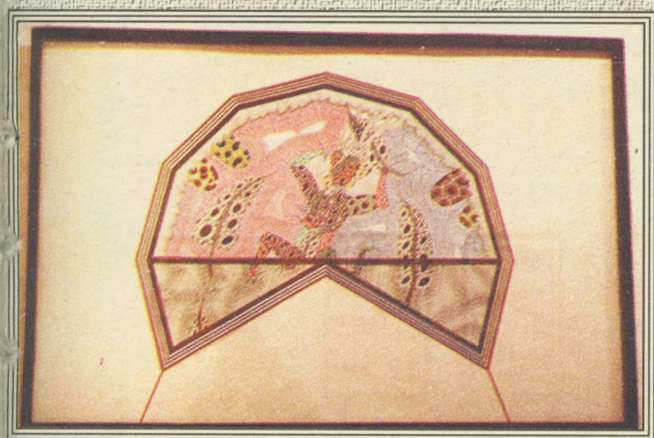
У меня нет оснований не верить этому глобальному эстету-жизнестроителю, тем более что слова Михаила — это не только мечта, но и реальные дела. Он недавно с блеском завершил создание фирменного стиля для программы «Арт-Инфо» (компьютерный банк современного искусства) и провел персональную выставку в новой галерее «Салон». По соразмерности с окружающим пространством и гармоничности экспозиции — это одна из лучших выставок, которые мне довелось видеть в изобилующей галереями всех сортов Москве.

Маски.
1992 – 1994

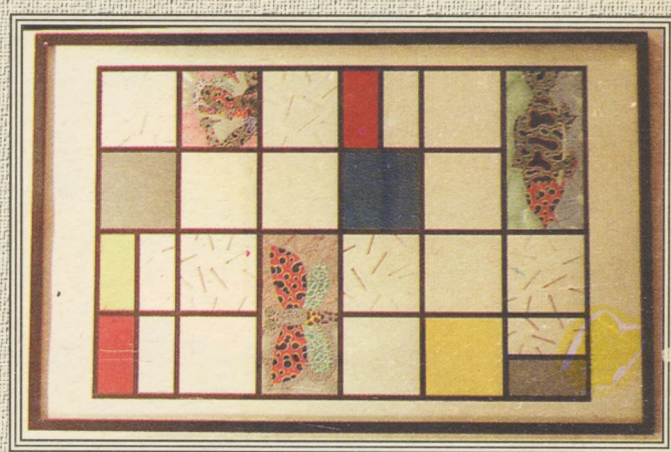
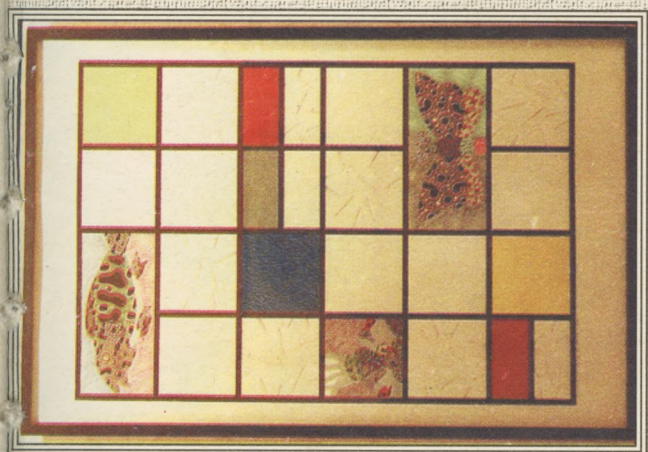

Небесные духи.
1993

Души умерших. Веер.
1994

Михаил Молочников

Из серии «Стрекозы и рыбы». 1994

Наличные деньги могут остаться лишь на полотнах старых мастеров да в нашей памяти

Ведь теперь у нас есть банковские карточки STB-card

Адрес: Москва, 113095, ул. Пятницкая, 72.
Телефоны: (095) 236-81-80, 236-80-57. Факс: 236-83-20.
Телекс: 411913 SBANK SU. Телетайп: 114250 СМОЛЯК